

П-856

29

ISSN 0320-9393

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

29

« ИСКУССТВО »

П-856
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ОРДЕНА ЛЕНИНА ЭРМИТАЖ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Под редакцией
академика Б. Б. ПИОТРОВСКОГО

29

«ИСКУССТВО»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1988

П-856

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Под редакцией
академика Б. Б. ПИОТРОВСКОГО

29

П-856 П110007
Археологический
Сборник. к 29,
П., 1988, к-2р60

П110007 П

ББК 63.4л6
А87

*Печатается по решению Ученого Совета
Государственного Эрмитажа*

Редактор М. Б. Шукш

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ И ИСКУССТВУ ДРЕВНИХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

А $\frac{0507000000-034}{025(01)-88}$ 1-88
ISBN 5-210-00161-X

© «Искусство», 1988 г.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

И. В. Калинина, Е. А. Устинова. Опыт исследования метода экспериментального моделирования для технологического анализа керамики (по материалам неолитических памятников Полудёнка-I и Хуторская стоянка)	5
Г. И. Смирнова, М. Т. Кашуба. О двух локальных группах культуры позднего Чернолесья на Среднем Днестре	18
Р. Б. Исмаилов. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры	29
Р. С. Минасян. К вопросу о влиянии техники производства на происхождение некоторых особенностей скифо-сибирского звериного стиля	48
Е. Ф. Чежина. История и современное состояние проблемы «савроматского» звериного стиля	59
Л. С. Марсадолов. Дендрохронология больших курганов Саяно-Алтая I тысячелетия до н. э.	65
И. Г. Горбунова, Т. Г. Оболдуева. Поселение Арал-Тепе в Фергане	82
А. И. Семенов. К выявлению центрально-азиатских элементов в культуре ранне-средневековых кочевников Восточной Европы	97
О. И. Давидан. Скарабей из Старой Ладogi	112
Д. А. Мачинский. Некоторые географические и исторические предпосылки возникновения севернорусского протогосударства	117
Summaries	129
Список сокращений	133
I. Kalinina, E. Ustinova. An Attempt of the Utilization of Experimental Models for the Analysis of Pottery Technology (based on the materials of Poludenka I and Khutor Neolithic sites)	5
G. Smirnova, M. Kashuba. Two Local Groups of the Late Chiorny Les Culture of the Middle Dniester	18
R. Ismagilov. Burial of the Great Gumarovo Barrow in the Southern Urals and the Problem of the Scythian Culture Origin	29
R. Minasian. The Effect of Production Techniques on Some Features of Scytho-Siberian Animal Style	48
E. Chezhina. Sauromatian Animal Styles: History and Contemporary State of the Problem	59
L. Marsadolov. Dendrochronology of the Sayan and Altai Great Barrows of the First Millennium B. C.	65
N. Gorbunova, T. Obolduyeva. Aral-tepe, Settlement in Fergana	82
A. Semionov. The Problem of the Differentiation of Central-Asian Elements in the Early-Medieval Nomadic Culture of Eastern Europe	97
O. Davidan. Scarab from Staraya Ladoga	112
D. Machinsky. Some Geographic and Historical Prerequisites of the Appearance of the Northern Russian Proto-State	117
Summaries	129
Abbreviations	133

И. В. КАЛИНИНА, Е. А. УСТИНОВА

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ДЛЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КЕРАМИКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПОЛУДЕНКА-I И ХУТОРСКАЯ СТОЯНКА)

Исследователями неолита Урала неоднократно поднимался вопрос о культурно-историческом соотношении отдельных его регионов. Форма сосудов и их орнаментация — один из признанных критериев при оценке близости выделяемых общностей. Учитывались морфологические признаки форм венчиков, орнаментальных композиций, оттисков штампов. По технологическим же признакам комплексы не сопоставлялись, за исключением формовочных масс кошкинской и боборыкинской культур [7].

Для сравнительного анализа выбраны два памятника: стоянка Полудёнка-I (Зауралье) и Хуторская стоянка (Прикамье), которые являются опорными для выделения хронологических этапов неолита соответствующих регионов. Стоянка Полудёнка-I расположена в окрестностях г. Нижний Тагил Свердловской обл.; в 1944—1946 гг. раскапывалась О. Н. Бадером [1; 2]. Хуторская стоянка находится около г. Березники Пермской обл. В 1954 г. В. П. Денисов раскопал на стоянке жилище [6].

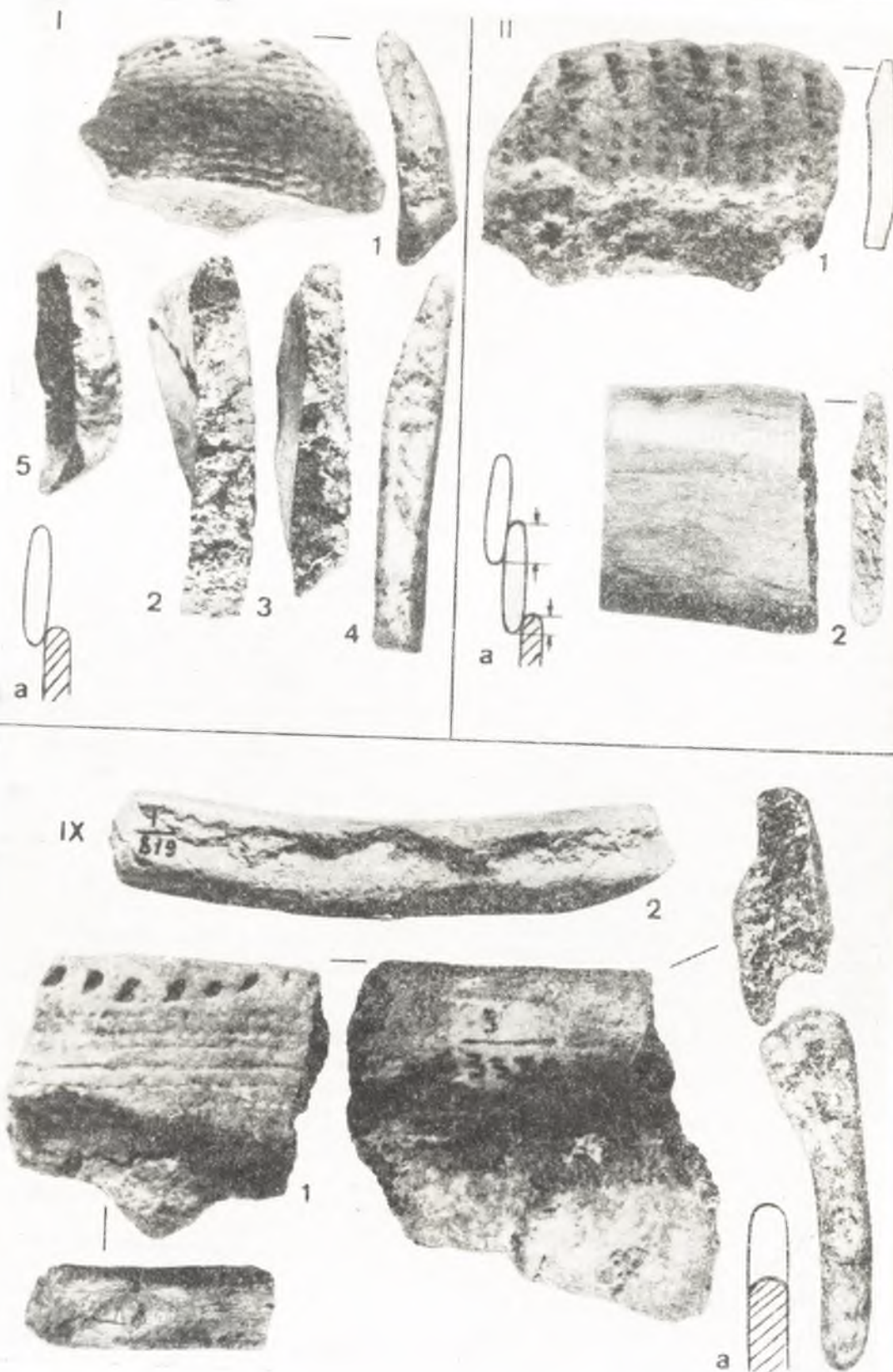
Материалы Хуторской стоянки хранятся в кабинете археологии Урала Пермского государственного университета (инв. № 319). Коллекция неоднократно использовалась в учебной работе студентами, что явилось причиной потери ряда информативных признаков из-за расслаивания фрагментов, затирания изломов, обламывания торцов глиняных лент. Условия хранения материалов стоянки Полудёнка-I в фондах Нижнетагильского историко-революционного музея (инв. № 1, 3, 4, 12, 20, 22) обеспечивают лучшую их сохранность,

однако объем материала — около 25 тыс. фрагментов — требует большего времени для ее обработки, чем мы располагали. Нельзя не отметить и кратковременность полевой экспериментальной части исследования, проводившейся в 1983—1984 гг. экспериментально-трассологической экспедицией ЛОИА в Литве (начальник Г. Ф. Коробкова) и в 1985 г. на базе археологической экспедиции УГУ в Тюменской обл. (начальник Л. Н. Корякова).

Для технологического анализа была отобрана лишь незначительная часть фрагментов, включающая морфологические разновидности венчиков, фрагменты с визуально видимыми следами обработки поверхности, черепки, окрашенные охрой, и образцы разных орнаментов.

Использовался метод экспериментального моделирования, цель которого, по А. А. Бобринскому, — проверка устойчивости связей между отдельными приемами труда и следами, которые они оставляют на поверхности и в изломе изделий [3, с. 18]. На археологических образцах выявлялись признаки, относительно которых возможно было предположение о том или ином их технологическом происхождении. Данное звено технологического процесса физически моделировалось, и затем экспериментальные образцы сравнивались с археологическими.

Способы конструирования венчиков. На обоих памятниках представлены две группы венчиков: с так называемыми «напльвами» (утолщениями на внутренней стороне) и без «напльвов». Наблюдения за течением формовочной массы в свежем изломе венчиков,

отслоившиеся напыльвы, вставившие по спаям части венчиков позволили смоделировать девять способов конструирования венчиков (рис. 1—5).

I. Формообразующий элемент — последняя лента, торец которой является краем венчика (рис. 1: I, а). Данным способом сформованы венчики небольших сосудов Полудёнки-I (рис. 1: I, 4) и Хуторской стоянки (рис. 1: I, 1—3). Край венчика, как правило, тоньше стенок сосуда (рис. 1: I, 1—5). По линии соединения глиняных лент заметно утолщение. Нередко венчик отслаивается по стыку лент (рис. 1: I, 1).

II. Формообразующий элемент — две ленты (рис. 1: II, а). Последняя примазывалась на $\frac{1}{3}$ высоты предыдущей с внутренней стороны, то есть ниже, чем при формовке стенок, что позволяло моделировку «напыльва» или скоса у венчика (рис. 1: II, 1, 2). Отмечен для Полудёнки-I (рис. 1: II, 1).

III. Формообразующий элемент — две ленты (рис. 2: III, а). Последняя примазывалась на $\frac{1}{2}$ высоты предыдущей ленты с внутренней стороны, моделировался «напыльв» и край венчика (рис. 2: III, 1—7). Характерен для Полудёнки-I, где представлен в нескольких морфологических вариантах (рис. 2: III, 1, 2, 3; рис. 6: 14). Правомерность предложенной реконструкции способа формовки подтверждает имеющийся в коллекции отслоившийся венчик (рис. 2: III, 3), который соответствует экспериментальному образцу (рис. 2: III, 5).

IV. Формообразующий элемент — две ленты (рис. 3: IV, а). Последняя примазывалась с внутренней стороны на всю ширину предыдущей ленты (рис. 3: IV, 1, 2). Отмечен для Полудёнки-I (рис. 3: IV, 1). На торцах археологического и экспериментального образцов заметны бороздки по месту соединения лент (рис. 3: IV, 1, 2).

V. Формообразующий элемент — последняя глиняная лента (рис. 4: V, а). Соединение лент по скошенному торцу (рис. 4: V, 1, 2). Отмечен как для Полудёнки-I (рис. 4: V, 1), так и Хуторской стоянки (рис. 4: V, 2). Не исключено, что прием соединения глиняных лент по скошенному торцу использовался и при формовке стенок этих сосудов.

VI. Формообразующий элемент — две ленты (рис. 5: VI, а). На предпоследней ленте скошенный торец. Последняя лента примазывалась ниже торца предыдущей ленты, и моделировался «напыльв» (рис. 5: VI, 1—7). Отмечен для Хуторской стоянки (рис. 5: VI, 7). Для Полудёнки-I — характерен, здесь пред-

ставлены разновидности оформления края венчиков (рис. 5: VI, 1, 3). На отслоившемся напыльве изгиб внутренней поверхности соответствует месту соединения его со скошенным торцом предыдущей ленты (рис. 5: VI, 2).

VII. Формообразующий элемент — две ленты (рис. 4: VII, а). Последняя примазывалась на половину предыдущей ленты с внешней стороны, моделировался край венчика и «напыльв» (рис. 4: VII, 1—5). Характерен для Хуторской стоянки (рис. 4: VII, 1—3). В коллекции имеются отслоившиеся части венчиков (рис. 4: VII, 1, 2).

VIII. Формообразующий элемент — массивный жгут, примазываемый к торцу предыдущего (рис. 4: VIII, а, 1, 2). Отмечен для Хуторской стоянки (рис. 4: VIII, 1).

IX. Формообразующий элемент — массивная лента, примазываемая к торцу предыдущей, на которой моделировался «напыльв» (рис. 1: IX, а). Отмечен для Полудёнки-I, где имеется отслоившийся венчик (рис. 1: IX, 1).

Таким образом, венчики без «напыльвов» по способу конструирования не отличались от стенок сосудов. Венчики с «напыльвами» выполнялись по-разному, в зависимости от того, как примазывались формообразующие ленты к тулову сосуда.

Обработка поверхностей сосудов. В ходе лепки сосудов необходимо тщательное заглаживание швов соединения глиняных лент. В противном случае уже на стадии сушки сосуд распадается по линиям спая лент. Орудия, которыми заглаживались стыки глиняных лент, служили и для выравнивания стенок сосудов. По мнению А. А. Бобринского, «выделение приемов холодной обработки поверхностей в особую группу произошло из опыта придания сосудам определенной формы» [3, с. 213].

После окончания формовки сосудов в более или менее длительного просушивания сосуды ложились, ориентировались. Эти приемы дополнительной обработки поверхностей сосудов назовем вторичными, в отличие от первичной обработки — заглаживания и выравнивания. Мы сочли возможным в приемы вторичной обработки включить ориентацию сосудов, так как при разных способах нанесения орнамента дополнительно уплотняются стенки сосудов, в некоторых случаях они утончаются — частично удаляется поверхностный слой.

Рис. 1. I, II и IX способы конструирования венчиков

а — схема наложения лент; 1, 1—3 — Хуторская стоянка; 1, 4, II, 1, IX, 1—2 — стоянка Полудёнка-I; 1, 5, II, 2 — экспериментальные образцы

Все приемы вторичной обработки поверхности выполняют декоративную функцию, но и следы первичной обработки — заглаживания и выравнивания — могут восприниматься как своеобразный орнамент [8, с. 62].

Для хutorских сосудов В. П. Денисов отметил, что формовка и предварительная обработка их производилась при помощи штампа или какого-либо другого предмета, следы которого сохранились на внутренней поверхности одного из сосудов. У 46 сосудов из 101 наружная поверхность имеет следы лощения, в то же время при обработке внутренней поверхности лощение наблюдается у 19 сосудов. На наружной поверхности в 15 случаях прослежены следы охры [6, с. 47].

Первичная обработка. Следы первичной обработки поверхности, как правило, плохо различимы. Они затирались при вторичной обработке, утилитарном использовании сосудов, а также во время многовекового нахождения фрагментов в земле. Тем не менее следы от орудий сохраняют микроструктуру, которая может быть выявлена с помощью микроскопа.

Уже при первом знакомстве с керамикой Хutorской стоянки обращает на себя внимание «тщательность» обработки внешней и внутренней поверхности сосудов. Отсутствуют даже незначительные неровности (выпуклости и вмятины), что позволяет исключить обработку поверхности мягкими материалами: кожей, тканью и т. п. Следов выбивания также не удалось обнаружить. Вместе с тем на фрагментах присутствуют линейные следы (рис. 6: 3, 6, 7). Эти следы имеют микропризнаки, которые А. А. Бобринский определял как специфические для следов от деревянного ножа, а именно: «форма наиболее развитых выпуклых линий характеризуется ступенчатостью края — деталь, совершенно не свойственная каким-либо иным материалам»; «четкость мельчайших и крупных по рельефу следов скольжения, не сочетающаяся с ритмичным расположением выпуклых линий»; «в следах отображаются мелкие неровности лезвия — выщербленность отдельных волокон» [3, с. 228, 230]. Можно предположить использование при формовке хutorских сосудов не ножа (шпателя) или щетки с продольным сечением древесины, а щетки с поперечным сечением древесины, о чем свидетельствует сильно выраженная рельефность выпуклых линий, разная глубина ложа бороздок на археологических фрагментах (рис. 6: 3, 6). [Ср. с экспериментальными образцами (рис. 6: 1, 2)].

По сравнению с хutorскими полудёнковские сосуды производят впечатление обработанных «менее тщательно». Сравни, например, обработку края венчиков (рис. 6: 11, 12 и рис. 6: 13, 14). В коллекции многочисленны фрагменты с бороздчатым заглаживанием поверхности — следами зубчатого орудия. Следы эти характеризуются развитым рельефом, регулярностью выпуклых и вогнутых линий, их параллельностью. Бороздки имеют устойчивые очертания ложа, по ширине соответствуют зубцам штампа; у выпуклых линий постоянная форма сечения. В бороздках заметны перемычки — результат неодинакового нажима на штамп при его движении по поверхности (рис. 7: 1). Сравни с экспериментальными образцами (рис. 7: 2). Другие способы обработки поверхности полудёнковских сосудов остались невыявленными.

Вторичная обработка. У многих хutorских сосудов внешняя поверхность (реже внутренняя) залощена до блеска. Вероятно, все сосуды лощились, но первоначальная поверхность у некоторых из них не сохранилась. На фрагментах заметны бороздчатые канавки от гальки-лощила, характерные для лощения по подсушенной поверхности (рис. 6: 10).

Несмотря на уплотнение поверхностного слоя и интенсивное испарение воды при лощении, поскольку соприкасающиеся с орудием участки поверхности нагреваются, глиняное тесто сохраняло пластичность, так как, судя по оттискам штампов, орнамент наносился после лощения. Видимо, при формовке сосудов использовались жирные (пластичные) глины крутого замеса. Известно, что жирные глины способны поглощать и удерживать большее количество воды, чем тощие, но они и наиболее подвержены усушке при сушке и обжиге, поэтому требуют добавки в формовочную массу отощителя. В хutorских сосудах с этой целью использовался крупный шмот. В глине присутствуют также окатанные гальки. Шмот выполнял роль каркаса, но глина при этом не теряла пластичности, вследствие того, что «крупнозернистые примеси... могут быть прибавлены в значительно большем количестве... без столь резкого ослабления пластичности, какое происходит от прибавки тонко измолотых материалов» [9, с. 34].

Проведенные опыты показали: зёрна шмота в жирной глине не препятствуют лощению и нанесению орнамента, так как обволакиваются частицами глины, погружаются в нее

Рис. 2. III способ конструирования венчиков

а — схема наложения депг; III, 1—3 — стоянка Полудёнка-1; III, 4—7 — экспериментальные образцы

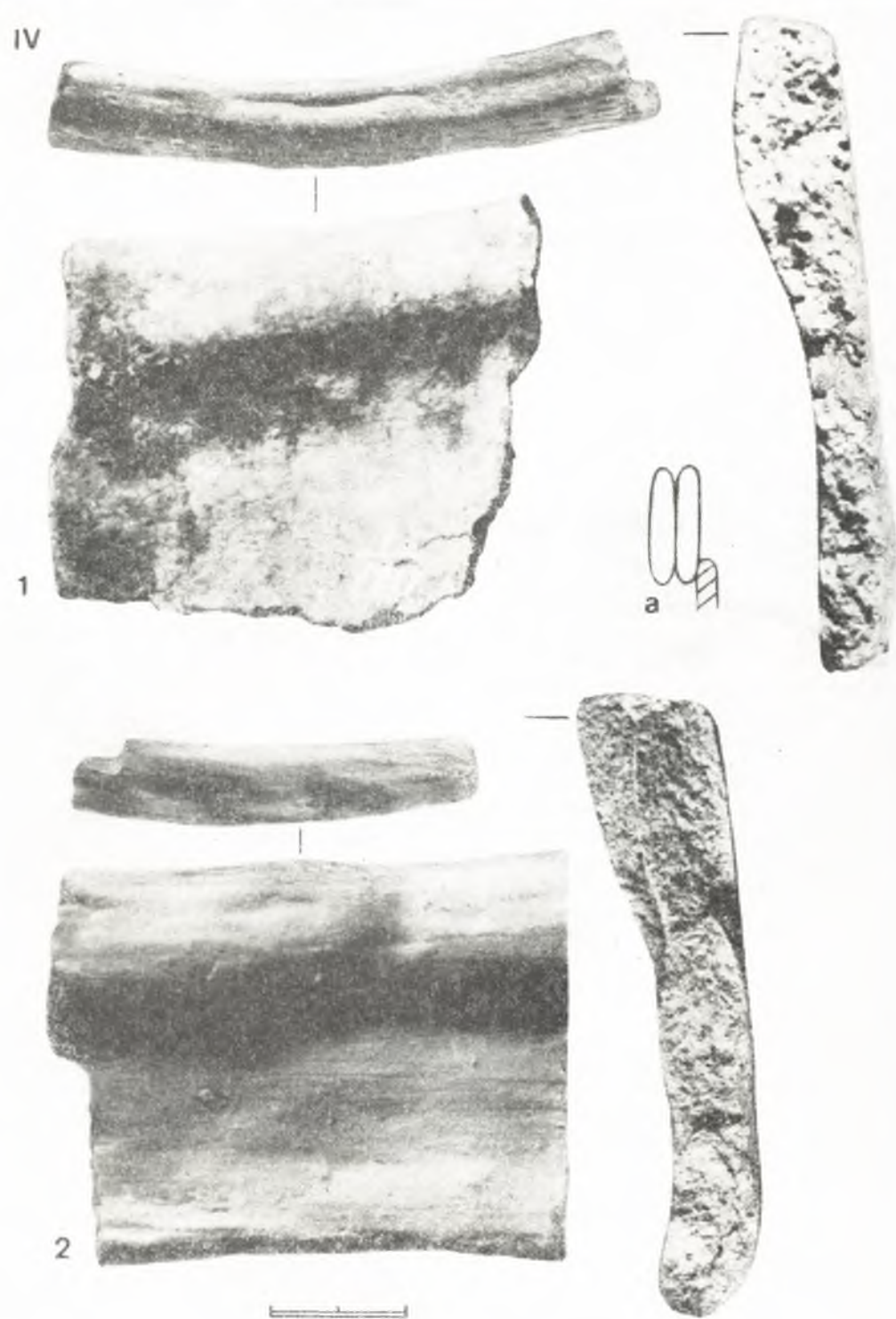

Рис. 3. IV способ конструирования венчиков

a — схема наложения дент; IV. 1 — стонка Подудёнка-1; IV. 2 — экспериментальный образец

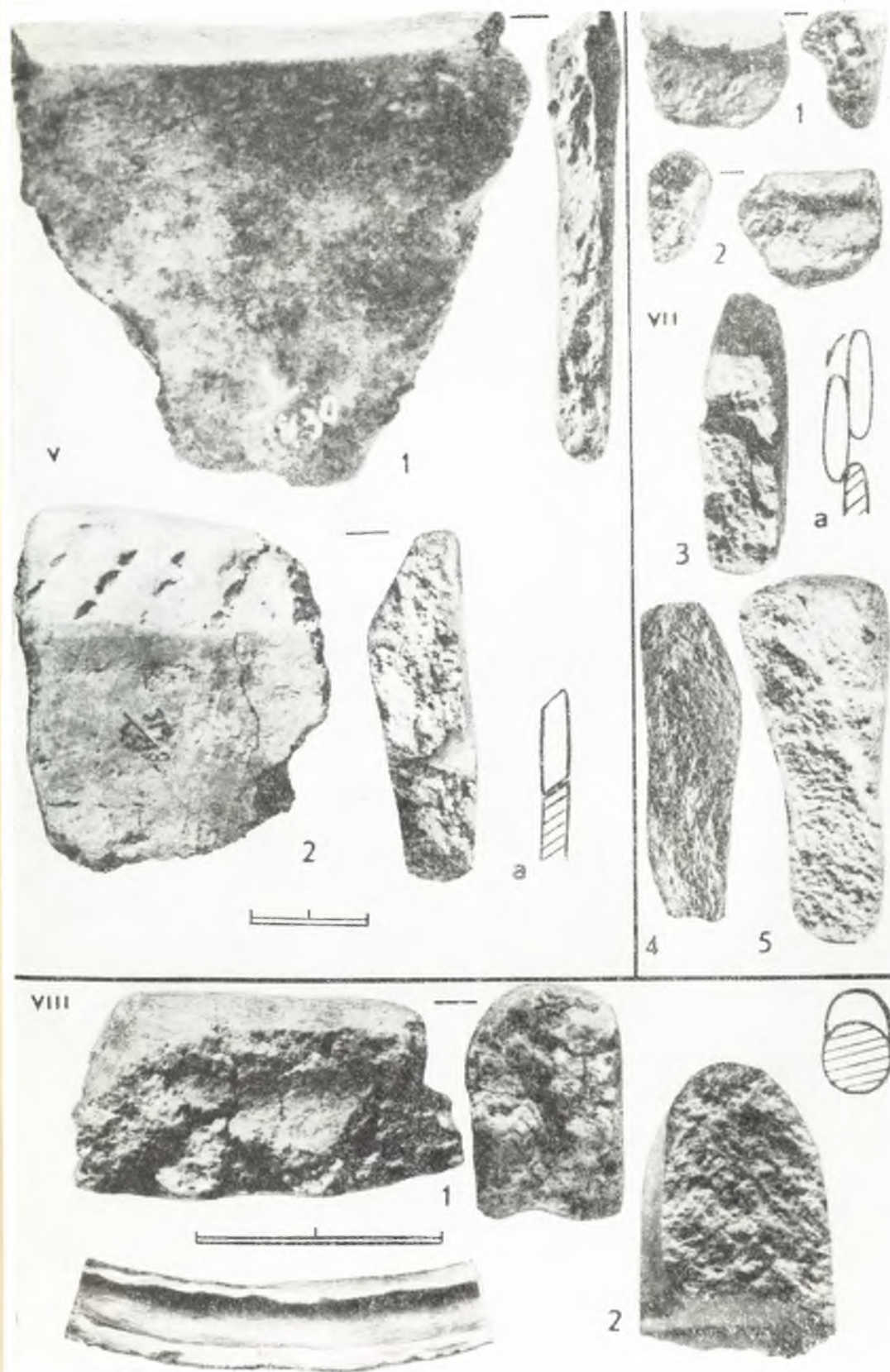

Рис. 4. V, VII и VIII способы конструирования венчиков

a — схема наложения дент и жгутов; V. 1 — стонка Подудёнка-1; V. 2, VII. 1-3; VIII. 1 — Хуторская стонка; VII. 1-5, VIII. 2 — экспериментальные образцы

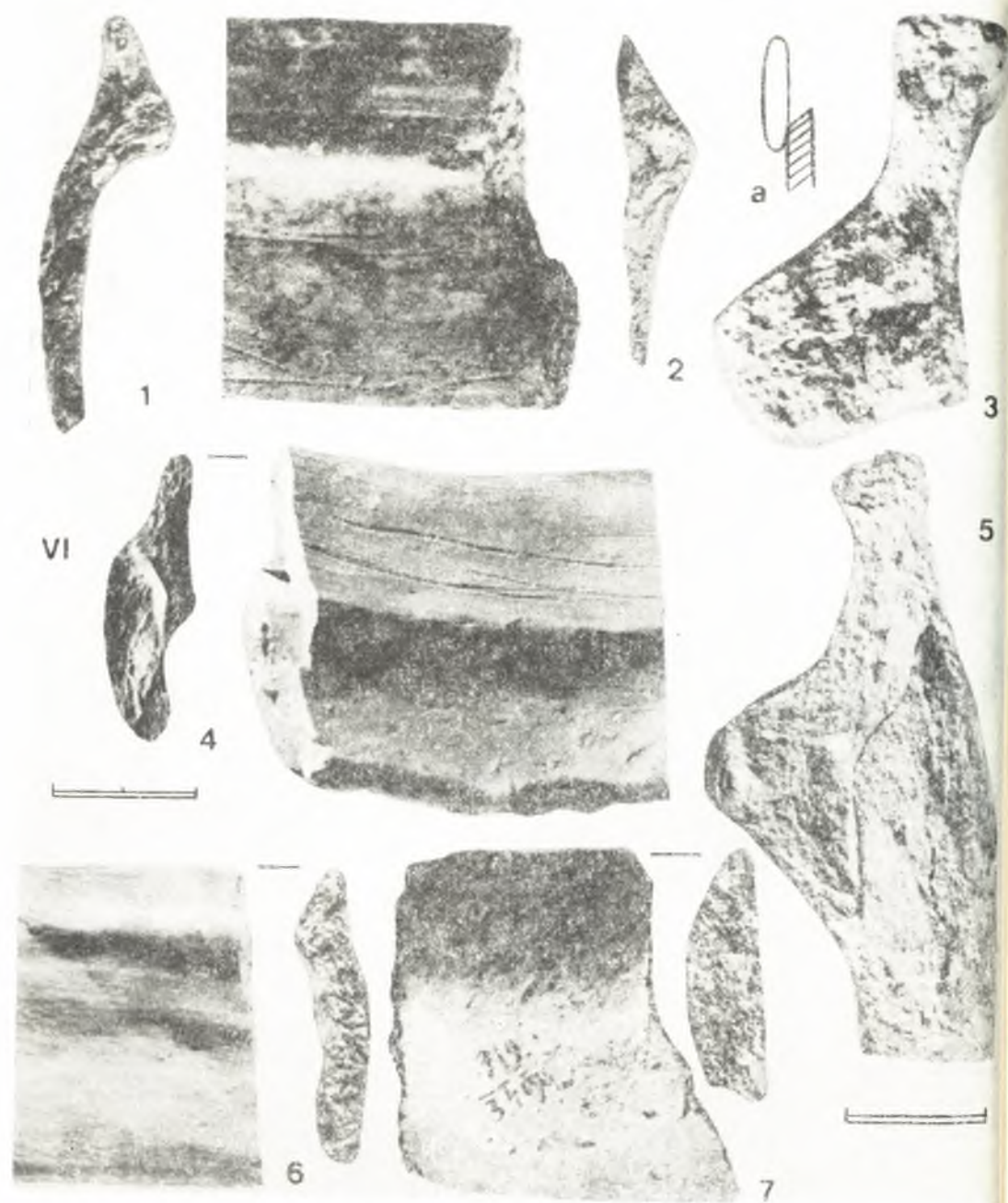

Рис. 5. VI способ конструирования венчиков
 а — схема наложения дефт. VI, 1—3 — стоянка Полулёдка-1; VI, 7 — Хуторская стоянка; VI, 4—6 — экспериментальные образцы

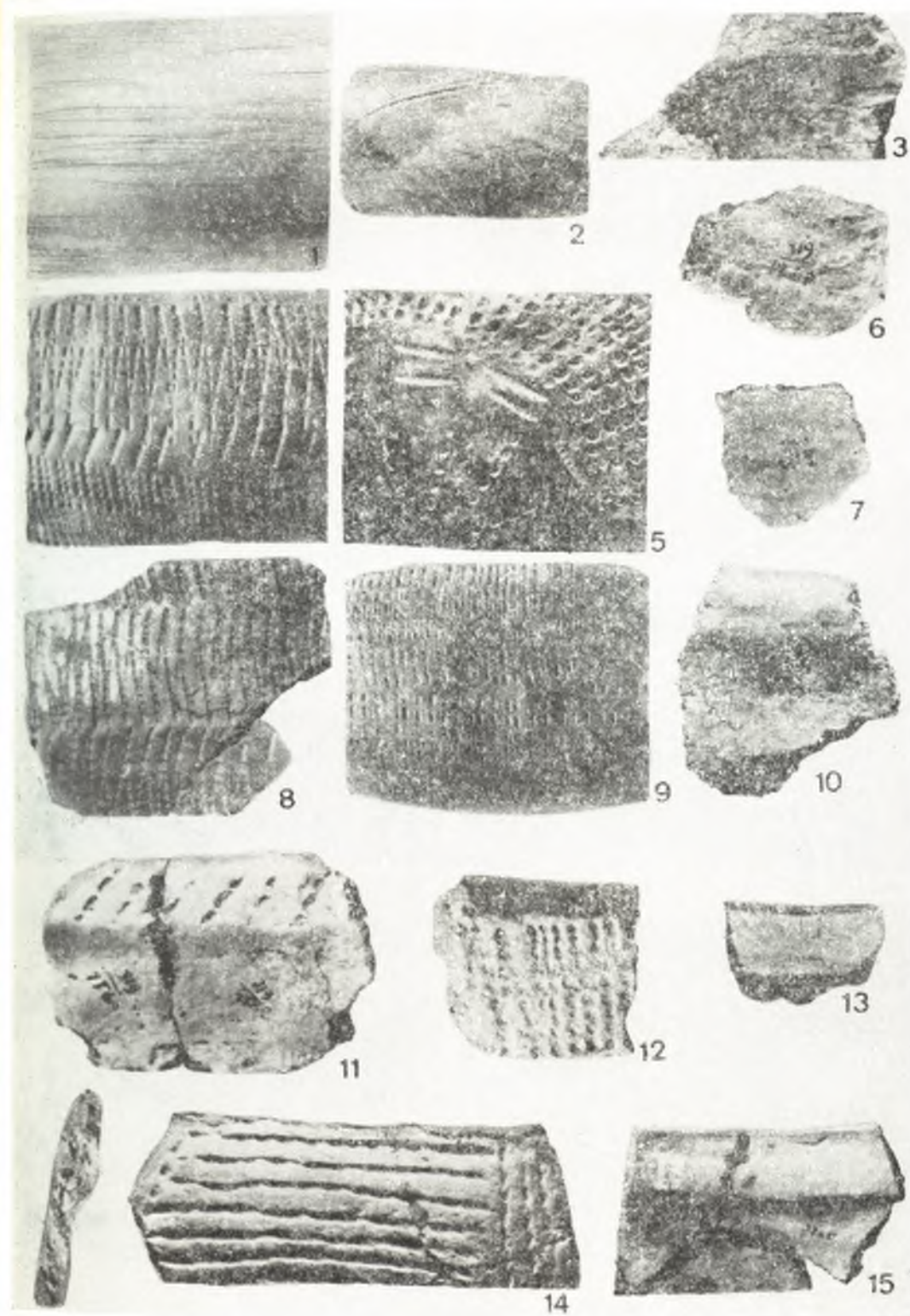

Рис. 6. Способы обработки поверхностей сосудов
 3, 6—8, 10—12 — Хуторская стоянка; 13, 14 — стоянка Полулёдка-1; 1—2, 4, 5, 9 — экспериментальные образцы

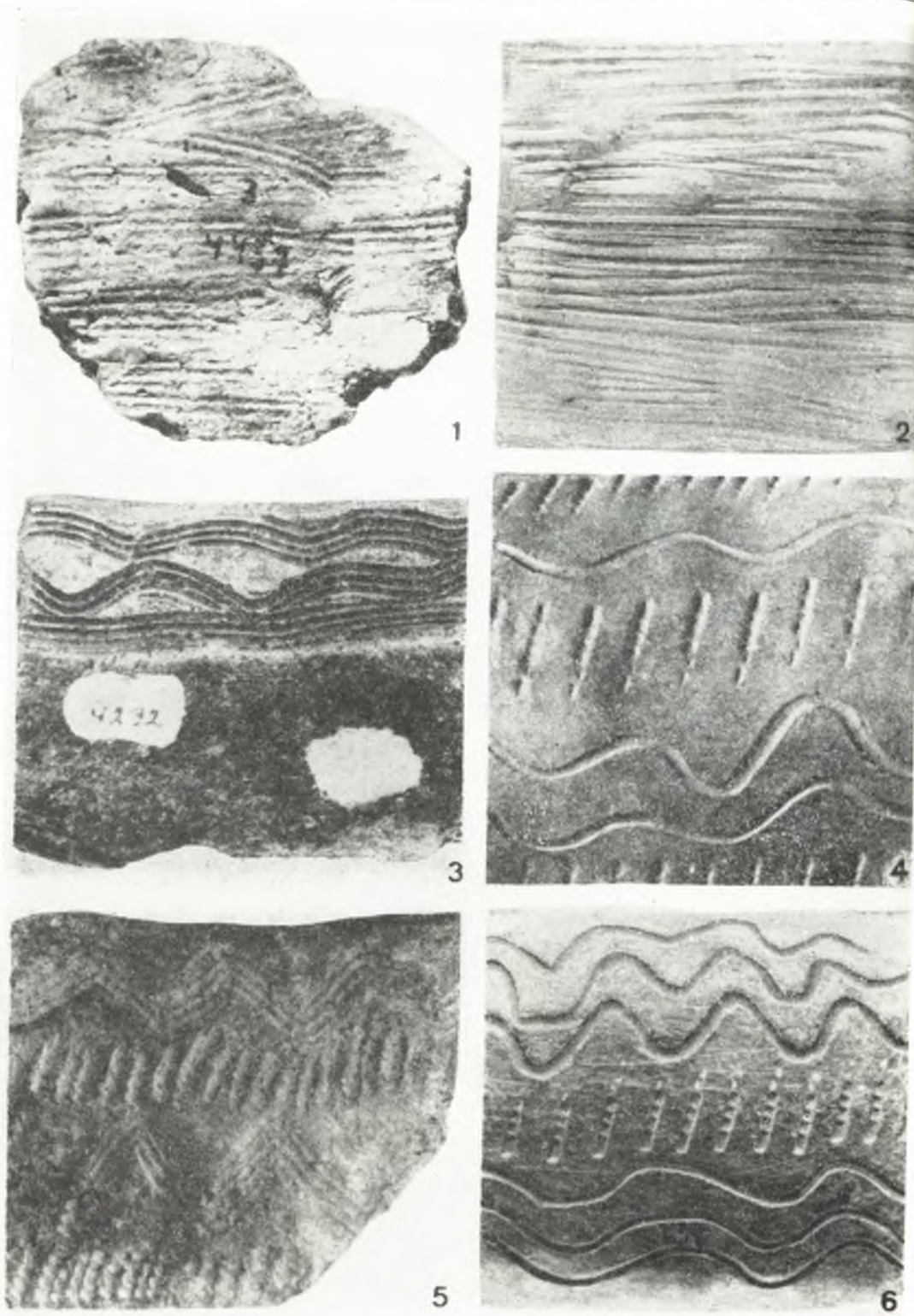

Рис. 7. Способы обработки поверхностей сосудов
1, 3, 5 — стоянка Полудинка-1; 2, 4, 6 — экспериментальные образцы

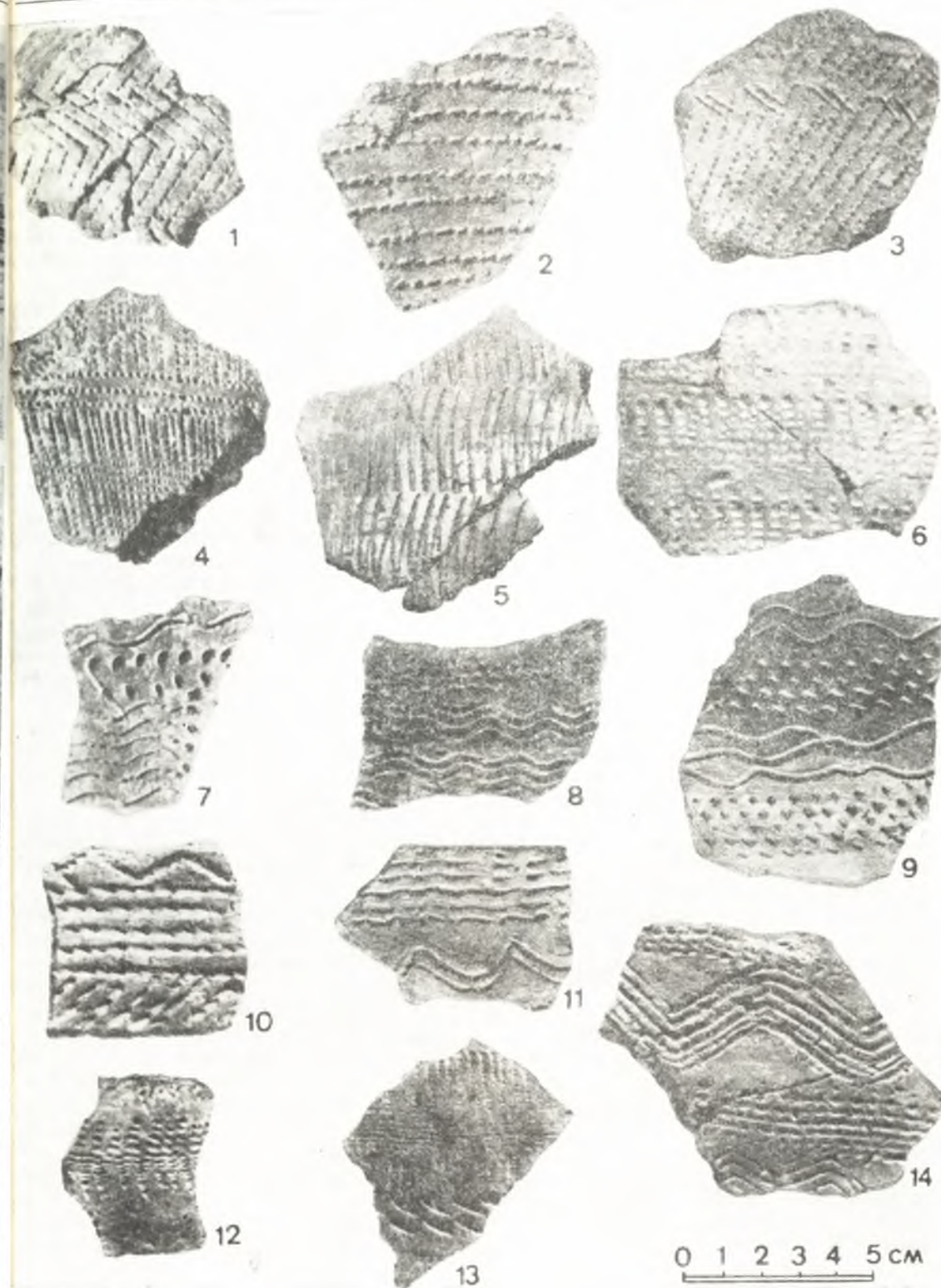

Рис. 8. Способы орнаментации сосудов
1-6 — Хузурская стоянка; 7-14 — стоянка Полудинка-1

и не разрывают поверхностный слой. Поверхность образцов из пластичной глины после лощения пригодна для нанесения определенных видов орнамента (рис. 6: 9).

Некоторые сосуды не только лощились, орнаментировались, но и окрашивались охрой. Для установления последовательности этих операций были проведены следующие опыты.

На орнаментированную, слегка влажную поверхность образца пальцами или куском мягкой кожи наносился порошок охры. Охра легко втиралась, а поверхность обрела блеск, какой наблюдается на археологических образцах. Орнамент при этом не затирается, что также соответствует моделируемым фрагментам (рис. 6: 4, 5). Но на поверхности последних, как уже отмечалось, отсутствуют микроследы от заглаживания пальцами или кожей.

В другом опыте поверхность до лощения промазывалась охрой, смешанной с жиром. Жир при лощении способствует быстрому появлению блеска и в то же время замедляет высыхание поверхности, что позволяет нанести орнамент, но при обжиге, как выяснилось, обесцвечивает поверхность.

В третьем опыте густо разведенная в воде охра наносилась на подсушенную поверхность, после чего производилось лощение. Опыты остались незавершенными. Внешняя поверхность хutorских сосудов, как правило, красновато-бурого цвета, иногда с лиловатым оттенком, в отличие от желтовато-коричневой внутренней поверхности. Возможно, это различие связано с окрашиванием внешней поверхности сосудов охрой. Для окончательных выводов необходимы эксперименты, включающие обжиг образцов.

Многие фрагменты полудёнковских сосудов тоже залощены до блеска. Формовочная масса их содержит примесь талька (от порошковидного до гранул диаметром 2—3 мм). На экспериментальных образцах в поверхностном слое заметны относительно крупные частицы, пылевидные же обнаруживают себя только в свежем изломе. На археологических фрагментах последние выступают на поверхность, которая, по-видимому, нарушена в условиях пребывания в земле. А. М. Соколов отметил, что «при обжигании в пределах от 200 до 600°... глинистое вещество... легче подвергается действию... слабых кислот и щелочей, не действующих на сырое глинистое вещество [9, с. 34—35].

Сглаженные края отсков штампов свидетельствуют о лощении после нанесения орнамента (рис. 7: 5). Нами проведены следующие опыты: лощение куском талька (более твердое лощило затирает орнамент)— орнамент сохраняется, но на образце оста-

ются царапины (рис. 7: 6); полировка поверхности порошком талька — мелкодисперсионные частицы талька равномерно заполняют шероховатости, углубления, делают поверхность гладкой, придавая ей матовый блеск и при этом не нарушают орнамент (рис. 7: 4). Сравни с археологическим фрагментом (рис. 7: 3). Результаты наводят на мысль, не приобрела ли поверхность полудёнковских сосудов залощенность уже при утилитарном их использовании? В залощенных фрагментах примесь талька наиболее обильна. Свежий излом черепка имеет черный цвет, но от легкого затиранья пальцами становится серебристо-блестящим, «маслянистым» на ощупь.

Именно преднамеренное лощение, при котором все неровности сглаживаются, отличает хutorские сосуды от полудёнковских, кажущихся по сравнению с первыми небрежно обработанными.

Опыты по физическому моделированию продемонстрировали тесную взаимосвязь отдельных технологических звеньев. Разной обработке поверхностей соответствуют определенные способы орнаментации. На хutorские сосуды орнамент наносился на уплотненную лощением поверхность зубчатыми штампами в технике штамповки следующими способами: 1 — «штампование» (рис. 8: 1); 2 — «прокатывание» по дуге рабочего края (рис. 8: 2, 3); 3 — «шагание» (рис. 8: 4—6). Эти способы орнаментации не нарушают лощение и дополнительно уплотняют стенки сосудов.

На полудёнковских сосудах после выравнивания поверхности орнамент наносился зубчатыми и гладкими штампами в технике гравировки и накальвания способами: 1 — «протаскивание» (рис. 8: 8, 9, 11, 14); 2 — «отступание» (рис. 8: 7, 10, 11); 3 — «шагание с протаскиванием» (рис. 8: 12—14); 4 — накальвание (рис. 8: 7, 8, 9). Эти способы орнаментации сглаживают бороздчатые следы первичной обработки поверхностей и несколько утоньшают стенки сосудов.

Заключение. Сравнительный анализ керамических комплексов стоянок Полудёнка-I и Хutorская показал, что они относятся к разным технологическим традициям. Так, из девяти способов формовки венчиков только три (I, V, VI) представлены на обоих памятниках, причем в первых двух случаях способ формовки венчиков и стенок сосудов одинаков. Полудёнковские сосуды отличаются от хutorских первичной и вторичной обработкой поверхностей.

Использование метода физического моделирования предполагало проверку достоверности признаков, определяемых как техно-

логические, то есть связанных с теми или иными приемами труда. Раскрывшиеся в ходе работы познавательные возможности данной методики исследования выходят за рамки первоначально поставленной задачи.

Заметим, что наглядно выявившаяся на экспериментальных образцах естественная взаимосвязь признаков снимает проблему соотношения черепка и целого сосуда, неизбежную при морфологических методах исследования.

Подробно проанализированное А. А. Бобринским положение — «керамика смешивающихся или смешавшихся в культурном отношении групп населения способна долгое время характеризоваться различиями в некоторых приемах ее изготовления» [3, с. 243] — позволяет с иных позиций решать вопросы о влиянии и заимствовании культурных компонентов. Физическое моделирование подтвердило взаимообусловленность отдельных технологических звеньев, вывод о их историческом обособлении в рамках единого технологического процесса. Это обстоятельство наряду с «эмпирическим характером знаний гончаров» [3, с. 242], на наш взгляд, одна из причин консервативности технологических традиций.

Среди археологов распространено мнение, что технология аккумулирует передаваемый из поколения в поколение рациональный опыт и что рациональное — с современной точки зрения — зерно в приемах труда легко может быть вычленено, «очищено» от всякого рода заблуждений. Мы имеем возможность на практике убедиться в неправоте данного взгляда. Орнамент принято рассматривать как фактор духовной культуры: «орнамент не мог иметь никакого практического значения» [4, с. 74]; о «защитных» свойствах орнамента го-

ворят лишь в смысле приписываемой ему магической функции. Но существует и мнение, что «глубокие орнаментальные линии и углубления, наблюдаемые на стенках древних сосудов, могли вызываться тем, чтобы предохранить стенки при обжигании сосудов от вздутия и растрескивания» [5, с. 184]. А как интерпретировать нанесение орнамента разделительных зон на хutorских сосудах строго по стыку глиняных лент, декоративный эффект разнообразных способов обработки поверхностей сосудов? Изучение технических характеристик различных способов орнаментации — один из возможных путей к историческому пониманию древних технологий.

1. Бадер О. Н. Новые раскопки близ Тагила в 1944 г.— КСИИМК, 1947, вып. 16.
2. Бадер О. Н. Новый тип неолитического поселения на Урале.— СЭ, 1949, № 2.
3. Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.
4. Воеводский М. В. К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества на территории лесной зоны Европейской части РСФСР.— СА, 1936, № 1.
5. Городцов В. А. К выяснению древнейших технических приемов гончарного дела.— КМВ, 1922, № 2.
6. Денисов В. П. Хutorская неолитическая стоянка.— УЗ ПГУ, 1960, т. 12, вып. 1.
7. Ковалева В. Т., Варанкин Н. В. О соотношении кошкенинских и боборыкинских комплексов (по материалам поселения на берегу Андреевского оз. у г. Тюмени).— СА, 1984, № 1.
8. Сагайдак В. И. О двух группах погребений Покровских могильников в Нижнем Поволжье.— В кн.: Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979 (Науч. тр. КГПИ, т. 230).
9. Соколов А. М. Керамическая технология. Спб., 1904.

И 1-10007

Г. И. СМЕРНОВА, М. Т. КАШУБА

О ДВУХ ЛОКАЛЬНЫХ ГРУППАХ КУЛЬТУРЫ ПОЗДНЕГО ЧЕРНОЛЕСЬЯ НА СРЕДНЕМ ДНЕСТРЕ

Первые высказывания о неоднородности чернолесской культуры на территории украинской лесостепи относятся к 1950-м гг., когда впервые были открыты и исследованы памятники этой культуры в средненипровском Правобережье и в поречье Среднего Днестра [1, с. 100; 9, с. 8—20; 20, с. 3]. Уже тогда можно было говорить о двух локальных группах предскифской (чернолесской) культуры в зоне Правобережной Украины, а именно о средненипровской и средненипровской (или юго-западноподольской) [9, с. 19; 10, с. 6—9]. В таком же аспекте этот вопрос рассматривался и позже в связи с обработкой материалов Григоровского городища на юго-западе Подолля [19, с. 140]. И только в 1980-е гг., после широких исследований памятников позднего Чернолесья в зоне строительства Могилев-Подольской ГЭС, был поставлен вопрос о неоднородности чернолесской культуры и в пределах средненипровского региона [18, с. 53; 13, с. 55; 16, с. 26].

Именно тогда по мере накопления новых материалов из зоны новостройки появилась возможность его сравнительного изучения с ранее известными большими коллекциями, в первую очередь из юго-западной Подолля. При сравнительном анализе мы оперировали материалами двух относительно широко распространенных памятников — поселения у с. Днестровка-Лука Кельменецкого р-на Черновицкой обл. и Григоровского городища в Могилев-Подольском р-не Винницкой обл. Бросившись в глаза отличия в керамическом материале в целом синхронных между собой памятников послужили основанием для выделения двух локальных групп позднечернолесской культуры на Среднем Днестре. Одна из них была на-

звана группой типа Днестровка — Ленковцы, другая — григоровской [18, с. 53; 13, с. 55].

Изучение вопроса о локальной неоднородности позднечернолесской культуры на Среднем Днестре в последние годы было продолжено [6]. Для подкрепления сделанных ранее выводов использовалась методика Брейперда — Робинсона, позволяющая рассчитать степень близости памятников по процентному содержанию на них массового материала (в данном случае керамики). Методика описана в советской археологической литературе, при этом она чаще всего применяется для выявления хронологической последовательности комплексов, сменяющих друг друга [3, с. 114—135; 7, с. 26—39]. Поскольку в данном конкретном случае сравниваются материалы синхронных памятников, полученные результаты должны отражать не их хронологическую последовательность, а принадлежность к разным локальным группам позднечернолесской культуры.

Но сначала следует остановиться на вопросе хронологического единства привлекаемых для сравнения памятников. Рассмотрим вещевую инвентарь, среди которого, наряду с редкими находками, имеются типы изделий, повторяющиеся в устойчивом сочетании во многих позднечернолесских комплексах. Хотя перечень их не очень велик, но весьма показателен.

Назовем в первую очередь каменные цилиндрические молотки (рис. 2: 9, 25). Они найдены на Григоровском городище (3 экз.) [12, с. 64—66, рис. 6: 9, 14] и на поселении Днестровка (2 экз.) [13, с. 54, рис. 9: 13; 17, рис. 9: 8]. По одному экземпляру известно с поселения Лука Врублевская — Дунаек [21, с. 33, табл. 1: 17] и из кургана № 4 мо-

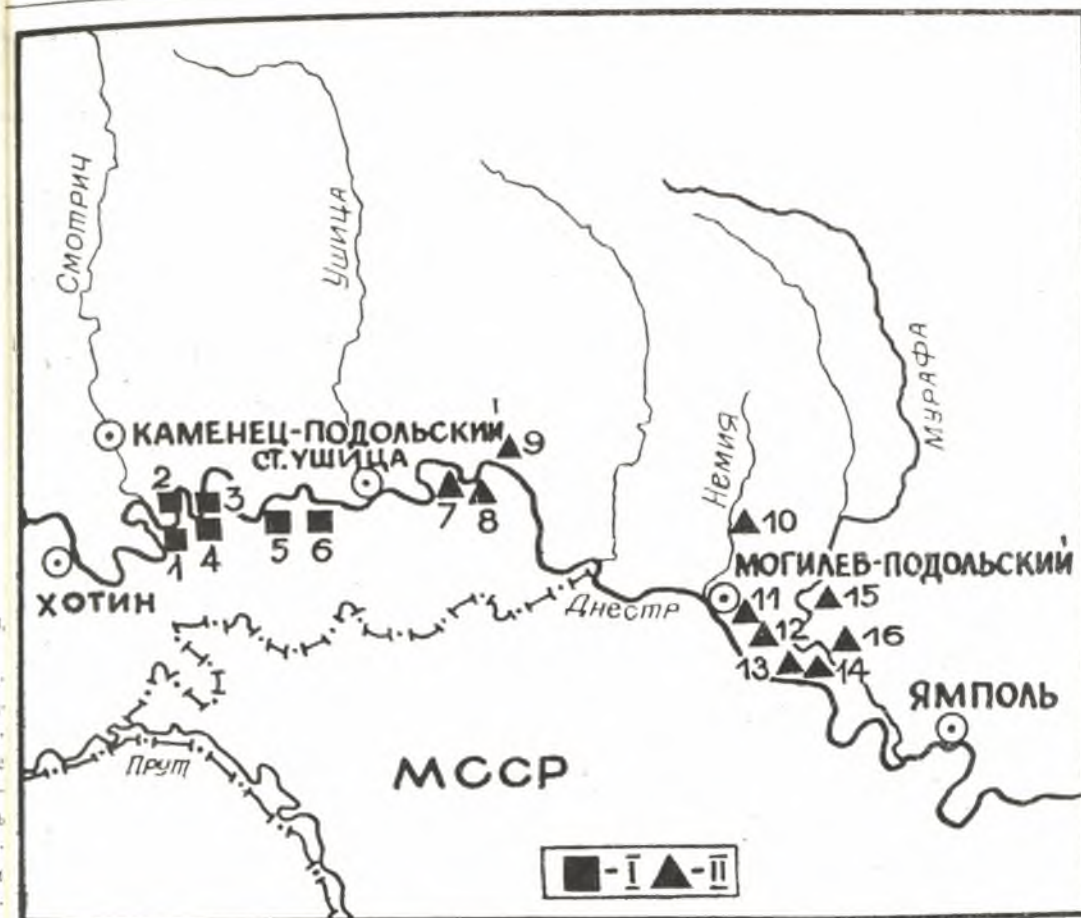

Рис. 1. Основные памятники культуры позднего Чернолесья на Среднем Днестре
I. Поселения группы Днестровка — Ленковцы
II. Объекты григоровской группы

1. Ленковцы. 2. Макаровка. 3. Лука Врублевская — Дунаек. 4. Нагорьяны — Идмст. 5. Днестровка. 6. Комаров. 7. Непоротово. 8. Галица. 9. Рудковское городище. 10. Озаритцы — Над Лутом. 11. Бронница. 12. Григоровское городище. 13. Яруга — Патаевская Одак. 14. Яруга — У Креста. 15. Мервинцы. 16. Матюска

гиляника Лука Врублевская [22, с. 97, рис. 3: 3], где этот молоток ошибочно принят исследователями за топор [11, с. 48; 5, с. 295]. Из числа неопубликованных находок упомянем молоток из Комарова (фонды Института археологии АН УССР, Киев) и его заготовку из Непоротово (фонды Института общественных наук АН УССР, Львов).

В сочетании с цилиндрическими молотками часто встречаются прямоугольные оселки. Кроме Григоровского городища [12, с. 66, рис. 6: 13, 7: 5] и поселения Днестровка [16, с. 25, рис. 14: 6; 17, рис. 4: 8] точильные бруски такого типа найдены в курганах у с. Лука Врублевская [22, рис. 3: 1, 2] и на ряде вышеперечисленных поселений (рис. 2: 5, 6, 22). Постоянными и к тому же многочисленными находками при раскопках чернолесских поселений Среднего Поднестровья являются кремневые вкладыши серпов, однотипные

по форме и характеру заповитрованности рабочего края (рис. 2: 3, 23) [8, с. 119, рис. 35: 1, 2, 4—8, 12, 13; 9, с. 18, рис. 2: 38—41; 12, рис. 6: 6, 10; 16, рис. 14: 5, 7].

В группу повторяющихся типов изделий входят и кремневые наконечники стрел (рис. 2: 13—15, 18—20). На Григоровском городище они представлены листовидными формами с коротким черенком [12, с. 66, рис. 6: 1—3]. Такой же формы наконечники стрел происходят из Непоротово, где они сочетаются с наконечниками треугольной формы, имеющими короткий черенок [8, рис. 35: 9—11, 14].

Перечень одинаковых категорий инвентаря дополняют изделия из глины. Это найденные на Григоровском городище и в Днестровке штампы для орнамента посуды и культовые предметы в виде 4—7-палых когтистых лап (рис. 2: 11, 26) [12, рис. 6: 11, 12; 13,

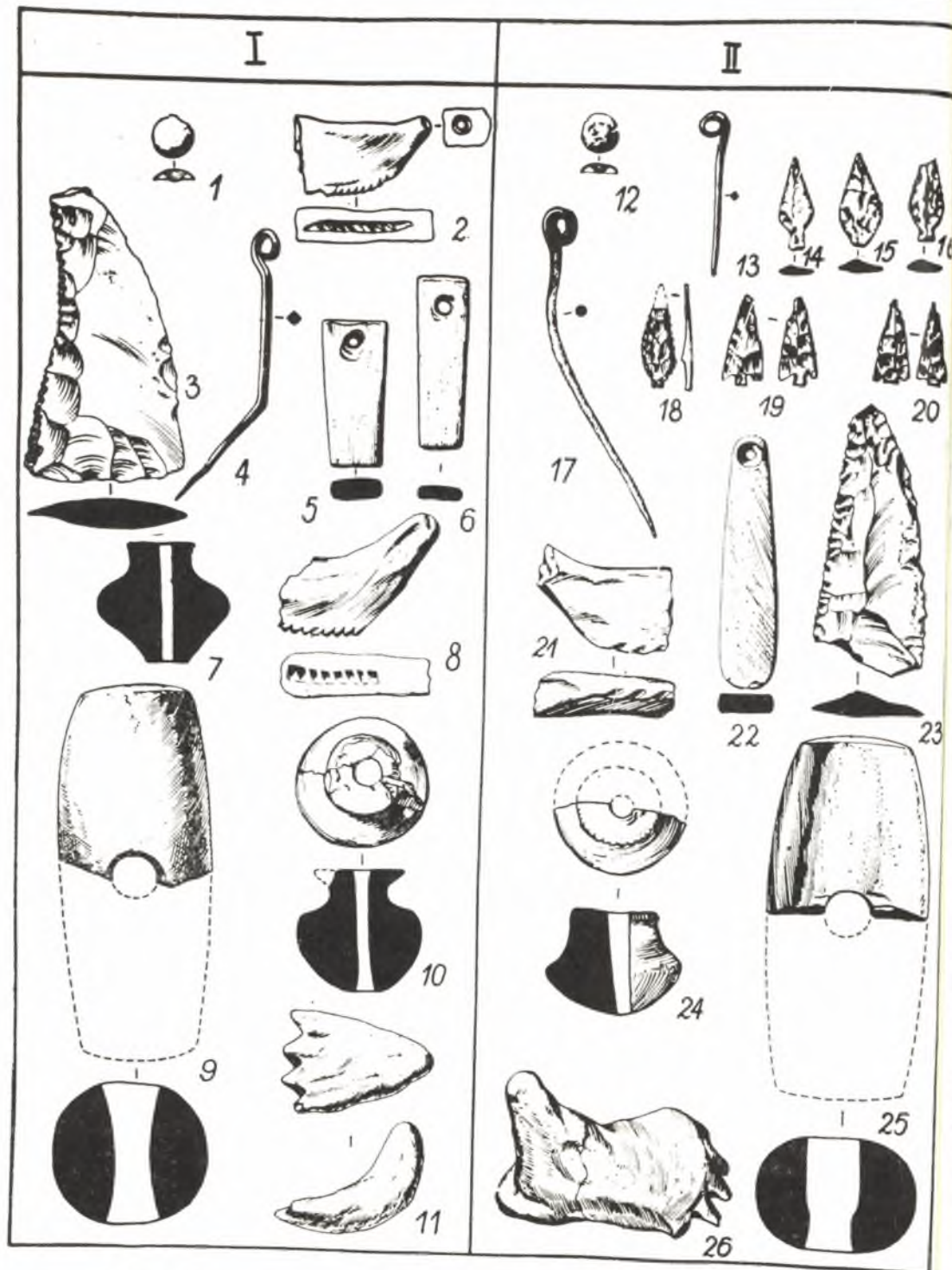

Рис. 2. Основные типы изделий, повторяющиеся в устойчивом сочетании в позднечернолесских комплексах на Среднем Днестре

I. Группа Днестровка — Ленковцы

II. Григоровская группа

1—5, 8—11 — Днестровка; 6 — Лука Врублевская, курган 6; 7 — Лука Врублевская — Дунаек; 12—16, 21—25 — Григоровское городище; 17 — Матвеевка-I; 18—20 — Испорогово

рис. 4: 4]. Среди разнообразных по форме глиняных пряслиц, повторяющихся на всех чернолесских поселениях Поднестровья, обратим внимание на редко встречающиеся пряслица, воспроизводящие в миниатюре форму профилированной корчаги с округлым туловом и коротким горлом. Они встречены на ряде обозреваемых памятников — в Днестровке, в Луке Врублевской — Дунаек [16, рис. 12: 7; 21, табл. 11], на Григоровском городище (рис. 2: 7, 10, 24).

Изделиями из металла позднечернолесские памятники очень бедны. Но среди немногочисленных бронзовых и особенно железных находок также имеются одинаковые по типу предметы. Например, круглые бронзовые бляшки с петлей на обороте входят в состав григоровского и днестровского комплексов [12, рис. 7: 1; 13, рис. 9: 1]. Общие типы известны также среди бронзовых булавок. Речь идет о булавках с головкой, закрученной в сравнительно большое по величине кольцо. Их дают поселение Днестровка, Григоровское городище [12, рис. 7: 3; 13, рис. 9: 3] и поселение Матвеевка-II (рис. 2: 4, 13, 17).

Мы не перечислим другие важные для определения хронологии виды украшений, орудий труда и конской упряжки из чернолесских объектов днестровского региона, которые путем перекрестных аналогий через группу Сахарна — Солончаны в Молдавии позволяют сближать по времени рассматриваемые нами памятники [19, с. 134, рис. 7; 15, с. 35—41, рис. 1]. Приведенных примеров вполне достаточно для отнесения их к одному доскифскому хронологическому горизонту.

Статистической обработке по указанному выше методу подверглись керамические собрания поселения Днестровка, Григоровского городища и его окружи: поселения Яруга — Патлаевская Оаза, Яруга — У Креста, Бронница, Матвеевка-I и II, Бокотинка, Озарница — Над Лугом, хранящиеся в Государственном Эрмитаже, и поселений Комаров, Нагорьяны — Пидмет, Лука Врублевская — Дунаек из фондов Института археологии АН УССР в Киеве. Коллекции различны по количественному составу и сохранности материала, а известно, что любая коллекция керамики представляет собой выборку из генеральной совокупности керамического комплекса того и другого объекта, раскопанного с разной степенью полноты. Опыт работы, однако, показывал, что выборка из 200 единиц достаточна для характеристики всей генеральной совокупности в целом [3, с. 134; 7, с. 28]. Поэтому при расчетах нами принимались во внимание только крупные коллекции, насчитывающие более 200 единиц.

Учитывая количественную неравноценность публикаций на некоторые из них, результаты проведенного нами сравнительного анализа продемонстрируем на примере двух массовых коллекций, представляющих Григоровское городище и поселение Днестровка. В основу сравнительных характеристик типов и вариантов керамики, а также их орнаментации положена классификационная схема, предложенная ранее для посуды Григоровского городища [12, с. 60—62], а затем расширенная и отработанная на коллекции поселения Днестровка [16, с. 12—19; 17, с. 20—23]. Григоровский набор керамики состоит из 2542 фрагментов и 19 целых сосудов, а Днестровский — из 1283 обломков и 16 целых горшков.

Итоги статистической обработки керамики этих двух больших коллекций, высчитанные в процентах, сведены в таблицу (рис. 3). Открывают ее сосуды кухонного назначения. За редким исключением все выделенные типы кухонной посуды являются одним из главных показателей принадлежности изучаемых памятников к чернолесской культуре и свидетельствуют о ее местной белогрудовской основе на левобережье Днестра. И, вероятно, поэтому различия между кухонной керамикой сопоставляемых комплексов столь незначительны и несущественны.

Абсолютное большинство в этой категории посуды составляют тюльпановидные горшки с проколами под краем и с расчлененным валиком у основания шейки или выпуклой части тулова (тип Ia). Вариантом этого типа являются сосуды с двумя валиками, один из которых находится под краем венчика, другой — по тулову. В обоих комплексах тип Ia является ведущим (13,6 % и 17,4 %), однако в Григоровке наблюдается меньшее количество горшков с двумя валиками — 5,2 % против 36 %. Примерно в одинаковом соотношении выступают горшки типа 16 (1,4 % против 2,5 %), тюльпановидные, с вытянутым округлым туловом, с проколами под краем и с пояском овальных насечек-углублений по основанию шейки.

Что касается типов Ia, г и д, то на Григоровском городище их явно меньше, чем в Днестровке. Так, сосудов типа Ia, отличающихся от типа Ia только наличием ручки, меньше в 4 раза (0,3 % против 1,2 %). Горшки баночного профиля с валиком под венчиком (тип 1e) в Днестровке явно преобладают (0,1 % против 2 %). О том же свидетельствует процентное соотношение горшков типа 1d (банки с выступами-упорами голиградского типа) — 0,2 % против 1,1 %. И только последний тип кухонной серии — 1e, представ-

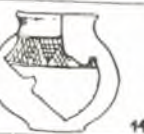

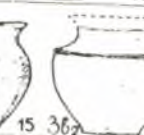

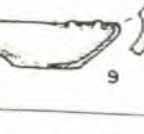
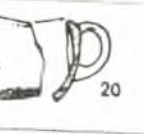

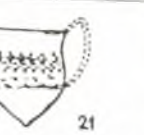

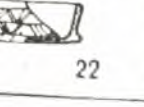
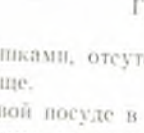
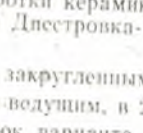
ТИПЫ КЕРАМИКИ	ГРИГОРОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ		ДНЕСТРОВКА		ТИПЫ КЕРАМИКИ	ГРИГОРОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ		ДНЕСТРОВКА	
	КОЛ-ВО	%	КОЛ-ВО	%		КОЛ-ВО	%	КОЛ-ВО	%
Ia	346	13,6	223	17,4	III-3a				
Iб	18	5,2	81	3,6	III-3б				
Iв	35	1,4	32	2,5	III-3г	238	9,3	72	5,6
Iг	6	0,1	25	2	III-3д	84	3,3	95	7,4
Iд	9	0,3	16	1,2	III-3е	347	13,6	167	13
Iе	7	0,2	14	1,1	II-2a	35	ОРИАМЕНТ	20	ОРИАМЕНТ
Iе	—	—	7		II-2б	—	—	41	3,1
II-1б	202	7,9	64	5	II-2г	—	—	2	
II-1а	188	7,4	129	10	II-4б	5		4	
II-1а	4		16		II-4в				
II-1б	—	—	2		II-5	5-6		6	

Рис. 3. Данные статистической обработки керамики Григоровского городища и поселения Днестровка-II

ленный крышками, отсутствует на Григоровском городище.

В столовой посуде в отличие от кухонной более ощутимы различия между сравниваемыми комплексами.

Начнем с мисок — тип II-1, варианты а и б, выделяемые по профилю края. Тип II-1а —

миски с закругленным краем — в Днестровке является ведущим, в 2 раза превышая количество мисок варианта 1б, характеризующегося подтреугольной формой края. В отличие от Днестровки, на Григоровском городище соотношение этих вариантов почти равное, а именно 7,4 % к 7,9 %. Правда, на других поселе-

ниях григоровской группы наблюдается явное преобладание мисок варианта 1б.

Статистика мисок на полом коническом поддоне, отнесенных по форме венчика к варианту IIa, также показывает разницу в их соотношении между Днестровкой и Григоровским городищем (рис. 3: 11). Подсчеты, проведенные на выразительных фрагментах поддонов, показали, что на 188 обломков григоровских мисок варианта Ia приходится всего 4 поддона, а на 129 фрагментов днестровских мисок — 16 поддонов. На остальных же поселениях григоровской группы такие миски вообще не зафиксированы.

Разница между сопоставляемым материалом подкрепляется другой категорией столовой посуды — черпаками (типы II-2а и 2б).

Черпаки типа 2а, характеризующиеся глубокой чашечкой с округлым или уплощенным дном и возвышающейся над краем ручкой, встречаются приблизительно в одинаковом количестве — 13,6 % против 13 % (рис. 3: 17, 18). Отличия между ними выступают по двум признакам. Первый из них — это наличие выступа на вершине ручки. Если основная масса григоровских черпаков снабжена выступом на ручке, то в Днестровке количество ручек с отростками минимально. Второй отличительной чертой является разница в процентном соотношении черпаков с орнаментом. Как показали подсчеты, на Григоровском городище 35 % черпаков типа 2а украшено резным и штампованным узором, а в Днестровке только 20 %.

Черпаки типа 2б в виде низкой непрофильированной чашечки полусферической формы с гладкой ручкой и без орнамента являются еще одним важным показателем своеобразия днестровской группы. В Днестровке таких черпаков 3,1 %, а в григоровской группе они фактически отсутствуют (рис. 3: 19).

В григоровской группе не встречены и черпаки типа 2с, известные в нескольких экземплярах в днестровском керамическом комплексе (рис. 3: 20).

Третья категория столовой посуды из-за фрагментарности материала и явной нестандартности форм не всегда поддается сравнительной статистике по типам. На основании целых сосудов, известных на ряде поселений и в курганах, предварительно удалось выделить четыре основных типа корчаг. Считаем, что в дальнейшем количество типов корчаг и их вариантов можно будет значительно увеличить. Расчеты в процентах по указанным выше причинам оказалось возможным сделать только по двум типам из четырех — 3а и 3б, что и нашло отражение в обозреваемой таблице (рис. 3: 14, 15, 16).

К типу 3а фактически отнесены два вида корчаг, обозначенных а₁ и а₂. Правда, при статистической обработке фрагментарного материала пока они рассматривались вместе, поскольку по обломкам нельзя с полной уверенностью установить их принадлежность к тому или другому виду.

На основании целых сосудов и их крупных частей, встреченных в григоровском, днестровском и комаровском комплексах, в тип 3а, выделены сосуды с удлиненным воронковидным горлом и округлым туловом. Как правило, им присущи конические выступы-упоры, размещенные на границе перехода горла в тулово. Иногда по краю таких корчаг сделаны проколы. Определенно этому типу принадлежат фрагменты с каннелированным орнаментом. И вполне вероятно, что некоторые корчаги этого типа украшались резным и штампованным узором.

Полное представление об облике корчаг вида 3а₂ и его характерных особенностях дают целые сосуды, найденные в Григоровском и Рузковецком городищах [2, рис. 10], а также на поселении в Непоротово [8, с. 109, рис. 32: 4—6]. Они отличаются от предыдущего вида в первую очередь наличием низкого налезного валика, размещенного на плечиках. Валик рассечен косыми насечками или, что значительно реже, пальцевыми вдавлениями. Во многих случаях в четырех или пяти местах он прерывается плоскими выступами-упорами цилиндрической формы, реже коническими (рис. 3: 16). По сравнению с видом 3а₁ эти корчаги более широкие в округлых боках, за счет чего переход от горла в тулово резко выражен.

В целом, по данным статистики, корчагообразные сосуды типов 3а₁ и 3а₂ значительно преобладают в Днестровке, где их найдено почти в два с половиной раза больше, чем в Григоровке (3,3 % к 7,4 %).

Обратное соотношение (9,3 % к 5,6 %) дали подсчеты корчаг типа 3б, которым свойственны короткое горло и сильно раздутый округлый корпус. Часть из них украшена резным и штампованным узором, как и на других категориях столовой посуды, заполненным белой пастой. На них также встречаются выступы-упоры, иногда в сочетании с орнаментом, нанесенным штампом и резьбой (рис. 3: 14).

Еще одним отличительным признаком рассматриваемой категории столовой посуды, который трудно отразить графически, является цвет внутренней поверхности корчаг. Словесно подчеркнем, что у днестровских корчаг всех четырех типов внутренняя поверхность преимущественно красного цвета. Крас-

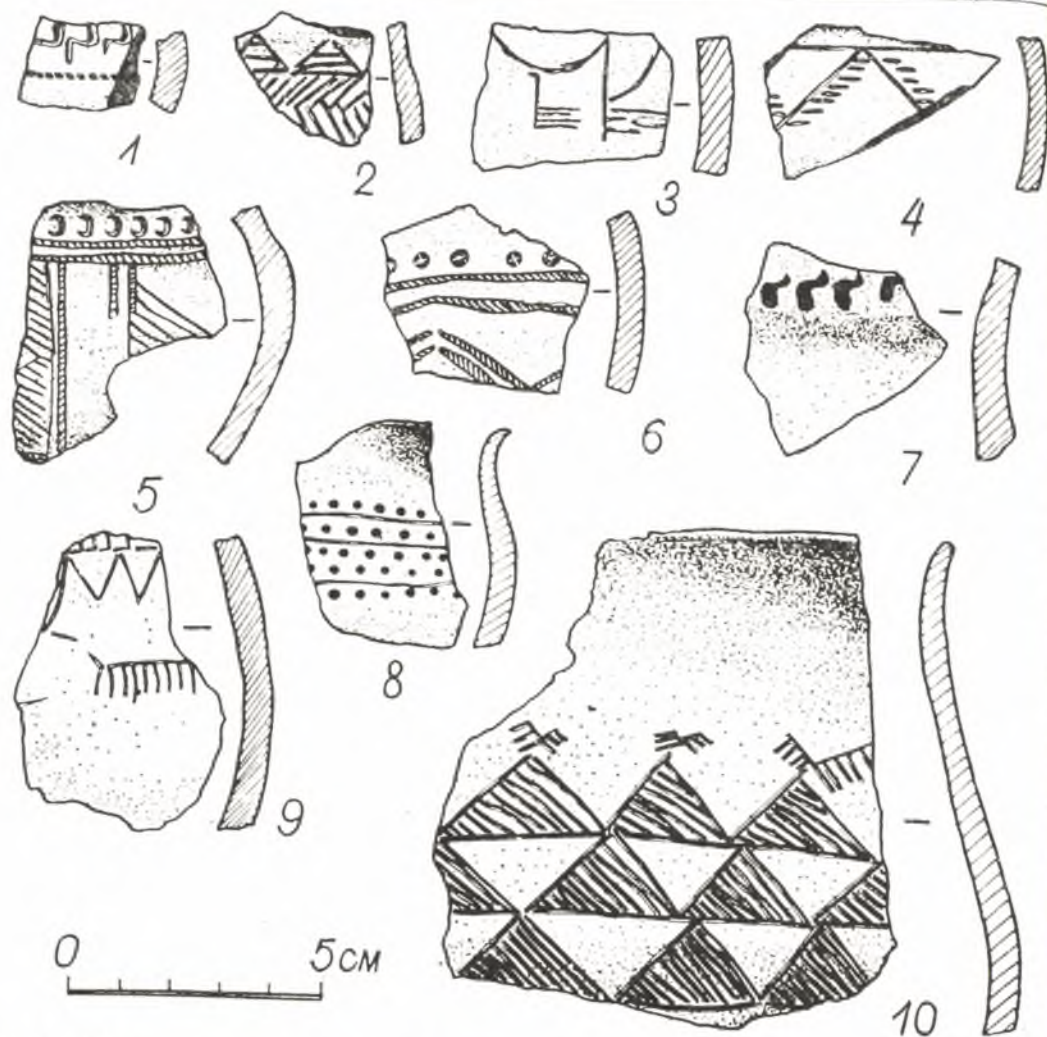

Рис. 4. Образцы керамики с редко встречающимися мотивами резного узора и штампа
1—9 — Григоровское городище; 10 — Матвеевка-1

ная подкладка на григоровских корчагах встречена в виде исключения.

Заканчивая анализ рисунка 3, кратко остановимся на двух последних типах столовой посуды — пиксидах (тип II-5) и яйцевидных кубках с ручкой, возвышающейся над краем (II-4б) (рис. 3; 21). К сожалению, их процентное соотношение высчитать не удалось, так как находки этих видов тонкостенной посуды весьма малочисленны. Скорее всего, эти категории керамики не будут служить серьезным показателем в пользу существования определенных различий между выделяемыми локальными группами.

В целом приведенные выше примеры сходства и различий, основанные на анализе результатов статистической обработки двух больших комплексов, не только совпали с ранее названными признаками неоднородности

изучаемых групп памятников [13, с. 55; 16, с. 26], но и расширили и углубили круг этих особенностей.

Суммируя основные различия, следует заключить, что касаются они главным образом столовой керамики. В григоровском комплексе нет черпаков типов 2б и 2г, а черпаки типа 2а отличаются от днестровских преобладанием чашек с выступами на вершине ручки и богатством резного и штампованного узора.

Различия в группе мисок заключаются в полном или в почти полном отсутствии в Григоровке мисок с лепестковидным краем (тип 1в) и мисок на полом коническом поддоне. Кроме того, наблюдается разное соотношение двух ведущих типов мисок — 1а и 1б. В Днестровке явно преобладают миски типа 1а, на Григоровском городище чуть больше мисок типа 1б, зато на других поселениях

григоровской группы тип 1б вообще превалирует.

Заметная разница выявлена при сравнительном изучении еще одной категории столовой посуды — корчаг. Кроме такой существенной отличительной черты, как преобладание в Днестровке корчаг с красной подкладкой и соответственно их минимальное количество на Григоровском городище, несовпадения имеются в количественном соотношении отдельных типов корчаг. Корчаг типа 3г на Григоровском городище явно больше, чем в Днестровке, а сосудов типа 3в определено меньше. При этом григоровские корчаги значительно чаще украшены резным и штампованным узором, чем днестровские.

Рассматривая отдельно декор столовой посуды, также можно проследить некоторые различия между сравниваемыми комплексами. Подсчеты украшенной резным и штампованным узором керамики показали, что в Григоровке орнаментировано 25 % столовой посуды, а в Днестровке всего 11 %. В орнаментации григоровской посуды преобладает резной узор, а сочетание штампа и резьбы встречается чаще, чем узор, выполненный только штампом. В Днестровке и в днестровской группе в целом резной и штампованный декор зафиксирован примерно в равных количествах, а сочетание штампа и резьбы составляет незначительный процент.

К сказанному добавим, что в григоровской керамике наблюдается большая вариативность мотивов, более широкое и разнообразное применение различных видов штампа [12, рис. 1—4]; известны фрагменты сосудов с флажкообразными окончаниями треугольников или зооморфными мотивами резного узора (рис. 4).

Все приведенные примеры различий в керамике сопоставляемых памятников позволяют с уверенностью говорить о принадлежности их разным локальным группам позднего черноречья культуры на Среднем Днестре.

Этот вывод получил также подтверждение результатами статистической обработки керамики других перечисленных выше поселений из Среднего Поднестровья. Оказалось, что все поселения, открытые в юго-западной долине (Могилёв-Подольский р-н Виницкой обл.), тяготеют к Григоровскому городищу, а поселения, сосредоточенные в северной части рассматриваемого региона, дают картину, близкую поселению Днестровка.

Сравнительный статистический анализ керамики среднеднестровских памятников выполнялся следующим образом. После статистической обработки основных типов керамики каждой коллекции рассчитывалась

Таблица 1

Вычисление коэффициента сходства двух комплексов

Комплексы	Днестровка (в %)	Комаров (в %)	Днестровка—Комаров (абсолютная разность)
Типы			
1а	17,4	20,8	3,4
1б	2,5	1,8	0,7
1г	1,2	0,5	0,7
1в	2,0	2,1	0,1
1д	1,1	0,3	0,8
II-1а	10,0	12,9	2,9
II-1б	5,0	1,7	3,3
II-1в	0,1	0,3	0,2
II-2а	13,0	8,2	4,8
II-2б	3,1	1,2	1,9
II-3г	5,6	3,3	2,3
II-3в	7,4	4,4	3,0

Сумма отличий:
24,1

абсолютная разность между показателями процентов двух комплексов и полученные данные суммировались. Проявим методике вычисления коэффициента сходства двух коллекций на примере поселений Днестровка и Комаров (табл. 1).

Если бы коллекции были полностью идентичны, то сумма была бы равна нулю; если бы полностью не совпадали, то сумма была бы равна 200 %. Но полученная сумма 24,1 отражает не сходство, а различия, поэтому коэффициент сходства Брейнерда — Робинсона находится следующим образом: 200 % максимальное отличие минус фактическая величина суммы отличий, т. е. $200 - 24,1 = 175,9$.

Сопоставлялось 9 комплексов, поэтому после вычисления коэффициента сходства для каждой пары результаты заносились в матрицу, число столбцов которой равно девяти. В полученной первичной матрице не наблюдалось никакого определенного порядка в расположении коэффициентов. Но затем по принятой методике [7, с. 27] матрица была нами упорядочена так, чтобы наиболее близкие комплексы оказались рядом (табл. 2). При анализе упорядоченной матрицы можно выделить две группы близких друг другу памятников, коэффициенты сходства которых близки (заметим, что рассматриваются поселения одной культуры, поэтому коэффициенты сходства в целом высокие, но разница все же улавливается).

К первой группе (коэффициенты сходства > 180) относятся поселения Бронница, Яруга — Патлаевская Ояда, Яруга — У Кре-

Таблица 2

Упорядоченная матрица сходства памятников
позднечернолесской культуры Среднего Днестра

	БР	Я-ПО	Я-УК	МІ	ГР	К	ДН-2	Н-П	ЛВ-Д
БР	—	180,2	178,6	178,1	169,2	168,4	161,3	155,5	164,1
Я-ПО	180,2	—	186,8	183,5	176	172	169,5	169,3	155,7
Я-УК	178,6	186,8	—	188,3	176,7	171,4	171,9	156,9	153,9
МІ	178,1	183,5	188,3	—	170,9	171,5	168,4	157,2	154,8
ГР	169,1	176	176,7	170,9	—	161,3	171,9	161,1	141
К	168,4	172	171,4	171,5	161,3	—	175,9	165,3	170,1
ДН-2	161,3	169,5	171,9	168,4	171,9	175,9	—	168,9	151,8
Н-П	155,5	169,3	156,9	157,2	161,1	165,3	168,9	—	147,8
ЛВ-Д	164,1	155,7	153,9	151,8	141	170,1	151,8	147,8	—

ста, Матвеевка-І, Григоровское городище. Без сомнения к этой же группе относятся поселения Бокотинка — Балки, Матвеевка-ІІ, Озаринцы — Над Лугом, представленные небольшими собраниями керамики (меньше 200 фрагментов).

Ко второй группе (коэффициент сходства 165—175) принадлежат поселения Комаров, Днестровка, Нагоряны — Пидмет. Поселение Лука Врублевская находится несколько особняком, так как в составе его керамического комплекса значительный процент составляют прямостенные горшки с проколами и валиком под венчиком, которые хотя и появляются на Днестре уже в позднечернолесской культуре, но характерны, в основном, для жаботинского и скифского времени. Вполне возможно, поэтому, что поселение Лука Врублевская относится к более позднему времени, чем все остальные памятники, и является переходным от Чернолесья к Жаботину.

Состав выделяемых локальных групп позднего Чернолесья на Среднем Днестре можно будет расширить в первую очередь за счет ряда новых широко исследованных памятников, керамика которых не подвергалась статистическому анализу. Хотя материалы имеющиеся в виду объектов еще не введены в должной степени в научный оборот, право-

мерно говорить о принадлежности поселения Макаровка Кельменецкого района (раскопки Ю. Н. Малеева) к группе Днестровка — Ленковцы, а поселения Непоротово и Рудковецкого городища — к григоровскому локальному варианту.

О характере непоротовской коллекции можно уже судить по предварительной (по этому пока далеко не полной) публикации предложенной Л. И. Крушельницкой [8, с. 105]. Исходя из данных ею характеристик керамики по трем горизонтам Непоротовского поселения, нижний из них следует сблизить с григоровскими комплексами.

Перечислим кратко бросающиеся в глаза особенности непоротовской керамики, которые позволяют ставить этот объект в один ряд с поселениями григоровской группы. Например, среди черпаков как будто бы нет сосудов типа П-2б, характерных для группы Днестровка — Ленковцы. Что касается черпаков типа П-2а, то, по данным Л. И. Крушельницкой [8, с. 109—111, рис. 33: 1—20], большинство их, как и в Григоровке, имеет выступ на ручке. Из описаний совершенно очевидно, что столовая посуда богато орнаментирована резным и штампованным узором [8, с. 111, рис. 34]. Этим признаком, включающим в себя не только многочисленность орнаментован-

ной столовой посуды, но и разнообразие мотивов узора и разновидностей штампа, непоротовский комплекс ближе стоит к григоровскому, нежели к днестровскому.

К сожалению, краткие описания, данные для других видов посуды, не позволяют пока сравнивать их с соответствующими категориями сосудов из Днестровки и Григоровки. Примечательно, однако, и такое наблюдение Л. И. Крушельницкой, как отсутствие в непоротовском комплексе элементов голлиградской культуры [8, с. 119]. По этому признаку непоротовский комплекс также приближается к григоровскому керамическому материалу, в котором, как неоднократно уже отмечалось, голлиградские влияния чувствуются слабее, чем в группе Днестровка — Ленковцы.

Исходя из всего сказанного, нельзя, по нашему мнению, говорить о непоротовском комплексе как об особом непоротовском типе в рамках позднечернолесской культуры лесостепной Украины и тем более в зоне Среднего Поднестровья [8, с. 105]. Материалы нижнего горизонта поселения Непоротово вместе с Григоровским и Рудковецким городищами (имеются в виду ранние комплексы последнего) представляют собой один и тот же локальный вариант позднечернолесской культуры на Среднем Днестре, для которого в связи с выделением группы Днестровка — Ленковцы еще несколько лет тому назад было предложено название григоровский [18, с. 53; 13, с. 55].

Считаем нужным напомнить, что памятники григоровского типа в юго-западной Подолии (левобережье Среднего Днестра) были открыты и изучены еще в начале 1950-х гг., при этом наиболее интересные из них уже опубликованы [1, с. 100; 14, с. 94; 19, с. 121; 12, с. 60]. Однако при постановке вопроса о своеобразии непоротовского комплекса этот круг памятников почему-то выпал из поля зрения Л. И. Крушельницкой. Это привело к одностороннему толкованию непоротовских материалов без учета того широкого фона, который создают объекты григоровского типа. Вопрос о названии этой группы, конечно, не принципиален. Главное, чего не следует забывать — это равнозначность понятий непоротовский и григоровский типы.

В целом, существование двух локальных групп позднечернолесской культуры на Среднем Днестре — объективная реальность. Правда, еще предстоит уточнить и расширить круг отличительных признаков при условии изучения керамики других больших коллекций по единой классификационной схеме и методике. В данный момент трудно провести границу между выделяемыми локальными группами. Условно можно полагать, что она про-

ходила через Старую Ушицу (чуть выше или ниже ее), при этом, по всей вероятности, она не была резкой [4, с. 65, рис. 1]. В силу недостаточной изученности предскифских памятников в бассейне Среднего Днестра не менее трудно очертить ареал этих групп — в частности, с уверенностью определить, где проходила северная граница группы Днестровка — Ленковцы. По имеющимся данным, ее можно приблизительно наметить в округе г. Хотин или немного севернее этого города (рис. 1) [4, с. 71, рис. 1]. Выше Хотина, вплоть до южного края черепинско-лагодовской группы в Верхнем Поднестровье, которая, в основном, относится к раннескифскому времени [8, с. 103—105, 129—130], позднечернолесские памятники изучены крайне слабо. Пожалуй, этот вопрос рассматривать сейчас преждевременно, так как он тесно связан с уточнением восточной и южной границ расселения голлиградских племен — соседей чернолесцев по Днестру. Предстоит еще большая работа по картографированию и, в первую очередь, по определению и проверке сделанных ранее атрибуций голлиградских объектов, открытых в поречье Среднего Днестра во время разведок разных лет.

Вопрос о причинах разнородности культуры позднего Чернолесья и западных районов ее распространения ставился Г. И. Смирновой специально [13, с. 43—58]. По ее мнению, одна из основных причин — разная степень участия гальштатских культур Прикарпатья (Гава — Голлиграды) и лесостепной Молдавии (Сахарна — Солончены) в формировании этих групп. Результаты проделанной работы, изложенные выше, позволяют существенно усилить аргументацию в пользу высказанных ранее соображений относительно решающего влияния группы Сахарна — Солончены на формирование григоровской и значительного вклада голлиградской культуры в сложение днестровско-ленковецкой группы.

1. Артамонов М. И. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг. — КСИИМК, 1955, вып. 59.

2. Винокур Г. С., Гуцал А. Ф., Пеняк С. І., Тимошук Б. О., Якубовський В. І. Довідник з археології України. Хмельницька, Чернівецька, Закарпатська області. Київ, 1984.

3. Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок. — СА, 1973, № 1.

4. Гуцал А. Ф. Нові пам'ятки раннього залізного віку в Середньому Подністров'ї (розвідки 1968—1969 рр.). — Археологія, 1979, [вип.] 31.

5. Ильинская В. А., Терноожкин А. И. Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев, 1984.

6. Кашуба М. Т. Позднечернолесская культура Среднего Днестра и ее локальные

варианты. Диплом. раб., выполн. в 1985 г. на каф. археологии ист. фак. ЛГУ (рукоп.).

7. Ковалевская В. Б., Погожев И. Б., Погосева А. П. Количественные методы оценки степени близости памятников по % содержания массового материала.— СА, 1970, № 3.

8. Крушельницька Л. І. Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи (рубіж епох бронзи і заліза). Київ, 1985.

9. Мелюкова А. И. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья.— В кн.: Памятники скифо-сарматского времени в Северном Причерноморье. М., 1958 (МИА, № 64).

10. Смирнова Г. И. Археологические культуры лесостепной Правобережной Украины и Молдавии в VII—V вв. до н. л. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Л., 1954.

11. Смирнова Г. И. Закрытые предскифские комплексы у с. Днестровка—Лука.— В кн.: Древние памятники культуры на территории СССР. Л., 1982.

12. Смирнова Г. И. Материальная культура Григоровского городища. (К вопросу формирования чернолесско-жаботинских памятников).— АСГЭ, 1983, [вып.] 23.

13. Смирнова Г. И. О формировании позднечернолесской культуры на Среднем Днестре. По материалам поселения Днестровка—Лука.— АСГЭ, 1984, [вып.] 25.

14. Смирнова Г. И. О хронологическом соотношении памятников типа Сахарна—Селончены и Жаботин (по материалам кургана у с. Мервицы на Днестре).— СА, 1977, № 3.

15. Смирнова Г. И. Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР.— СА, 1985, № 4.

16. Смирнова Г. И. Поселение у с. Днестровка—памятник чернолесской культуры на Днестре.— АСГЭ, 1985, [вып.] 26.

17. Смирнова Г. И. Последний сезон работ на чернолесском поселении Днестровка—Лука и вопросы хронологии позднего Чернолесья.— АСГЭ, 1986, [вып.] 27.

18. Смирнова Г. И. Предскифский период на Буковине (контакты и взаимодействия).— Тез. докл. науч. конф. ОИПК ГЭ (к 50-летию отд.). Л., 1981.

19. Смирнова Г. И. Среднее Поднестровье и Нижнее Подунавье в предскифское время (контакты и хронологические соотношения).— *Thracia*, 1980, т. 5.

20. Тереножкин А. И. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961.

21. Шовкопляс І. Г. Середньодністровські експедиції 1949—1951 рр.— АП, 1956, т. 6.

22. Шовкопляс І. Г., Максимов Е. В. Дослідження курганного могильника передскифського часу на Середньому Дністрі.— *Археологія*, 1952, т. 7.

Р. Б. ИСМАГИЛОВ

ПОГРЕБЕНИЕ БОЛЬШОГО ГУМАРОВСКОГО КУРГАНА В ЮЖНОМ ПРИУРАЛЬЕ И ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ СКИФСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Светлой памяти выдающихся
советских археологов
В. А. Ильинской и А. И. Тереножкина

В 1970-х гг. в восточных и западных районах степной полосы Евразии были раскопаны такие выдающиеся погребальные памятники знати предскифского времени, как курган Аржан в Туве [7], Высокая Могила в Запорожье [2, с. 148—159], Птичата Могила в Северо-Восточной Болгарии [39] и др. В самом центре Великого пояса степей в 1979—1980 гг. был исследован памятник, сопоставимый по своему научному значению с вышеперечисленными.

Гумаровские курганы находились в 1 км к СВ от с. Гумарово Кувандыкского р-на и на таком же расстоянии к С от г. Кувандык Оренбургской обл., в долине правого притока р. Урал—Сакмары, протекающей в широкой межгорной котловине, окаймленной с севера и юга отрогами Южного Урала, на пологой оконечности горы Кеметау.

Группа состояла из 4 малых курганов, вытянутых в небольшую, ориентированную в широтном направлении цепочку, и одного более крупного—Большого (Первого) кургана, стоявшего несколько в стороне к С от остальных, прямо против центра цепочки. Малые курганы, давшие материалы савроматского и раннесарматского времени, были раскопаны археологическим отрядом «Иседон» Стерлитамакского Дворца пионеров Башкирской АССР в 1979 г., Большой—годом позже. Материал из Гумарово поступил на хранение в Государственный Эрмитаж, за исключением золотых бляшек и каменного изваяния. Последнее находится в фондах Оренбургского краеведческого музея, а пред-

меты из золота в настоящее время хранятся в Уфимском краеведческом музее.

Диаметр насыпи Большого Гумаровского кургана равен 23,0 м при высоте 1 м (рис. 1). Насыпь состояла из земли и скальных обломков, добытых, очевидно, в россыпях ближайшей горы Таштау, в полукилометре к СВ от курганов. Средний вес обломков составлял 5—10 кг, но по краям насыпи встречались и гораздо более крупные камни, весом до 100 кг, выполнявшие, очевидно, функции крепиды. Отмечено небольшое количество речной гальки светлых тонов. Насыпь кургана была сильно деформирована и в значительной степени уничтожена в 50-х гг. при добыче камня. Судя по количеству вывезенного материала (не менее 150—200 автомашин), первоначальная ее высота составляла около 3 м. К 1980 г. насыпь представляла из себя сильно поросшую зарослями чилиги и некрупных деревьев каменисто-щебенчатую неровную платформу, северная половина которой частично была сивелирована до уровня окружающей почвы. В центральной части насыпи Большого Гумаровского кургана находилась довольно глубокая (до 2 м) и широкая (до 6 м) конусообразная воронка строителей, точно вписавшаяся, как выяснилось позднее, в заполнение могилы 2.

После снятия насыпи в центре южной половины кургана было выявлено три погребения: полностью разрушенное погребение алакульской культуры эпохи бронзы (№ 1), сохранившееся в большой подромбической яме огораженное парное захоронение V в. до н. э.

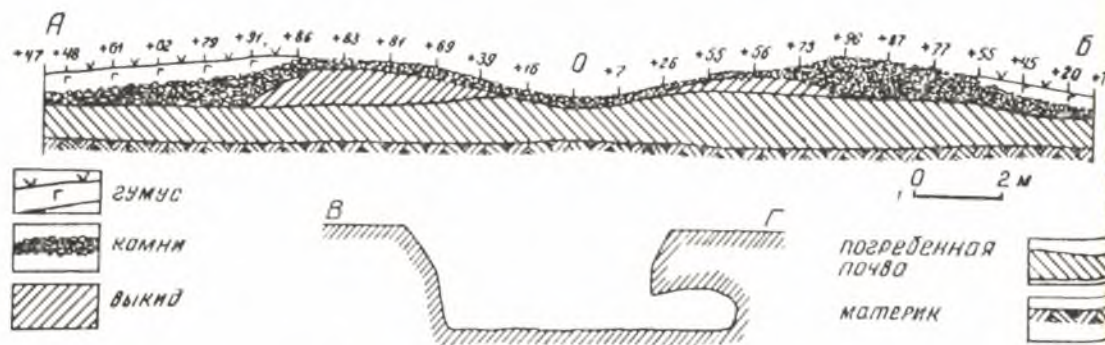
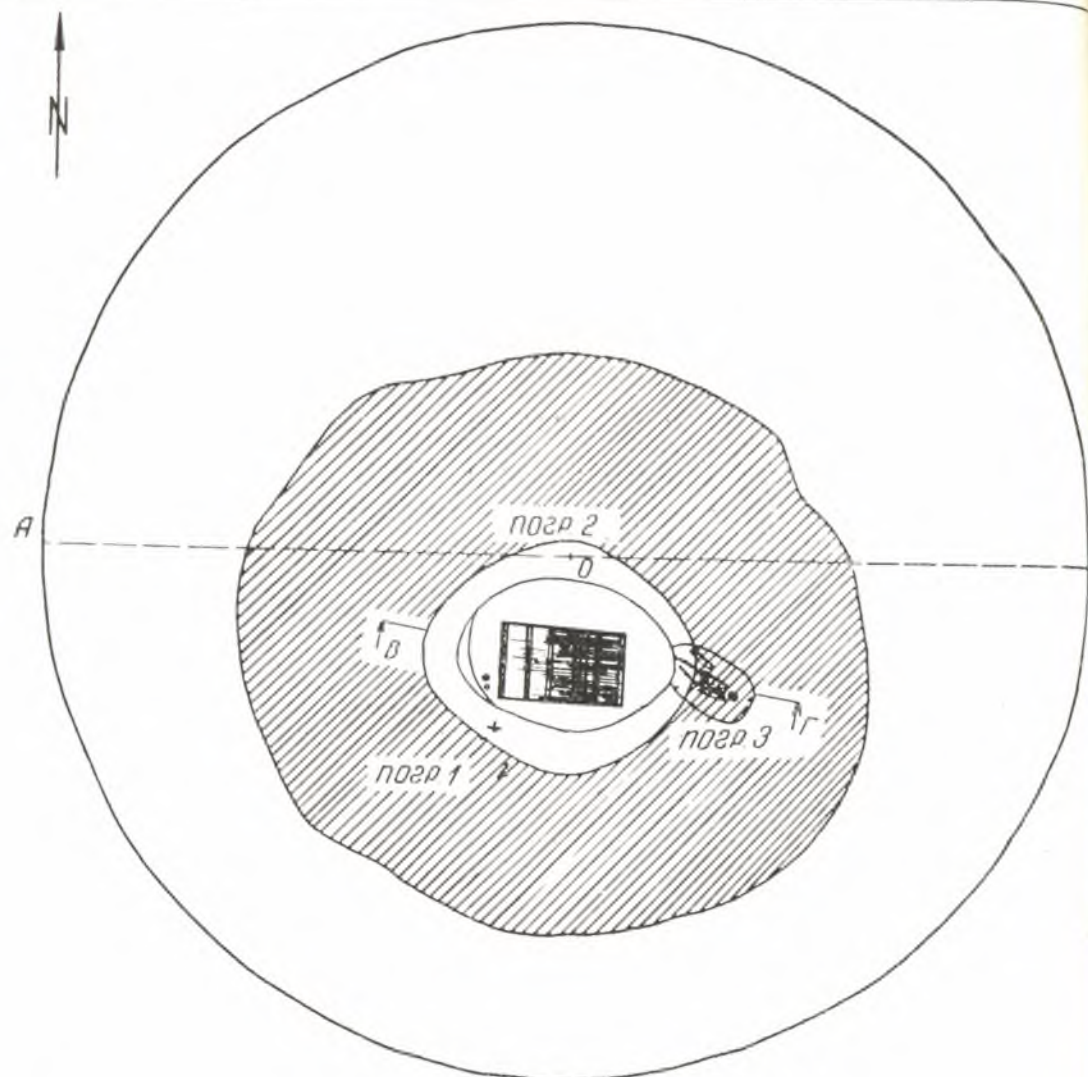

Рис. 1. План и профиль Большого (Первого) кургана

(№ 2) и публикуемое погребение начала эпохи раннего железа (№ 3).

Первоначальная земляная насыпь кургана эпохи бронзы угадывалась по небольшому возвышению диаметром около 13 м,

неотличимому по цвету и структуре от погребенной почвы. Поверх нее был возведен курган с насыпью из камня, с которым связаны оба погребения эпохи ранних кочевников. Установить границы насыпи, соответству-

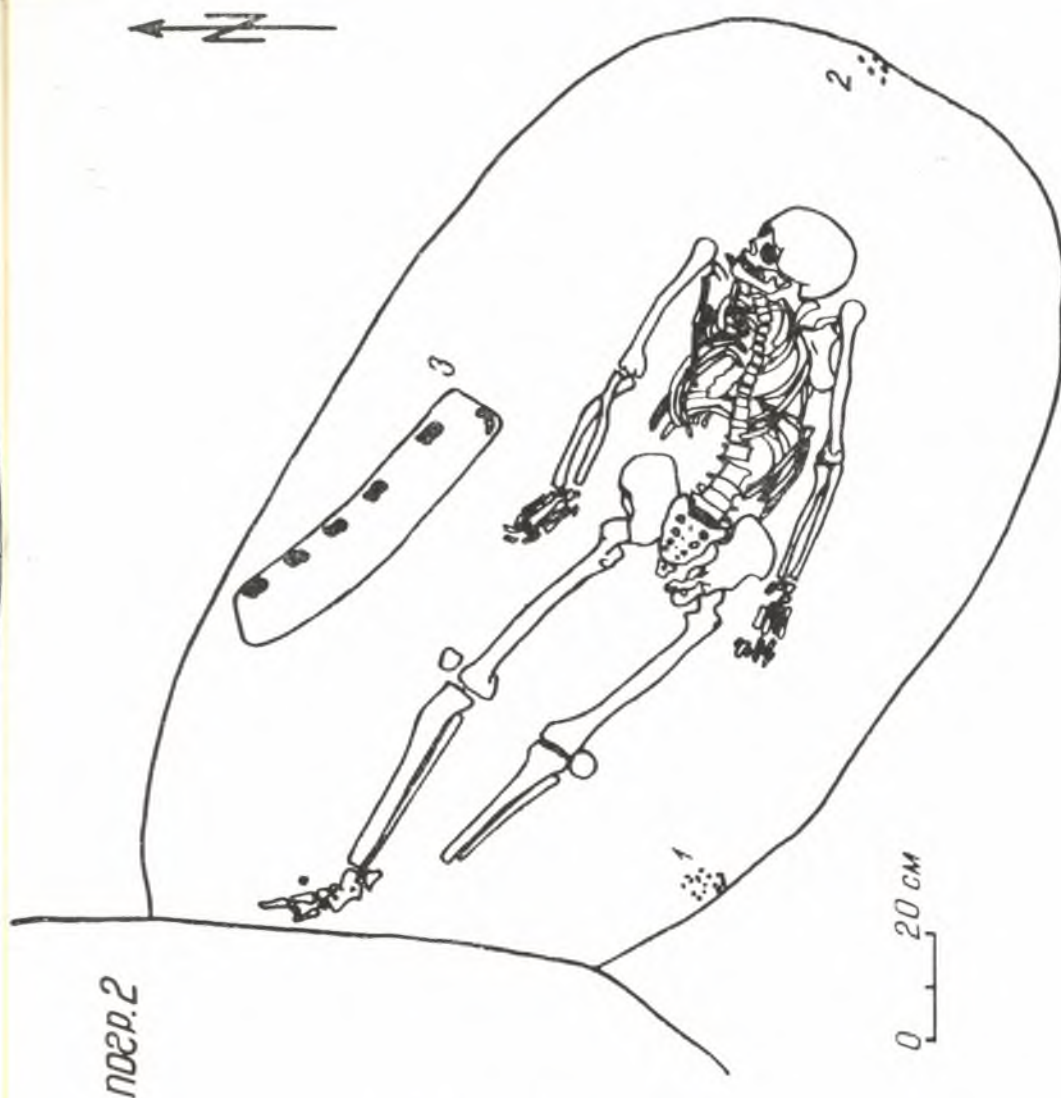

Рис. 2. План погребения № 3
1. Кости животного. 2. Гвоздики. 3. Кофан

ющие каждому из них в отдельности, не удалось. Этому помешали как сильная разрушенность кургана, так и сложность проведения стратиграфических наблюдений в условиях каменной насыпи.

Погребение № 3 совершено в овальной катакомбе (длина не менее 2,16, ширина 1,23, высота свода 1,02 м), ориентированной по длинной оси с СЗ на ЮВ (рис. 2). Дно катакомбы находилось на глубине 2,2 м от уровня погребенной почвы и было расположено на прослойке мелкого серого песка, включившейся в горизонт материковой глины и служившей как бы естественным полом. (Вероятно, совпадение глубин двух одновременных погребений 2 и 3, принадле-

жавших разным культурам, связано с этим обстоятельством). Сводчатый потолок обвалился не полностью, и потому в нижней части камеры встречались пустоты или участки с рыхлым, легко удаляемым заполнением, в то время как в верхней части грунт был очень плотным. На дне находился слой нетлещей растительной подстилки пепельно-серого цвета. Входной колодец вместе с прилегающей к нему частью камеры был уничтожен при сооружении могилы погребения 2 (причем пострадал также костяк, у которого была отрублена стопа и часть берцовых костей левой ноги).

В камере погребенный лежал на спине с небольшим поворотом на правый бок.

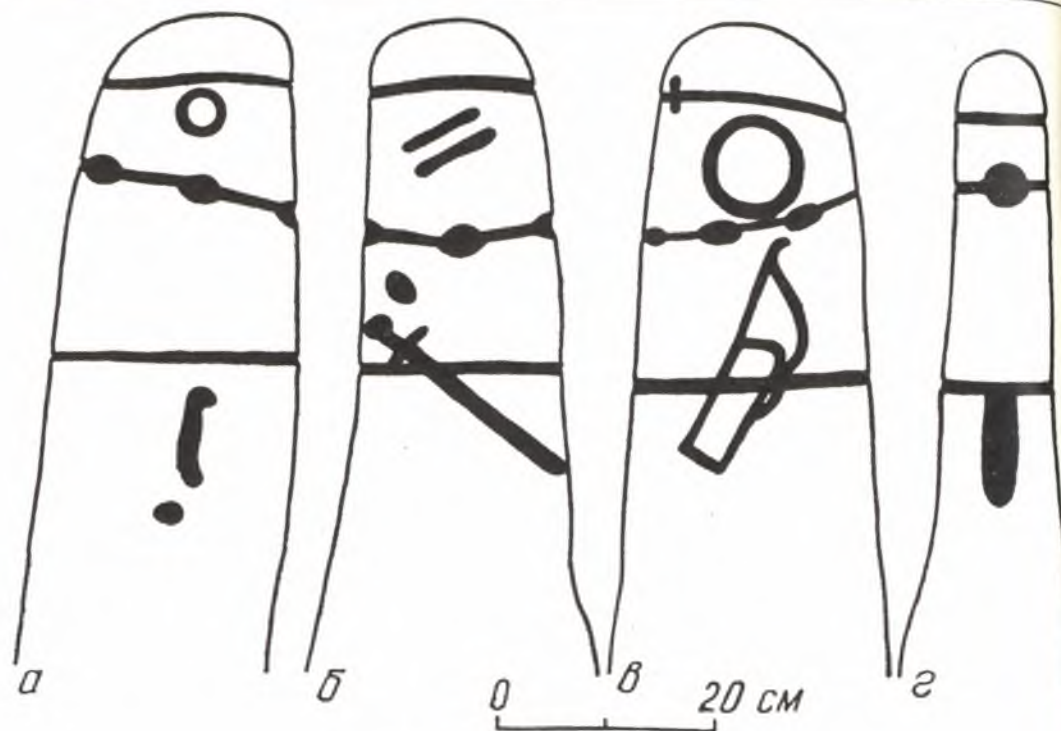

Рис. 3. Каменное изваяние (верхняя часть)
а — вид справа, б — вид спереди, в — вид слева, г — вид сзади

Руки вытянуты вдоль тела, а ноги вместе с нижней частью остова лежали под тупым углом относительно туловища. Головой костяк ориентирован на ВЮВ, лицом на С.

В катакомбе найдены следующие вещи. У стенки, напротив колена левой ноги, в кучке лежали хвостовые позвонки (?) какого-то животного (возможно, овцы). За черепом обнаружено несколько сильно корродированных гвоздиков или заклепок из серебра. Между северной стенкой и костями правой ноги параллельно телу лежали плохо сохранившиеся остатки горита длиной 0,63 м, шириной около 0,15 м в виде фрагментов деревянного каркаса, кожи, войлока и спрессованной массы древков стрел. В верхней его части лежит небольшой корродированный серебряный предмет неясного назначения (возможно, колчанная застежка), а в других местах было найдено несколько серебряных же гвоздиков плохой сохранности, длиной до 1,3 см. На горите, вдоль его дальнего, считая от костяка, края, находилось 5 золотых нашивных бляшек с изображением фигур оленей (рис. 4), а внутри плотной пачкой в несколько слоев лежали остриями вниз 89 наконечников стрел (рис. 5—7), в том числе многие с частично сохранившимися древками.

К этому же погребению относится каменное изваяние, верхняя часть которого

была найдена при добыче камня в 50-х гг. [31, с. 264, рис. 1: 7, 8], а нижняя — в время раскопок 1980 г. среди камней захоронения могилы № 2.

Каменное изваяние. Ставшему известным еще в 1953—1954 гг. и впервые опубликованному 10 лет спустя каменному «воину» Гумарово не повезло ни в плане полноты, ни в плане точности его графического воспроизведения, страдающего большим количеством ошибок и неточностей [8].

Изваяние длиной 2,6 м в настоящее время состоит из двух крупных обломков. Оно изготовлено из блока мелкозернистого гранита светло-серого цвета. Изображение выполнено в технике углубленного силуэта: имеются только на верхнем отшлифованном конце (рис. 3), составляющем примерно четверть от длины всего монолита. Остальная часть обработана лишь грубой обивкой. В сечении изваяние имеет форму трапеции с широкими боковыми сторонами. Общее количество изображенных предметов или деталей одежды равно 13. На всех четырех гранях (в направлении сверху вниз) показаны мягкая налобная лента-диадема, завязанная узлом с расходящимися в противоположные стороны концами, опускающаяся на «грудь» ожерелье из 6 овальных бусин, скрепленные на месте затылка сплошной круглой бляхой

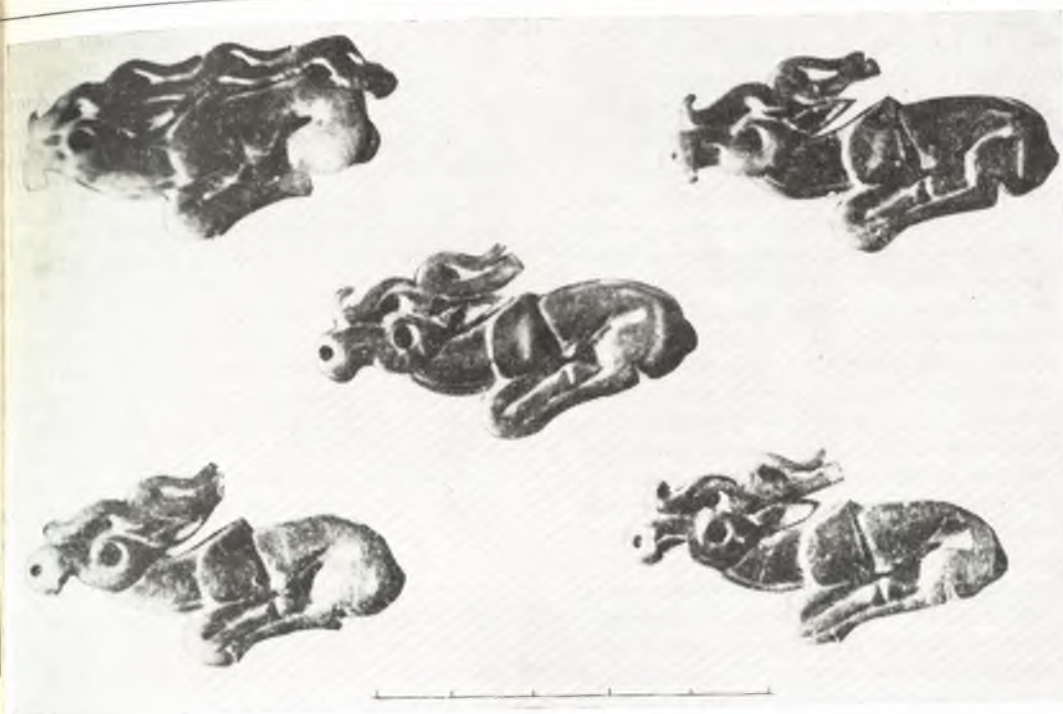

Рис. 4. Золотые колчанные бляшки с изображением фигур оленей

а также узкий пояс. На правой боковой стороне имеется изображение малой кольцевой серьги и помещенного ниже пояса топора (?) без рукоятки, с округлым, направленным вверх лезвием. Под топором выбито изображение какого-то небольшого предмета (пуговицы?). На передней стороне двумя косыми линиями обозначено лицо и показан наклонно заткнутый за пояс меч с прямым перекрестьем и округлым навершием, над рукояткой которого выбито овальная ямка, вероятно, пуговица. На левой боковой грани изображена большая кольцевая серьга, а на поясе — прикрепленный к нему в наклонном положении сложный лук в горите с четко выделенным боковым карманом для стрел. На самой узкой задней грани под поясом показан оселок с закругленным нижним концом.

Все исследователи, обращавшиеся к гумаровскому изваянию, справедливо включали его в круг псевдоантропоморфных изваяний, широко распространенных на рубеже эпох бронзы и раннего железа в степной и лесостепной полосе Евразии — от Монголии до Центральной Европы. Они характеризуются специфической формой и устойчивым комплексом художественно-стилистических признаков, свидетельствующих о едином источнике их происхождения. Вслед за Д. Г. Савиновым и Н. Л. Членовой [33; 34,

с. 72—94; 35, с. 3—12] стало традиционным определение не только монголо-забайкальских, но также других азиатских и европейских намятников подобного рода термином «олениные камни». Олений камень из Большого кургана имеет черты близкого сходства прежде всего с изваяниями из степного Предкавказья и должен быть отнесен к тому же типу, что и они. Изображенный на нем топор (вероятно, кобанского типа), характерный киммерийский меч с прямым перекрестьем, круглая бляха на верхнем конце ожерелья, разновеликие серьги, налобная лента с узлом, размещение оселка на задней грани, обозначение лица косыми черточками — все это прямо перекликается с реалиями кизбурунского, армавирского и других изваяний Северного Кавказа [43, рис. 5: 1, 2].

Вопрос о дате предкавказских стел остается до сих пор дискуссионным. Традиционный метод датировки европейских изваяний по территориальному принципу в настоящее время уже не может быть признан удовлетворительным. Часть северокавказских камней (усть-лабинский и, вероятно, зубовский), судя по недавно опубликованным наборам стрел из Усть-Лабинского кургана, определенно не могут быть древнее середины или второй половины VII в. до н. э. [43, с. 50—53, рис. 21, 22], тогда как, например, найденное за пределами Северного Кавказа —

в кургане у с. Целинное близ Джанкой — изваяние [22, рис. 16—18, 1—5] имеет изображение кнжжала карасукского типа с кольцевым навершием, идентичного кнжжалу, выбитому на аржанском камне VIII в. до н. э. [7, рис. 24: 2].

Украшение колчана. Лежавшие на колчане и когда-то пришитые к нему золотые бляшки в виде оленей выполнены в технике литья (рис. 4). При относительно небольших размерах — длина целой фигурки 5 см — они довольно массивны; общий вес бляшек составляет примерно 100 г. Лицевые стороны гладко отполированы, хотя на них имеются потертости и царапины, свидетельствующие об использовании их при жизни владельца. Обратные стороны, на которых имеется по 2—3 петли, неровные, с шероховатостями, оставшимися после литья. Размеры и форма всех бляшек практически идентичны, но в то же время каждая из них имеет некоторые индивидуальные особенности, связанные с техникой отливки по восковой модели с последующей утратой формы. Так, к примеру, заметно отличаются по рисунку и глубине ямок или отверстий уши, глаза и ноздри; неодинакова степень проработки отдельных деталей (копыт, рта) и т. д. У четырех бляшек еще в древности преднамеренно были частично обломаны рога, целиком сохранившиеся только на одной фигурке (крайней снизу на колчане).

Животные изображены строго в профиль. Голова, расположенная почти на одной оси с туловищем, слегка приподнята мордой вверх. Положенные одна на другую — передняя на заднюю — ноги плотно прижаты к корпусу. Рога, прилегающие к крупу, изображены в виде пяти сигмовидных петель, причем наиболее сильно согнуты крайние отростки. Морда массивная, загнутая книзу и напоминающая этим скорее морду лося, чем оленя. Губы обозначены двумя продольными желобками. Глаза и ноздри имеют вид глубоких, иногда сквозных круглых ямок, в первом случае с окантовкой края. В глазные отверстия вставлялись оправленные золотом цилиндрики бирюзы (сохранился один экземпляр). По изгибу нижнего края шеи проходит типичная для парнокопытных складка кожи. Уши длинные, в виде вытянутого треугольника с прямым верхним краем и с выемкой по центру, заполненной буроватой пастой, сохранившейся в одном из углублений. Верхние острые концы рельефно выделенных лопаток выступают над спиной. Корпус поджарый, отделенный от бедра глубокой выемкой. Короткий округлый хвост слегка выдается за пределы крупа.

Близкие по стилю гумаровским фигуркам изображения оленей имеются только территории Центральной и Средней Азии. Среди них следует отметить золотые бляшки из V Чиликтинского кургана [40, табл. XI] бронзовую бляшку и зеркало из могильника Уйгарак [5, табл. VI: 4, XIV: 7] и другие. а также изображения на обширной серии восточных оленных камней (в том числе упоминавшемся аржанском изваянии) и на скальных рисунках [44, с. 243—249].

Не в пример меньшее число аналогов происходит из Восточной Европы: золотые пластины с резными фигурками копыт из Константиновского кургана под Ростовом на-Дону [20, с. 170, рис. 3] и Жаботинские курганы в Поднепровье [17, табл. VI: 5—7]. Надо подчеркнуть, что в обоих случаях мы имеем пример упрощенных, редуцированных по сравнению с восточными, изображений, что может быть поставлено в связь с их более поздним возрастом и, соответственно, утерей некоторых особенностей, присущих аржано-майэмирскому этапу звериного стиля.

Причины выделения раннего пластического изображения скифо-сибирского стиля и ее характеристика убедительно обоснованы в работах Я. А. Шера [44, с. 239—249], что освобождает нас от необходимости освещения этих вопросов. Гумаровские олени, безусловно, отвечают всему комплексу стилистических критериев, выделяемых для изображений аржано-майэмирского этапа.

Занятие оленьего сюжета с какой-то восточной, относительно Южного Приуралья, территории, установленное на основании морфологического анализа, подтверждается также свидетельствами прямого следования гумаровских животных канонам полихромного стиля, ранние образцы которого, основанные на использовании комбинации золота с бирюзой, в искусстве кочевья мира впервые фиксируются именно в Аржане [7, рис. 10: 2; 8, рис. 10, 11]. Корни полихромного стиля в Центральной Азии уходят в глубь эпохи бронзы, судя по наличию изящных заколок для волос в погребении из Тэве-уула (Монголия) [45, с. 69, 70, рис. 40, 41].

Колчанный набор. Рассмотрение вопроса о типологии наконечников стрел дает возможность общего культурно-хронологического определения № 3 Большого Гумаровского кургана.

Среди наконечников стрел Восточной Европы предскифского времени исследователями выделяются две основные группы [37, с. 133—139], характерные для памятников различных типов: малоцимбальские (двухло-

пастные коротковтульчатые с головками симметрично-ромбической, башневидной и лавролистной форм) и новочеркасские (двухлопастные с длинной тонкой втулкой и короткой головкой; двухлопастные же с пламеневидным пером; трехлопастные с маленькой подромбической головкой). Первые встречаются только в погребениях черноголовского типа, при скорченных костяках, обращенных головками на В, СВ и С; вторые — в новочеркасских комплексах, совместно с лежащими на спине вытянутыми костяками, ориентированными головами преимущественно на З. Помимо них, в особый тип выделяются наконечники жаботинского типа [16, с. 13] — двухлопастные с симметрично-ромбической головкой в половину (или чуть больше) длины всего наконечника — господствующие уже в собственно скифских колчанах конца VII — 1-й половины VI в. до н. э. В качестве раннего варианта жаботинских стрел или вполне самостоятельного типа рассматриваются также наконечники типа Енджа [16; 35, с. 41, 42].

В гумаровском колчане было найдено 88 бронзовых наконечников стрел и один железный двухлопастный (не сохранился). По способу насады наконечники делятся на две группы: втульчатые (71 экз.) и черешковые (17). Среди втульчатых, в свою очередь, по форме сечения головки можно выделить отдели двухлопастных (55), ромбических (2) и трехлопастных (14). В отделе двухлопастных представлены наконечники 5 типов.

Тип 1. С удлиненной асимметрично-ромбической (или длинноромбической) головкой и коротко выступающей втулкой (рис. 5: 1—27). Длина от 3,0 до 4,8 см. Диаметр втулок колеблется в пределах от 0,7 до 0,8 см. Наибольшая ширина приходится на верхнюю треть пера. Втулки неотчетливо граненые, причем по центру обычно проходит чуть заметная пертурба. Более трети всех экземпляров имеет на втулках отверстия для извлечения сломанных древков. Нижняя часть обеих лопастей одного из наконечников после отливки была слегка подплющена боковыми ударами (рис. 5: 7); еще у двух экземпляров головки были подпилены, в результате чего один из них приобрел башневидную форму (рис. 5: 15), а другой — вид азубренного гарнуна (рис. 5: 24). На лопастях трех наконечников процарапаны геометрические знаки, вероятно, метки хозяина (рис. 5: 1, 10, 12). Трижды отмечено наличие шипов (рис. 5: 5, 19, 24).

Эти наконечники Н. Л. Членова в одной из своих последних работ [43, с. 42—44] от-

несла к жаботинскому типу. Так ли это? Известно, что в кургане 524 у с. Жаботин был найден почти «чистый» комплекс однотипных наконечников с довольно длинной втулкой и головкой, составляющей от $1/2$ до $2/3$ длины всего наконечника [16, с. 14, рис. 1]. Среди гумаровских длинноромбических наконечников первого типа господствуют экземпляры совершенно иных пропорций — с пером, почти равным по длине втулке или несколько более коротким. Почти все жаботинские наконечники (27 из 30 определенных) имеют длинные шипы, тогда как в Гумарово только 3 «шипастых» наконечника (из 27). Наличие или отсутствие шипов и даже их размеры являются, на наш взгляд, довольно чувствительным хронологическим индикатором. Не выходя в детали, отметим, что в арханских наборах доскифского времени преобладают бесшипные наконечники, сменяющиеся постепенно на рубеже скифской эпохи более совершенными шипастыми. Гораздо ближе асимметрично-ромбические наконечники из Гумарово стоят к наконечникам стрел типа Енджа, которые еще со времен П. Д. Рау было принято относить к числу доскифских [46]. Наиболее полно в Восточной Европе стрелы этого типа представлены, помимо Гумаровского кургана, в колчанах начала VII в. до н. э. из собственно Енджа [37, рис. 16: 2—7] и Белоградца (Шичата могила) [37, рис. 9: 1—3] в северо-восточной Болгарии, а также, вероятно, в Алексеевском погребении близ Ставрополя на Северном Кавказе [15, с. 117, 118, рис. 7].

В памятниках начала раннего железного века азиатских степей наконечники стрел типа Енджа присутствуют в колчанных наборах из кургана 39 в Уйгарак [5, табл. XIII: 5—35] и 32 в Тагискене [28, табл. 1]. Наконечники стрел этого типа входили в состав некоторых колчанных наборов Памира [26, табл. 34: 1—7] и соседних с Приуральем северных районов Казахстана, как показывают не опубликованные пока раскопки челябинских археологов. В Восточном Казахстане необходимо отметить колчанный набор из V Чиликтинского кургана, от которого сохранилось 12 наконечников типа Енджа. Далее на восток, в кургане Аржан, среди других типов наконечников стрел присутствуют 12 наконечников с асимметрично-ромбическим пером и короткой, обычно бесшипной втулкой. М. П. Грязнов и А. И. Терешкин сблизали их с малоцимбальскими [8, с. 137], но отсутствие среди них наконечников с поперечными ободками и некоторые другие особенности указывают на их принадлежность к типу Енджа.

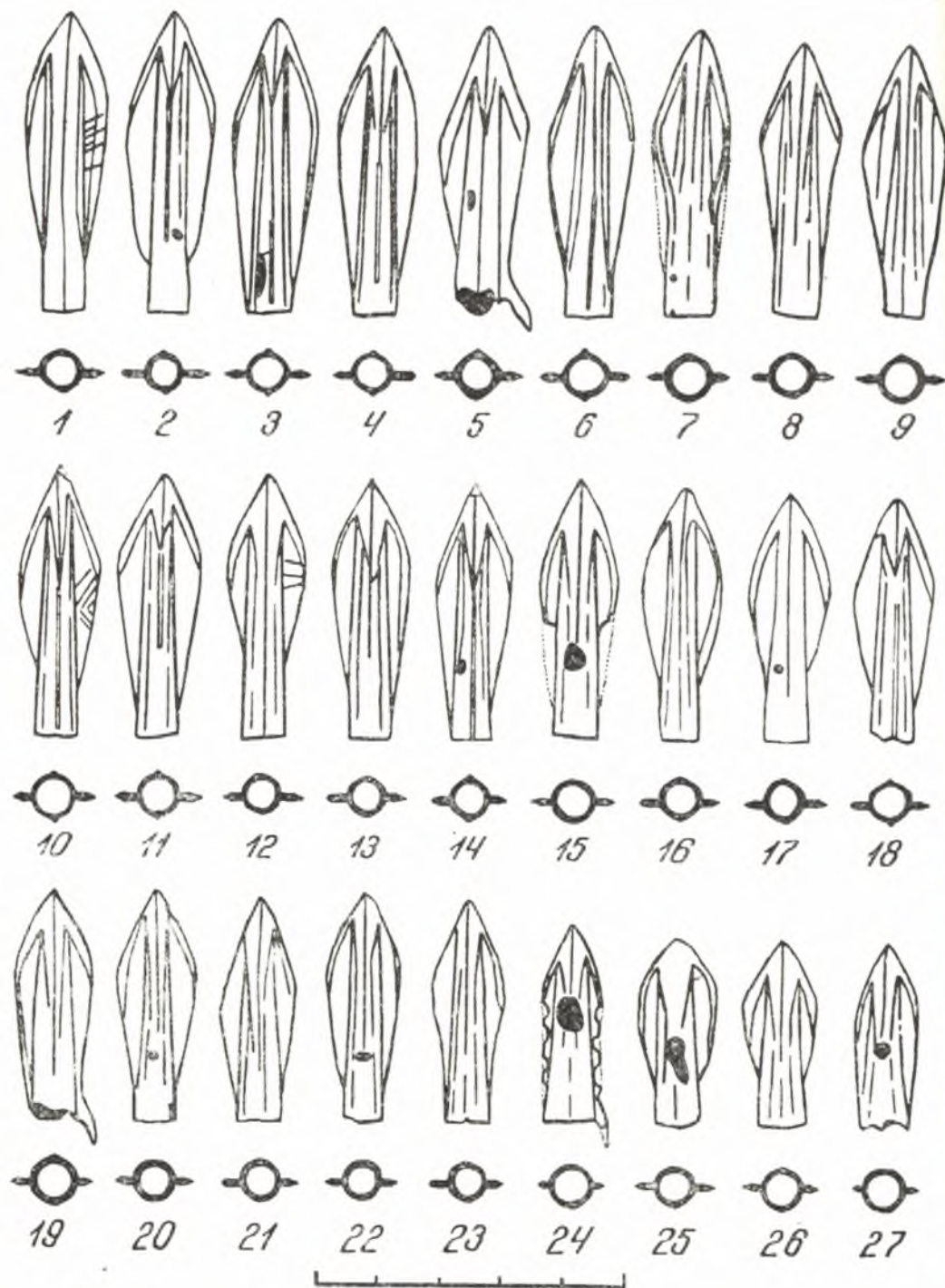

Рис. 5. Бронзовые наконечники стрел (втульчатые двухлопастные асимметрично-ромбические)

Tun 2. В гумаровском колчане тип 2 отдела двухлопастных представлен наконечниками с симметрично-ромбической головкой, составляющей $\frac{2}{3}$ длины всего наконечника (рис. 6: 28—30). Длина трех экземпляров от 3,1 до 4,5 см.

Tun 3. Это наконечники с овально-листо-видной (или лавролистной) головкой, равной примерно $\frac{3}{5}$ длины всего наконечника (рис. 6: 31, 32). Длина 3,4 и 4,2 см. У одного экземпляра на нижней части лопасти имеется надпил круглой формы, на ло-

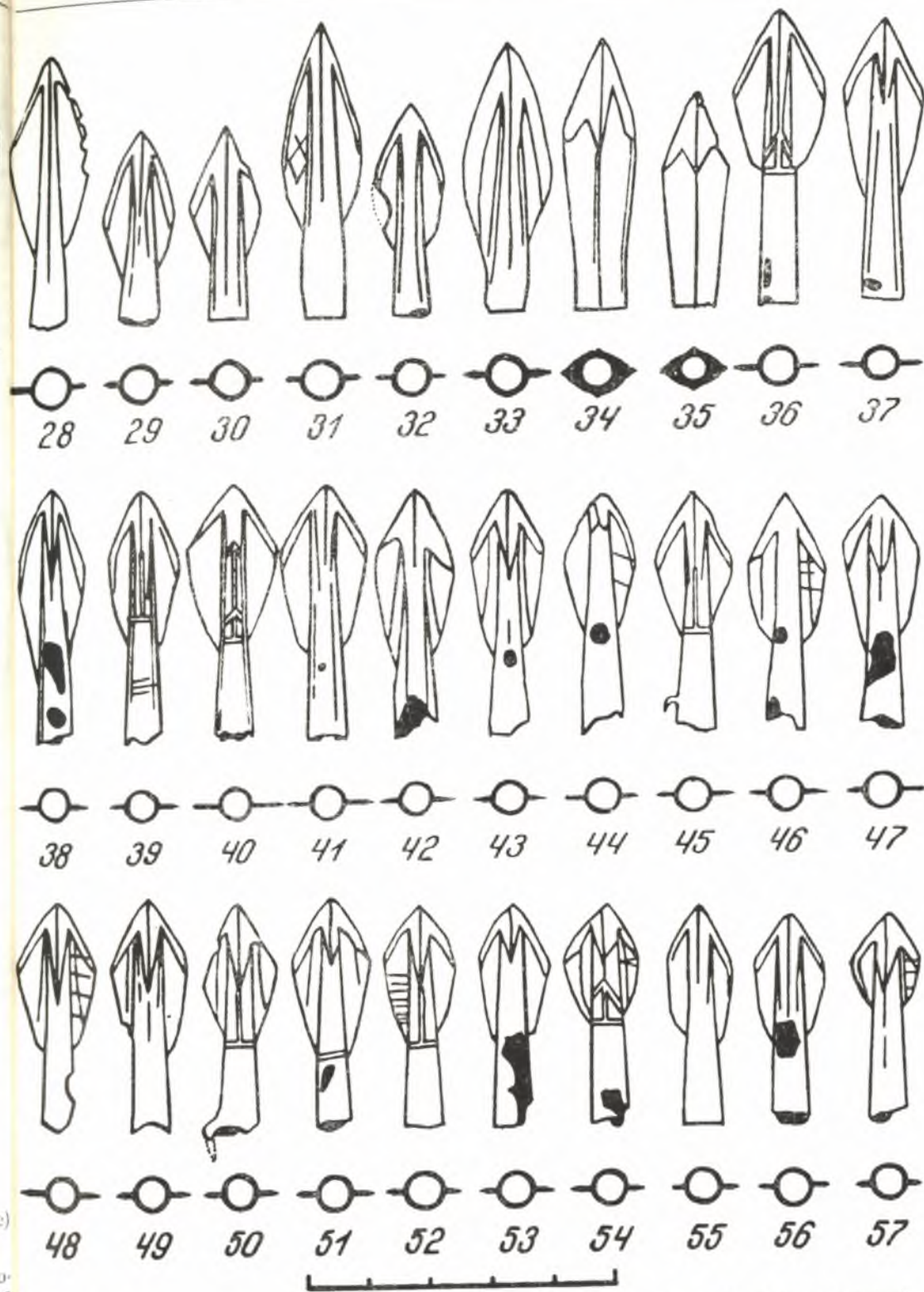

Рис. 6. Бронзовые наконечники стрел (втульчатые двухлопастные и ромбические в сечении)

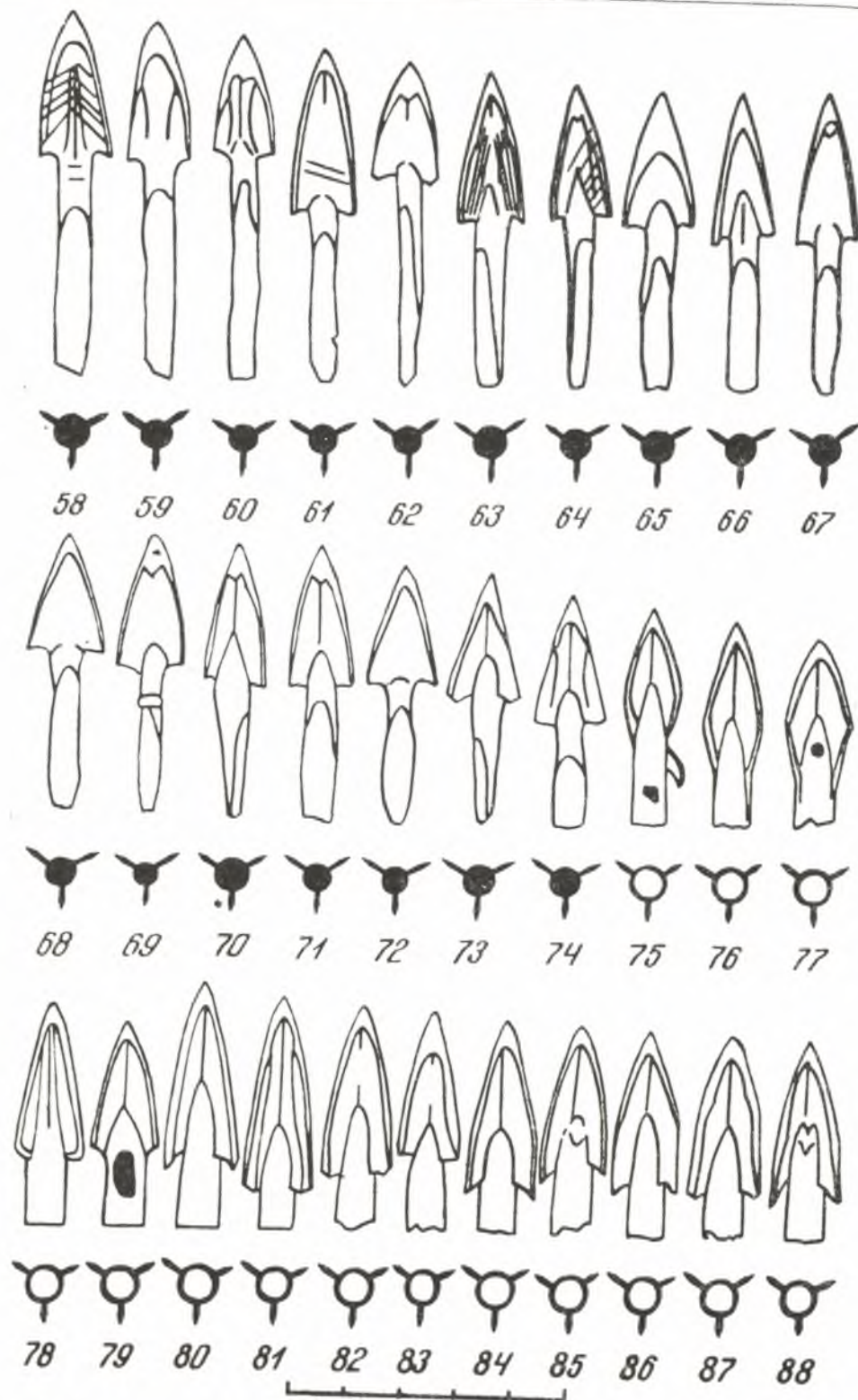

Рис. 7. Бронзовые наконечники стрел (черешковые и втульчатые трехлопастные)

части другого процарапан ромбовидный знак.

Тип 4. Представлен экземпляром с массивной пламевидной головкой и коротко выступающей втулкой (рис. 6: 33). Длина 4,8 см.

Тип 5. С укороченной, составляющей примерно $\frac{1}{2}$ от длины всего наконечника, облегченной головкой в виде ромба или лопаточки (рис. 6: 36—57). Длина 3,4—4,8 см. Перо, в отличие от наконечников первого типа, как правило, более тонкое и нередко с прокованными после отливки краями. Втулки тонкие, диаметром 0,6—0,7 см, без граней и перуор. У восьми наконечников головки отделены от втулок каким-либо рельефным значком: поперечным одинарным ободком (рис. 6: 51), фигуркой в виде перевернутой буквы Т (рис. 6: 39, 45, 50, 52) или ее более сложным вариантом — разделенным надвое треугольником (рис. 6: 36, 40, 54). На втулках десяти наконечников имеются отверстия для извлечения обломков древков, часто неправильной формы. Процарапанные знаки — метки хозяина — на головке или втулке встречены 7 раз (рис. 6: 39, 44, 46, 48, 52, 54, 57). Дважды отмечено наличие маленьких шипов (рис. 6: 45, 50). Аналогии этому типу наконечников из гумаровского колчана представлены в европейской части стеного пояса и хорошо известны в памятниках новочеркасской культуры предскифского времени. Факт присутствия в одном комплексе наконечников стрел новочеркасского типа и асимметрично-ромбических коротковтульчатых наконечников типа Енджа является основным моментом для уточнения даты Гумаровского погребения.

Также большое значение имеет наличие в гумаровском комплексе ромбических наконечников стрел. Они представлены двумя идентичными экземплярами и отличаются только размерами (рис. 6: 34, 35). Их длина 3,5 и 4,3 см. Оба хорошо заточены, с четким вертикальным ребром.

Наконечники этого типа встречаются в колчаных наборах как Европейской, так и Азиатской степной провинции. Очень важен в плане хронологической и культурной систематизации археологических памятников факт их частой встречаемости с наконечниками типа Енджа. В азиатских комплексах ромбические в сечении наконечники стрел образуют совокупности и с другими типами (помимо Енджа), представленными в гумаровском колчане. Они есть в Уйгарке, Тагискене, на Памире и в Северном Казахстане. Один наконечник этого типа

представлен и в кургане Аржан, из которого происходят и 28 костяных наконечников подобного типа [7]. Для понимания хронологических группировок археологических памятников разных культур следует отметить, что в черногорских и новочеркасских колчаных наборах бронзовые наконечники ромбического сечения пока неизвестны, хотя в них широко распространены костяные наконечники того же типа [37, с. 133].

Втульчатые наконечники стрел отдела трехлопастных делятся на два типа. К первому относятся экземпляры с выступающей втулкой и остролистной головкой, грани которой соединяются под тупым углом (рис. 7: 75—77). Длина 3,5—4,0 см. Один из них шипастый (рис. 7: 75). Наконечники второго типа, также с выступающей втулкой, имеют широкую, массивную сводчатую (редко треугольную) головку, заканчивающуюся косо или горизонтально срезаемыми внизу лопастями (рис. 7: 78—88). Длина 3,6—4,5 см.

Трехлопастными наконечниками со сводчатой головкой определяется верхняя граница гумаровского колчанного набора. Широкое распространение этой формы у скифов и савроматов «классического» времени не может служить основанием для вывода об их позднем возникновении. Они довольно многочисленны уже в келермесских наборах начиная с середины VII в. до н. э. [35, с. 44—47; 29, с. 18, 19]. На Востоке такие наконечники, судя по материалам из Приаралья, обычны уже в памятниках первой половины того же столетия, появляясь еще в рамках VIII в. до н. э., судя по находке из Бегазинского могильника в Центральном Казахстане [9, с. 155, рис. 16].

Вторая группа наконечников стрел в гумаровском колчане представлена экземплярами с черешковым насадом. Они относятся к одному отделу — трехлопастных со сводчатой или треугольной головкой и с арочным, треугольным или вильчатым вырезом ложка (рис. 7: 58—74). Длина от 4,3 до 6,5 см. Длина головки составляет от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ размера всего наконечника. Черешки в большинстве случаев доведены только до основания головки и лишь однажды — почти до верхней части ложка (рис. 7: 58). Сечение верхней части черешка — круглое, ниже — подпрямоугольное. На черешке одного из наконечников имеется узелковый упор (рис. 7: 69). На четырех наконечниках встречены процарапанные знаки (рис. 7: 58, 61, 63, 64).

Подобные наконечники стрел встречаются только в восточных памятниках.

Следует попытаться ответить на вопрос о причинах отсутствия в Восточной Европе бронзовых наконечников стрел с черешковым насадом, типичных для памятников ранне скифской эпохи азиатской части степной полосы. Дело, на наш взгляд, заключается в том, что черешковые наконечники встречаются во многих, но отнюдь не во всех азиатских комплексах VIII—VII вв. до н. э. Показательно, например, что ни в Аржане, ни в Чиликте их нет. Вряд ли может спасти положение ссылка на ограбленность и связанную с ней неполноту комплексов, поскольку имеются приведенные Н. Н. Медведской [28, с. 84] убедительные доказательства того, что ограбление само по себе способно привести только к уменьшению количества стрел (при условии достаточной многочисленности набора), но не к кардинальному изменению соотношения экземпляров различных типов внутри набора.

Таким образом, черешковые наконечники стрел весьма специфичны и характеризуют какую-то самостоятельную культурно-историческую действительность азиатского региона. Наличие этих наконечников в гумаровском коляче — явление вторичное, связанное с пограничным положением территории Южного Приуралья и вытекающей из этого возможностью проникновения таких стрел из соседних районов Казахстана. Это вполне согласуется с отсутствием черешковых наконечников в других, более западных памятниках гумаровского типа.

Выше мы уже останавливались на восточноевропейских памятниках, в которых полнее всего представлены коротковтульчатые наконечники с асимметрично-ромбическим пером. Помимо Гумаровского погребения, в эту группу, условно названную гумаровской, входят курганы Енджа, Белоградца и Алексеевский.

Кроме наконечников стрел определенного типа (с преобладанием длинноромбических), в их составе, как правило, встречаются оленные камни (Гумарово, Белоградца), вещи в зверином стиле (Гумарово, Алексеевский — псалы с оформленным в виде копыта концом), соляные знаки (Енджа, Белоградца, Алексеевский) и известны стремчовидные удила (Алексеевский). Погребальный обряд гумаровских памятников представлен погребениями, впускными в более древние курганы. В Гумарово была произведена досыпка насыпи камнем; камень же применяется и при совершении захоронения в Белоградце. Две могилы относятся к типу простых грунтовых; одна — катакомба, с камерой, вырытой в узкой восточ-

ной стенке входного колодца. Погребения во всех случаях уложены вытянуто спиной, головами на З или В.

Следует отметить, что болгарские памятники А. И. Тереножкиным были отнесены к числу киммерийских (новочеркасских) [с. 138, 204, 205]. Действительно, в составе инвентаря из этих всаднических захоронений имеется ряд изделий новочеркасского типа, но достаточно ли этого, чтобы считать комплексы гумаровской группы киммерийскими. Вещи аналогичных типов, представленные в некоторых черногородовских и новочеркасских комплексах, во-первых, достаточно редки (в сравнении с количеством известных киммерийских погребений), а во-вторых, присутствуют в разрозненном виде. В киммерийских памятниках практически нет стрел типа Енджа и ромбических в сечении (в последнем случае бронзовых), а также предметов в зверином стиле. На первый взгляд иначе обстоит дело с оленями камнями — соляными знаками, не только известными в предскифских комплексах нашего степного Юга, но и рассматриваемыми исследователями в качестве своего рода киммерийских символов [37, с. 118; 43, с. 3]. Факты говорят об ином.

Изделия типа оленных камней на территории Европы в настоящее время найдены 14 [34, с. 3]. Шесть из них имеют достаточно точную привязку к погребениям определенных культур: два — черногородовской (Царев Могила, Целинное), два — скифской, 2-й половины VII в. до н. э. (Усть-Лабинская, Зубовский), и, наконец, еще два найдены в комплексах гумаровской группы.

Подсчеты, казалось бы, не дают преимуществ в пользу какой-либо одной из перечисленных групп, но тем не менее равенство это — кажущееся, не учитывающее общего количества памятников, относящихся к этим группам.

К тем же выводам приводит и изучение совстречаемости соляных знаков с погребениями различных типов. Изображения стремчовидных фигур, найденные в трех из четырех комплексов гумаровской группы в новочеркасских встречаются относительно редко и, кажется, совсем не известны в черногородовских [37, с. 173, рис. 92, 93].

Таким образом, в Восточной Европе можно выделить группу воинских погребений с инвентарем определенного типа, четко отличающимся от киммерийского. Вплоть до последнего времени их было трудно выделить среди предскифских памятников.

Бесспорным является тот факт, чтоprotипы инвентаря гумаровского раннекочев-

нического культурного комплекса в памятниках эпохи бронзы и раннего железа Восточной Европы отсутствуют и, следовательно, их следует искать в каких-то других регионах Евразии.

Наиболее перспективной в этом отношении, на наш взгляд, является территория Центральной Азии с сопредельными районами, где не так давно стал известен такой памятник, как курган Аржан. Однако Аржан — не единственный памятник Центральной Азии и соседних с ней районов. Чрезвычайно важными представляются, например, материалы курганов V и VII Чиликтинского могильника к югу от оз. Зайсан (Восточный Казахстан), исследованных С. С. Черниковым задолго до раскопок Аржана [40, с. 7]. Тогда, в период господства представлений о сарматском скифоцентризме, Чиликта, конечно, не могла быть ни точно датирована, ни сколько-нибудь верно интерпретирована. Только сегодня становится понятным, что именно этот памятник имеет столько очевидных точек соприкосновения как с Аржаном, с одной стороны, так и, особенно, с восточноевропейскими памятниками гумаровской группы — с другой, что их трудно считать случайными.

Аржан и Чиликту сближают между собой следующие особенности. В погребальном обряде: каменная насыпь; близость конструктивных особенностей и даже размеров погребальных сооружений (ориентированные по сторонам света, подквадратные в плане мощные бревенчатые клетки-срубы с деревянным полом); широтная (с преобладанием западной с отклонениями) ориентация погребенных. В погребальном инвентаре: господство наконечников типа Енджа и отсутствие экземпляров с черешковым насадом; наличие изображений животных, выполненных в традициях аржано-майэмирского этапа скифо-сибирского звериного стиля; техника раннего полихромного стиля в производстве украшений (золото с бирюзой).

Не меньше черт сходства с Чиликтинскими курганами обнаруживает и Гумаровское погребение. Они сводятся к следующему. В погребальном обряде: каменная насыпь, широтная ориентация погребенных (восточная в Гумарово, западная в Чиликте, Ендже и Белоградце), вытянутое на спине положение костяков. В погребальном инвентаре: господство наконечников стрел типа Енджа, тождественности художественно-стилистических и технических приемов в изготовлении фигурок животных.

В ограбленных Чиликтинских курганах, как известно, не было найдено ни одного

оленного камня. Вряд ли из этого следует делать далеко идущие выводы — такие камни хорошо известны в районе хребта Тарбагатай (где их обнаружено не менее 10—15, по сведениям З. С. Самашева).

Перейдем теперь к рассмотрению вопросов, касающихся датировки и культурно-исторической интерпретации этих памятников. Для Аржана указанные вопросы были подняты М. П. Грязновым. Исследуя археологические материалы Сибири, Казахстана и Северного Причерноморья, он пришел к выводу, что Аржан синхронен целой серии памятников степной полосы, составляющих раннюю аржано-черногородовскую фазу развития культур скифо-сибирского типа, датирующуюся IX—VII вв. до н. э. На основании общности культурных процессов, протекавших в Евразийских степях, М. П. Грязнов пришел к заключению, что сложение культур аржано-черногородовской фазы и генезис скифской раннекочевнической культуры имели полицентрический, всеместный характер [7, с. 50—60; 8, с. 3].

Наряду с несомненными достоинствами взглядов М. П. Грязнова, они не лишены и некоторых, подчас серьезных недостатков. Главный из них — вывод о полицентрическом, стадийном характере сложения культур скифского типа, объективно способствующий невозможному примирению гипотез о центральноазиатском и причерноморско-поволжском происхождении основ этой культуры.

Близкие параллели некоторым вещам из Аржана, как справедливо отмечал М. П. Грязнов, находятся на нашем степном юге. В черногородовских памятниках действительно распространены однотипные с аржанскими стремчовидные удила, стержневидные трехдырчатые псалы и разнообразные костяные наременные бляшки. Напротив, с памятниками новочеркасского типа у Аржана, вопреки мнению М. П. Грязнова, общего почти ничего нет: сходными являются лишь имеющие большую хронологическую амплитуду ребристые застёжки и отдельные формы костяных наконечников стрел. Следовательно, новочеркасским древностям не остается места в составе аржано-черногородовской фазы, что получается из-за недифференцированного подхода к предскифским черногородовским и новочеркасским памятникам.

Вопрос о разделении предскифских древностей Восточной Европы на две группы (на наш взгляд, культуры), впервые поднятый еще в 50-х гг., и по сей день далек от своего решения [14; 15]. Показательно, например,

уже само наличие взаимовключающих друг друга точек зрения отдельных авторов на коренные вопросы предскифской археологии. Так, если А. И. Тереножкин [37] памятники черногоровского типа относит к первому этапу позднейшей киммерийской культуры, датируя их IX—серединой VIII в. до н. э., то А. М. Лесков [25, с. 75], также принимающий их за киммерийские, настаивает на середине VIII—VII в. до н. э. Новочеркасские памятники, которые А. И. Тереножкин включает в состав второго этапа той же культуры и предлагает для них рамки середины VIII—середины VII в., по мнению того же А. М. Лескова, являются скифскими, бытовавшими с конца VIII по третью четверть VII в. Н. Л. Членова [43], омолаживающая вообще все степные предскифские памятники, настаивает на одной узкой дате для всех них—VII в. до н. э., высказываясь в пользу скифской принадлежности черногоровских погребений и киммерийской—новочеркасских.

Имеющиеся данные, на наш взгляд, не дают возможности согласиться с мнением А. И. Тереножкина о развитии киммерийской культуры южнорусских степей как о процессе строго последовательного, эволюционного развития двух якобы генетических этапов—раннего черногоровского и позднего новочеркасского. По всем основным характеристикам (погребальный обряд, вещной инвентарь, в значительной степени—районы преимущественного распространения) первые ощутимо отличаются от вторых, что не позволяет говорить о возможности трансформации одного культурного организма в другой. Против такой возможности свидетельствует также наличие значительного количества смешанных черногоровско-новочеркасских комплексов (могильники на р. Фарс [24, с. 147, рис. 1, 2], Абинский [37, с. 134], Березовский-I [4, с. 193, рис. 6: 3, 12] и др.

Серьезные возражения вызывает попытка Н. Л. Членовой отнести к числу памятников VII в. до н. э. курган Малая Цимбалка (как, собственно, и все остальные черногоровские погребения), поскольку найденные в нем стержневидные псалы (восходящие, как и аржанские, к одному из вариантов псалнев фракко-киммерийского типа) совершенно не встречаются в новочеркасских и тем более в скифских комплексах—они полностью выходят из употребления к концу VIII в. до н. э. Невозможность полной синхронизации черногоровской и новочеркасской культур вообще следует уже хотя бы из того, что во многих ранних новочеркасских

комплексах имеются те или иные следы черногоровского воздействия, в то время как в ранних черногоровских комплексах (таких, как собственно Черногоровки и Камышеватинские) проследить влияние не отмеченного культурного происхождения вместе с его и следует относить к IX—середина VIII в. до н. э., на чем настаивал А. И. Тереножкин и что недавно подтвердила Г. И. Смирнова, опирающаяся на работы Г. Косса [36, с. 33].

В основе подобия сходства между аржаном и черногоровскими комплексами лежит их близость во времени. Середина VIII в. до н. э., вероятно, была периодом широкого распространения в евразийских степях стремчовидных и одноколычатых изделий с трехдырчатыми стержневидными наконечниками. Наиболее вероятным исходным пунктом такого распространения, в существующих источниках, является восточный импульс для становления культуры скифо-сибирского типа неоспоримо, представляется район Северного Причерноморья и Предкавказья. Вряд ли следует это явление связывать с самым мобильным элементом кочевнической культуры—конской уздой, а priori ставить в зависимость от перемещения значительных людских масс. В то же время нельзя, конечно, полностью исключить и последнего варианта, возможность которого, в направлении, обратном предполагаемому движению конской узды, и в более скромных масштабах, доказывается появлением карасукских вещей в Восточной Европе [42; 41, с. 50; 37, с. 7]. Как уже отмечалось выше, материалы кургана Аржан убедительно датированного Л. С. Марсадиловым [27, с. 10, 11] при помощи археологических данных и методов естественных наук (дендрохронологии и C^{14}) второй—третьей четвертью VIII в. до н. э., казалось бы имеют корреляты равного достоинства среди двух групп памятников Восточной Европы—черногоровской IX—VIII и гумаровской первой половины VII в. до н. э. Обращает, однако, на себя внимание различный характер проявления этих связей. Связи между Аржаном и Черногоровкой проявляются в близости предметов, имеющих непосредственное отношение лишь к экипировке верховой конной (удила, псалы и украшения узды), в то время как с памятниками гумаровского типа тувинский курган связывает большое количество морфологически близких вещей или явлений культуры. К таковым относятся однотипные бронзовые наконечники стрел, оленевые камни, предметы в зверином стили и, вероятно, удила со стремчовидными окончаниями. Тувинский курган примерно на полвека старше последних, но их близость

между собой совершенно очевидна. Удовлетворительное объяснение этому феномену возможно лишь при условии признания проследования далеко на запад раннекочевнического культурного происхождения вместе с его и следует относить к IX—середина VIII в. до н. э., на чем настаивал А. И. Тереножкин и что недавно подтвердила Г. И. Смирнова, опирающаяся на работы Г. Косса [36, с. 33].

Центральной Азии тысячами километров восточнее, в степях Урала, Кубани и Дуная разрозненных племен и племенных групп, носителей восточного происхождения, но могло ли только их воздействие иметь результатом проникновение в Восточную Европу устойчивого комплекса инноваций, охватывающих едва ли не все стороны культуры кочевников? Очевидно, что восточный импульс для становления культуры скифо-сибирского типа неоспоримо, следовательно, нет решительно никаких оснований для заключений о возможности самостоятельного, автохтонного возникновения рассматриваемого комплекса в Европе, так и его полицентрического происхождения в среде культур ранних кочевников Евразии.

Перечисленные особенности погребального обряда памятников гумаровского типа отличаются от обряда кургана Аржан, но находят определенные параллели в предскифских памятниках Причерноморья [37, с. 95]. Они проявляются в сходстве типов могильных сооружений (камерная могила в Гумарово и в некоторых черногоровских и новочеркасских курганах), одинаковом положении костяков (вытянуто на спине—гумаровцы и новочеркасское население) и ориентации их (западная в Ендже, Белогородье и в новочеркасских погребениях, восточная—в Гумарово и у черногоровцев). В гумаровском колчане, в группе новочеркасских наконечников стрел имеются следы некоторого черногоровского воздействия, что представляет факт, заслуживающий внимания. В гумаровском комплексе, казалось бы, отсутствуют наконечники малоцимбальского типа за исключением, может быть, оригинального наконечника с подрезанными лопастями и головкой башневидной формы (рис. 5: 15), но важным отличительным признаком малоцимбальских наконечников А. И. Тереножкин считал наличие одного или нескольких рельефных поперечных ободков на втулке. Такие «малоцимбальские» ободки имеются на длинновтульчатых наконечниках новочеркасского типа не только из Гумаровского (рис. 6: 51), но и Зольни-

ского курганов [37, рис. 17]. Тем же черногоровским влиянием можно объяснить появление на новочеркасских стрелах маленьких шинов (рис. 6: 45, 50). В то же время Т-образные значки, характерные для новочеркасских наконечников (рис. 6: 39, 45, 50, 52) [37, рис. 171], встречаются и на некоторых наконечниках малоцимбальского типа из Высокой Могилы [21, рис. 1: 1—5], что, вероятно, свидетельствует об определенной хронологической близости черногоровских и новочеркасских комплексов между собой. Принимая во внимание и ряд других обстоятельств (например, предскифско-причерноморское происхождение некоторых вещей в комплексах гумаровской группы), очевидно, полностью отрицать воздействие культуры местного населения на пришельцев было бы неверно. В то же время даже очевидные, на первый взгляд, факты влияния культуры местного населения на выходцев с востока требуют самой тщательной проверки и перепроверки.

Нерешенными пока остаются вопросы: с какими культурами следует связывать происхождение гумаровской катакомбы? С черногоровско-новочеркасскими подобиями, устроенными в широких стенках входного колодца, или с чиликтинской дромосной могилой? И где истоки западной ориентации костяков гумаровских памятников: в курганах Чиликты или в новочеркасских погребениях? Ответы на них может дать только продолжение археологических исследований.

Некоторые данные, связанные с погребальным инвентарем Чиликтинского кургана, позволяют уточнить его датировку. Судя по особенностям морфологии фигур оленей, курган V вряд ли может быть древнее Аржана, скорее наоборот. В то же время хронологический разрыв между этими памятниками не может быть большим: в Чиликте имеется арханский «чистый» набор бронзовых наконечников типа Енджа. Еще более поздним, очевидно, является Гумаровское погребение. Это определению следует из анализа найденных в нем наконечников, среди которых, в отличие от Аржана и Чиликты, имеются относительно поздние трехлопастные формы. Таким образом, дата Чиликтинского кургана V (как, вероятно, и кургана VII) может быть установлена в рамках 2-й половины—конца VIII в. до н. э.

Чиликтинский могильник находится в 850 км юго-западнее Аржана, а Гумаровский, в свою очередь, расположен в 2000 км западнее Чиликтинской долины. Приуральское погребение начала VII в. до н. э. по особенностям обряда и формам вещей стоит

ближе к восточноказхастанскому 2-й половины VIII в., нежели к тувинскому кургану середины VIII в. до н. э. Дают ли эти факты достаточные основания для гипотезы об эволюционном развитии постепенно перемещающегося с востока на запад какого-то крупного объединения кочевников с культурой центральноазиатского типа?

Представляется, что на этот вопрос сегодня не может быть дан только один, причем безусловно положительный ответ. Дело обстоит гораздо сложнее, особенно с Аржаном, Чиликту, чуть ли не все основные параметры которой ближе всего подходят к характеристике памятников гумаровской группы, можно достаточно уверенно поставить в начале этого однородного ряда. Особенности погребального обряда и инвентаря тувинского кургана получают дальнейшее развитие в культуре как сакских племен Центральной и Средней Азии, так и скифо-сарматского населения Восточной Европы и, следовательно, на данном этапе развития могут рассматриваться в качестве общей подосновы культуры скифо-сакского типа Евразии или, точнее, некоторых ее важнейших проявлений.

Какова культурно-этническая принадлежность памятников гумаровской группы? Ответ, на наш взгляд, может быть только один: это памятники древнейших скифов. Комплекс инноваций, появившийся в Восточной Европе, а несколько позднее и в Передней Азии, был обусловлен миграцией крупного объединения кочевников из Центральной Азии. В дальнейшем он очень широко распространяется в скифской культуре Причерноморья. Археологические данные об истоках культуры и датировке памятников гумаровской группы всецело согласуются со свидетельствами древневосточных хроник и античных авторов как относительно азиатского происхождения древних скифов, так и относительно времени их появления на исторической сцене. Этой сценой, как известно, оказалась территория Передней Азии и Ближнего Востока, где новый этнокон становится известен начиная с 70-х гг. VII в. до н. э. [13, с. 245, 246]. Следовательно, за «кулисами» этой сцены, в восточноевропейских степях скифы должны были появиться и появляются, по крайней мере не позднее начала этого столетия (если не раньше). Возможность дальнейшего удревнения памятников древнейших скифов в Восточной Европе связана с датой комплексов типа Чиликты 2-й половины VIII в. до н. э., с которыми они генетически связаны.

Неоднозначными, судя по археологическим данным, были взаимоотношения древних скифов с носителями черногорской и новочеркасской культур (вместе или порознь претендующих на роль киммерийских), верная граница бытования которых, по существу, определяется суммой случаев взаимодействия их с раннескифскими вещами.

Для черногорцев таких случаев известно всего два: погребение 5 кургана Высокая Могила [2, рис. 5—9], где в черногорском по обряду и составу вещей погребены встречены отлитые вместе с псалмами удила конструктивно сходные с удилами из Енджа и Уйгаракского кургана 26 [5, табл. VII, 5], а также золотая височная подвеска, аналогичная сереге из того же комплекса в Уйгараке, и погребение 3 кургана 1 у с. Целинное (в котором скорченный скелет с восточной ориентацией сопровождался золотой подвеской типа описанной выше оленним камнем). Эти два погребения [3, с. 17] рубежа VIII—VII или начала VII в. до н. э., вероятно, являются наипозднейшими среди памятников черногорской культуры IX—VIII вв. до н. э. Возможно, в эту группу поздних черногорских памятников входит погребение со скорченным скелетом из кургана Царева Могила, в котором найдено каменное изваяние. Не исключено, что происхождение нечерногорских вещей в этих комплексах связано с более ранней карасукской волной, носители которой к тому времени были почти полностью ассимилированы племенами новочеркасской культуры.

В то же время не подлежит никакому сомнению факт самых широких и тесных скифско-новочеркасских контактов, о чем свидетельствует целая серия смешанных погребений как в Причерноморье [43, рис. 13, 1—IV; 15, табл. V, VIII], так и особенно в Северном Кавказе [3, с. 49—54; 4]. Верхний предел этих контактов, а следовательно и дата финала новочеркасской культуры, хорошо определяется рядом комплексов, например, Обрывским 2-й половины или середины VII в. до н. э. [43, с. 33—35, рис. 15 X].

Большое значение в связи с рассматриваемыми памятниками имеет вопрос о центрах сосредоточения раннескифского населения в Восточной Европе. Комментируя сведения античных авторов, некоторые исследователи высказывались против тезиса о раннем пребывании скифов собственно в Северном Причерноморье [13, с. 228]. Следует отметить, что в настоящее время на территории северопричерноморских степей лесостепей неизвестны памятники, которые

можно было бы связать с первой волной проникновения скифов в Европу.

Одним из наиболее хорошо изученных в археологическом плане центров расселения древних скифов являются районы Северного Кавказа (где как раз расположено Алексеевское погребение), которые рассматриваются многими исследователями в качестве плацдарма знаменитых малоазийских походов скифов и киммерийцев [18, с. 19—25, 356—357].

В недавно вышедшей книге И. В. Куклиной «Этногеография Скифии» на основе анализа письменных источников был поставлен вопрос о другом центре раннескифского расселения. Речь идет о территории «древней (или исконной)» Скифии, локализованной Геродотом (IV, 99, 2) к югу от низовьев Истра (Дунай). Несмотря на сложности, связанные с истолкованием этого пассажа у Геродота, памятники Белоградца и Енджа в северо-восточной Болгарии могут серьезно дополнить количество фактов, говорящих о действительном существовании территории «древней Скифии», основанной наиболее сильно продвинувшейся на 3-й группой кочевников [23, с. 57, 58].

Другим центром (согласно свидетельству Геродота), рассматриваемым многими специалистами как место расселения наиболее ранних носителей скифской культуры, является область, заселенная так называемыми «отложившимися скифами»; местонахождение ее некоторыми исследователями связывается с Южным Приуральем [12, с. 248, 249]. С этой точкой зрения хорошо увязывается расположение Гумаровского раннескифского погребения.

Требует своего объяснения и небольшое количество памятников гумаровского типа, несовместимое с той ролью, которую сыграли скифы в мировой истории. С точки зрения специфики археологических источников (именно в данном случае) было бы неверно оценивать численность выходцев из «глубин Азии», исходя только из количества их памятников. Для более правильной оценки масштабов этого явления на сегодняшнем этапе его исследованности целесообразно и необходимо иметь в виду данные косвенного характера, связанные с распространением скифской культуры или ее элементов в иноподной среде. Это прежде всего сведения письменных источников, а также «скифские» наконечники стрел и оленные камни, стрелочковидные удила и соляные знаки из Приуралья и Волго-Камья, Передней Азии и Закавказья, Балкан и Центральной Европы. Невозможно представить, что контакты ме-

стного населения с малочисленными пришельцами могли привести к отложению в памятниках местных культур столь большого количества скифских вещей.

Подведем итоги. Исследованное в 1980 г. погребение 3 Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье, относящееся к началу VII в. до н. э., дает ряд новых важных доказательств в пользу старой гипотезы о происхождении скифской культуры Северного Причерноморья, точнее, Восточной Европы, из «глубин Азии», особый интерес к которой возродился в связи с раскопками кургана Аржан в Туве. Среди древностей черногорской и новочеркасской культур, справедливо связываемых с историческими киммерийцами, удалось выделить ряд частично синхронных им памятников, отличающихся наличием устойчивого специфического комплекса инноваций, включающего ранние образцы искусства звериного стиля, оленные камни, бронзовые наконечники стрел типа Енджа вместе с ромбическими в сечении. Дальнейшее развитие этого комплекса на западе связано прежде всего со скифской культурой Причерноморья. Прототипы этой группы вещей в Восточной Европе отсутствуют, но имеются в протоскифском (или протосакском) кургане Аржан середины VIII в. и особенно в материалах V Чиликтинского кургана конца VIII в. до н. э. в Восточном Казахстане. Происхождение скифской культуры и этноса следует связывать с миграцией на запад носителей комплексов типа Чиликтинского кургана, который, вероятно, можно считать древнейшим скифским памятником Евразии. С этой же новой волной на территории Восточной Европы появляются изображения соляриных знаков, бронзовых зеркал, каменных блюдец, жертвенных ножей, кинжалов с бабочковидным перекрестьем, боевых молотков — тех форм материальной культуры, в разработке которых чувствуется уже вклад не только центральноазиатских, но и среднеазиатских племен (зеркала, каменные блюда-столики, соляные знаки?).

Принципиальная возможность допущения такой миграции была получена после разрушения одной чрезвычайно долговременной палеоантропологической парадигмы, постулировавшей принадлежность племен Центральной и Средней Азии к монголоидному антропологическому типу [10; 11]. Новейшими исследованиями доказано наличие в этих районах с давнего времени европеоидного пласта, родственного скифским племенам Северного Причерноморья [1, с. 80—82].

Памятники гумаровской группы, собственно говоря, не являются памятниками нового типа вообще: они новы только для территории Восточной Европы. По существу, это памятники древнейшего этапа скифской восточноевропейской культуры, который по месту находки наиболее яркого памятника, имеющего характер эталона, следует назвать гумаровским. Историческим содержанием данного этапа было первое завоевание скифами степной полосы Восточной Европы (а не только Северного Причерноморья) и начало их южных походов (вплоть до возвращения первых отрядов из Передней Азии). В переводе на абсолютные даты это — первая половина VII в. до н. э. Скифские памятники следующего — келермесско-красношаменского — этапа, начинающегося с середины VII в. до н. э. [30, с. 43—48; 6, с. 53], отличаются от гумаровских стационарным характером (выразившимся в возникновении крупных родовых кладбищ), появлением предметов древневосточного импорта и некоторыми изменениями в культуре, связанными с пребыванием скифов в Передней Азии.

1. *Алексеев В. П.* Дискуссионные проблемы отечественной скифологии. — НАА, 1980, № 6.

2. *Бидзиди В. И., Яковенко Э. В.* Киммерийские погребения Высокой Могилы. — СА, 1974, № 1.

3. *Виноградов В. Б., Дударев С. Л.* К этнокультурной интерпретации некоторых материалов VII в. до н. э. из Предкавказья. — АСГЭ, 1983, [вып.] 23.

4. *Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Рунич А. П.* Киммерийско-кавказские связи. — В кн.: Скифия и Кавказ. Киев, 1980.

5. *Вишневский О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. (по материалам Уйгарака). М., 1973.

6. *Галанина Л. К.* Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов). — АСГЭ, 1983, [вып.] 24.

7. *Грязнов М. П.* Аржан: Царский курган раннескиф. времени. Л., 1980.

8. *Грязнов М. П.* Начальная фаза развития скифо-сибирских культур. — В кн.: Археология Южной Сибири. Сб. науч. тр. Кемерово, 1983.

9. *Грязнов М. П.* Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. — СА, 1952, № 12.

10. *Дебец Г. Ф.* О физических типах людей скифского времени. — В кн.: Проблемы скифской археологии. [Сб. ст.] М., 1971 (МИА, № 177).

11. *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР. М.: Л., 1948 (ТНЭ, нов. сер., т. 4).

12. *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота: Тексты. Перевод. Комментарии. Л., 1982 (Древнейшие источники по истории народов СССР).

13. *Дьяконов И. М.* История Мидии. М.: Л., 1956.

14. *Нессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. — СА, 1953, № 18.

15. *Нессен А. А.* Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. — В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии [Сб. ст.] М., 1954.

16. *Ильинская В. А.* Бронзові наконечники стріла так званого жаботинського і повочеркаського типів. — Археологія, 1973, № 12.

17. *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII—IV вв. до н. э.). Киев, 1975.

18. *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев, 1983.

19. *Исмаилов Р. Б.* Каменная стела золотые олени из Гумарово. — В кн.: Скифо-сибирский мир (искусство и идеология). Кемерово (в печ.).

20. *Кизишко В. Я., Коренько В. А.* Петрище раннего железного века у г. Константиновск-на-Дону. — СА, 1976, № 1.

21. *Клочко В. И.* Некоторые вопросы происхождения бронзовых наконечников стрел Северного Причерноморья VIII—VII вв. до н. э. — В кн.: Памятники древних культур Северного Причерноморья. Сб. науч. тр. Киев, 1979.

22. *Корпусова В. И.* Курганы у с. Целинное. — В кн.: Курганы степного Крыма. Сб. науч. тр. Киев, 1984.

23. *Куклина И. В.* Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985.

24. *Лесков А. М.* О хронологическом соотношении памятников начала железного века на юге Европейской части СССР. — В кн.: Древности Евразии в скифо-сарматское время [Сб. ст.] М., 1984.

25. *Лесков А. М.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья. — В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1971 (МИА, № 177).

26. *Литвинский Б. А.* Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.

27. *Марсадолов Л. С.* Хронология курганов Алтая (VIII—IV вв. до н. э.). Автореферат дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Л., 1985.

28. *Медведская И. Н.* Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана. — СА, 1972, № 5.

29. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. М., 1964 (САН, [вып.] Д1-4).

30. *Петренко В. Г.* Скифская культура на Северном Кавказе. — АСГЭ, 1983, [вып.] 23.

31. *Попов С. А.* Археологические находки на территории Оренбургской области. — АЭБ, 1964, т. 2.

32. *Савинов Д. Г.* О культурной принадлежности северокавказских камней-обелисков. — В кн.: Проблемы археологии Евразии и Сев. Америки. [Сб. ст.] М., 1977.

33. *Савинов Д. Г., Членова Н. Л.* Западные пределы распространения оленных камней и вопросы их культурно-этнической принадлежности. — В кн.: Археология и этнография Монголии. [Сб. ст.] Новосибирск, 1978.

34. *Савинов Д. Г., Членова Н. Л.* Северокавказские оленные камни в ряду оленных камней Евразии. — В кн.: Ранний железный век. М., 1980 (КСИА, вып. 162).

35. *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов. М., 1961 (МИА, № 101).

36. *Смирнова Г. И.* Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР. — СА, 1985, № 4.

37. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев, 1976.

38. *Тереножкин О. I.* Киммерийські стели. — Археологія, 1978, № 27.

39. *Тончева Г.* Два надгробних монументальних пам'ятника фракийським вождям. — Thracia, 1972, t. 1.

40. *Черников С. С.* Загадка Золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». М., 1965 (сер. «Из истории мировой культуры»).

41. *Членова Н. Л.* Карасукские князья. М., 1976.

42. *Членова Н. Л.* Карасукские находки на Урале и в Восточной Европе. — СА, 1973, № 3.

43. *Членова Н. Л.* Оленные камни как исторический источник. (На прим. оленных камней Сев. Кавказа). Новосибирск, 1984.

44. *Шер Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.

45. *Novgorodova E.* Alte Kunst der Mongolei. Leipzig, 1980.

46. *Rau P.* Die Gräber der frühen Eisenzeit in Unteren Volga-Gebiet. Pokrowsk, 1929 (MZM, II. 1).

Р. С. МИНАСЯН

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ТЕХНИКИ ПРОИЗВОДСТВА НА ПРОИСХОЖДЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ СКИФО-СИБИРСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ

Различные сюжеты с изображением животных всегда занимали значительное, порой ведущее место в изобразительном творчестве древних народов, но одними из наиболее последовательных приверженцев этой темы, вписавшими много выразительных страниц в историю мирового искусства, по праву являются создатели скифо-сибирского звериного стиля. В VIII—VII вв. до н. э. довольно внезапно звериный стиль проявился в прикладном искусстве ираноязычных племен, населявших обширные пространства степей Евразии от Дуная до северных провинций Китая, и заявил о себе как о вполне сформировавшемся явлении.

Стилистические особенности скифо-сибирского искусства анализировались неоднократно. Еще Г. И. Боровка в ряде приемов оформления скульптурных объемов скифских украшений усматривал влияние техники резьбы по дереву и кости, лежащей, по его мнению, в основе звериного стиля [30, с. 65]. Э. Герцфельд пришел к несколько иному заключению. В приемах моделировки глаз, поздрей, частей тела животных он увидел связь с техникой резьбы по мягкому камню стеатиту, в частности — с ближневосточными печатями типа Киркук [33, с. 161—166]. Н. Л. Членова полагает, что Г. И. Боровка переоценил значение дерева и кости в формировании скифского искусства, и склоняется на сторону Э. Герцфельда, а сходство черт, прослеживающихся на раннем этапе скифской истории между культурами Северного Причерноморья и Южной Сибири, объясняет за счет общности происхождения с территорией Северной Месопотамии и Ирана [24, с. 128—130].

М. И. Артамонов полагает, что, несмотря на близость форм изображаемых животных в культурах Средней Азии, Сибири и Северного Причерноморья, здесь отсутствует детализация при трактовке образов, характерная для их древневосточных прототипов. По его мнению, в художественном металле Средней Азии и Сибири нет признаков, восходящих к технике резьбы по дереву. Это он объясняет тем, что в Среднюю Азию и Сибирь звериный стиль проник, минуя технику резьбы по дереву, «не непосредственно из искусства Древнего Востока, а через мидян, уже успевших создать собственный вариант этого стиля тогда как в Северное Причерноморье это искусство было принесено скифами еще в процессе отбора пригодных для них древневосточных элементов и переработки их» [2, с. 70].

М. П. Грязнов, выделивший на территории Сибири раннюю группу памятников VIII—VII вв. до н. э., пришел к заключению, что в это время в связи с переходом населения к кочевому образу жизни по всему поясу евразийских степей происходил единый, в общих чертах синхронный процесс сложения и развития скифо-сибирских культур, в том числе и звериного стиля, на местной, самобытной черноморовско-аржанской основе [9, с. 54—59].

В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин, сделавшие тщательный обзор скифских памятников европейской части СССР, предполагают, что скифы продвигались на восток уже сложившейся культурой, поэтому ее ранние формы нельзя смешивать с урартскими, ассирийскими, мидийскими или какими-либо иными переднеазиатскими началами [16, с. 356—367].

Как следует даже из краткого изложения ряда ведущих концепций, технической стороне изготовления предметов звериного стиля, а следовательно, развитию металлообрабатывающего производства на вышеоцененных территориях отводится особая роль. Однако, несмотря на то, что техника металлообработки и ювелирное дело достаточно хорошо освещены в специальной литературе, в археологии данная тема является одной из наиболее слабо изученных. С одной стороны, это объясняется тем, что среди археологов не нашлось квалифицированных специалистов в данной области производственной практики, способных по достоинству оценить исключительность этого источника, с другой стороны — тем, что современная техническая литература по металлообработке приурочена только к нуждам нынешнего производства, поэтому использование ее в интересах археологии чрезвычайно сложно.

В определенных той или иной технической операции в специальной литературе по металлообработке и ювелирному делу имеются расхождения. Тем не менее смысл этих определений читающему всегда остается понятным, поскольку они сопровождаются соответствующими характеристиками операций. Археологи же пользуются существующей терминологией зачастую неудачно, а необходимую информацию, подтверждающую их определения, как правило, не приводят.

Работа, включающая детальное описание приемов древней металлообработки с учетом разнообразнейших нюансов, основанная на базе трассологических наблюдений, необходима, и эта тема еще ждет своего исследования, но для того, чтобы смысл сказанного ниже был понятен, уместно дать хотя бы краткую характеристику наиболее распространенных в древности операций литейного производства и холодной обработки цветных металлов в соответствии с терминологией, общепринятой в ювелирном деле [6, с. 149—232; 22, с. 91—147]. Отбор, последовательность и конкретизация отдельных моментов, имеющих важное значение для дальнейших рассуждений, составлены, однако, на основании изучения археологических материалов.

Литье. Древние литейщики владели способами литья по выплавляемым моделям, литьем в глиняные односторонние и составные формы, литьем в каменные и металлические составные формы. Выплавляемые модели изготавливались вручную из органических материалов (преимущественно воска) с помощью трафаретов, односторонних и составных форм, с использованием тиснения, гравировки, резьбы, лепки, модельной пайки, путем соедине-

ния нескольких моделей в одном изделии. Глиняные формы делались ручным способом, с помощью оттиска деревянного аналога изготавливаемого изделия или оттиска готового изделия. Заливка расплава в формы осуществлялась методами свободного литья и точного (видимо, центробежного) литья.

Обширен был репертуар приемов и в области холодной обработки металлов. Помимоковки, сущность операции которой объяснений не требует, существовали и другие способы, основанные на использовании свойства деформации металла (рис. 1).

Металлопластика. Способ нанесения изображения на металлической фольге и тонком листовом металле не более 0,5 мм толщины путем плавных деформаций, осуществляемых деревянными, костяными или металлическими инструментами типа различного вида стилией. Ни матриц, ни каких-либо иных приспособлений здесь не требуется. Успех работы всецело зависит от замысла и мастерства исполнителя. В технике металлопластики нанесены изображения на золотой чаше из Келермеса [4, табл. 45], выполнены золотая трапециевидная пластина с изображением сцены боя конного и пешего воинов из Геремессова кургана [4, табл. 188], изображения мужчины на прямоугольных пластинах из Амударьинского клада, орнаментация и рисунки животных на золотой обкладке ножен меча 53-го кургана Тагискена [3, табл. 1, 2, 17, 18] и другие вещи, обычно считающиеся исследователями образцами чеканных, гравированных или тисненых работ.

Выколотка. Прием холодной обработки листового металла (с промежуточным отжигом) с помощью наковален и различных молотков, под которыми металл тянется, изгибается и приобретает необходимую форму. Чеканы, притом деревянные, употребляются редко. По сути, выколотка близка кузнечной технике. На металле остаются следы ударов молотка, хорошо прослеживающиеся на поверхностях изделий. Основы древних кубков, чаш, сосудов, основа келермесской пантеры и костромского оленя, нагрудники и пояски греческих доспехов и многие другие вещи являются образцами выколоточных работ [4, табл. 22, 62, 270].

Чеканка. Все операции выполняются металлическими чеканами различной конфигурации, ассортимент которых может быть очень большим. В чеканке выполнялись различные изделия, включающие линейно-графические, орнаментальные элементы, близкие к гравировке, барельефные и горельефные композиции. Диапазон возможности чеканки простирается от простейших операций, как

Рис. 1. Приемы холодной металлообработки

1. Металлопластика. Золото (Гермесов курган). 2. Выколотка с элементами прочеканки. Золото (ст-ца Костромская, Краснодарский край, VII в. до н. э.). 3. Чеканка. Золото, серебро (ст-ца Келермесская, VII в. до н. э.). 4. Басма на деревянной матрице. Золото (Чидикта-VI, VII в. до н. э.). 5. Басма на металлической матрице. Золото (Большая Цымбалка). 6. Тиснение. Золото (Солоха, IV в. до н. э.)

это имеет место на бронзовой кобанской булавке из коллекции Н. С. Семенова [28, таб. 141], до тончайшей моделировки фигур на чертомлыкской амфоре, на кубке из Куль-Обы, на серебряной чаше из Гаймановой Могилы и на многих других изделиях [4, табл. 162, 198, 232—233; 8, рис. 49—51]. Следы применения разнообразнейших чеканов можно

наблюдать на обкладках ножен меча и секиры из Келермеса [4, табл. 6—19], на кобанском оружии.

Басма. Способ нанесения изображения на фольге или тонком листовом металле с помощью матриц. По технике выполнения басменных работ можно выделить три разновидности.

1. Наиболее простым является способ деформации металла, наложенного на деревянную матрицу с последующей постепенной протиркой листа деревянными, костяными или металлическими стеками. На изделиях, выполненных таким способом, остаются следы от стеков в виде продольных полос. Получаемое изображение отличается от матрицы более мягкими контурами, причем разница увеличивается по мере увеличения толщины металла. При сравнении изделий, сделанных по одной матрице, могут выявиться отличия в характере оставленных следов, в четкости пропечатки отдельных участков, причиной чему является ручной способ протирки и износ матрицы.

2. Таким же образом можно получить оттиск с металлической матрицы. И здесь будут проявляться следы от стека, разница в рельефах матрицы и изделия и различия в пропечатке отдельных деталей, поскольку вся операция производится вручную. Именно такую картину можно наблюдать на илишевской, чертомлыкской, мелитопольской и елизаветинской обкладках горитов, оттиснутых как раз с одной металлической матрицы техникой басмы, а не штамповкой, как считала Н. А. Онайко, предпринимая, на наш взгляд, не очень удачную попытку установить по отдельным различиям в изображениях (причина которых, по ее мнению, заключалась в повреждении матрицы) последовательность изготовления обкладок [17, с. 78—86]. След на обороте, оставленный металлической матрицей, проявляется значительно четче, в сравнении с деревянной, рисунок жестче, а в нем всегда усматриваются особенности металлической пластики, которые невозможно имитировать в дереве. Классическим вариантом басмы являются изделия, выколотые или оттиснутые посредством свицовой прокладки, положенной сверху листа металла, который в свою очередь накладывается на металлическую матрицу. Выколачивание производится деревянным молотком. Эту же операцию можно произвести с помощью пресса. Свицовой подушкой позволяет получать более четкие отпечатки, повторяющие все особенности матрицы, хотя и в несколько мягком сравнительно с ней варианте. В данном случае никаких следов от инструментов на лицевой стороне проявляться уже не будет. Такие работы по качеству отпечатка вплотную приближаются к технике тиснения, и отличить их от последних зачастую невозможно. Басменная техника широко использовалась в ювелирной практике древних, но следует отметить, что и применении матриц и в качестве исполнения, как это будет показано ниже,

у некоторых народов наблюдаются существенные различия.

Тиснение. Способ получения изображения на листовом металле, коже или других видах пластичных материалов путем давления на них металлических пуансонов (форм). Эта техника по существу близка классической басме. Разница лишь в том, что здесь материал, подвергаемый деформации, подкладывается под пуансон, а не сверху, как в басме. Во избежание повреждений пуансона и листа металла, а также с целью повышения качества оттиска, под лист подкладывается пластичная прокладка — кожа или свицовой подушка. При небольших размерах рабочей поверхности пуансона удар по нему производится молотом. Древние бронзовые пуансоны и чашечки для свицовой подушки были найдены в Улипе [21, кат. № 252—253], на Каменском и Бельском городищах [25, с. 217—221, рис. 1]. Пуансоны, имеющие размеры рабочей поверхности от нескольких десятков см² и более, для создания необходимого для отпечатка давления требуют уже значительных усилий и применения прессов. Получаемое тиснением изображение имеет более четкий негативный рисунок на внутренней стороне изделия и менее четкий позитивный — на внешней. Он во многом зависит от качества пуансона. На оттиснутом изображении остается только один след от металлического пуансона, имеющий перпендикулярное плоскости направление. Сложность данного вида работ заключается не столько в акте оттиска, сколько в работах, ему предшествующих, т. е. при изготовлении самих пуансонов, их моделировании, отливке и чистовой доводке. Техника тиснения, особенно в лучшем своем качестве, без сомнения, характеризует высококоразвитое ювелирное производство, к которому следует отнести античные мастерские. Именно из них и выходили самые высококачественные тисненные изделия: золотая фиала из Солохи, фиала, браслеты, подвески с изображением головы Афины из Куль-Обы, подвески из Большой Близицы и множество других изделий греческой работы [4, табл. 158, 206, 207, 214—215, 236—238, 300 и др.].

Штамповка. Способ горячей и холодной обработки металлов (в данном случае речь идет о последнем варианте) методом давления с помощью пуансонов (сверху) и матриц (снизу), посредством которых изготавливаются идентичные по форме и изображению предметы. Металлический лист закладывается между пуансоном и матрицей. Удар или давление пресса производится на пуансон. Жесткий металлический след от примененных инструментов проявляется и на лицевой, и на

оборотной стороне изделия. Штамповкой в древности пользовались довольно редко. Этим способом изготавливались полусферические бляшки в специально предназначенных для этой цели инструментах-анках, состоящих из матрицы с полусферическими лунками и пуансонов [35, таб. 3], но главным образом эта техника применялась при штамповке монет. Монеты штамповались, а не чеканились. Общепринятый термин «чеканка монет» технически неверен и представляет всего лишь застывшее идиоматическое выражение.

Гравировка. Способ художественной обработки металлов, кости и дерева путем нанесения линейного рисунка или рельефа с помощью резцов — штихелей. Металл при этом особой деформации не испытывает — здесь снимается только стружка. До эпохи средневековья способ гравировки металла не получил широкого распространения. Им пользовались в основном при доработке изделий, выполненных в других видах техники. Штихелями наносился несложный орнамент, производилась чистовая доработка отливок. Исследователи зачастую ошибочно принимают линейную чеканку и металлопластику за гравировку. Среди наиболее удачных древних работ, выполненных с применением штихелей, можно указать не дошедшие до нас монетные штампы, предназначавшиеся для штамповки монет. Судить о них можно лишь по самим монетам.

Древние изделия нередко изготавливались с использованием в различных сочетаниях нескольких видов холодной обработки металлов. На Келермесской пантере, сделанной в технике выколотки, впоследствии были прочеканены детали пасти и свернувшиеся пантерки на лапах и хвосте. Разница в рисунке пантерок хорошо видна даже на фотографии [4, табл. 22, рис. 9]. На бляшках от одежды погребенного, найденных в кургане Иссык и сделанных в технике басмы с использованием деревянных матриц, металлопластикой был усилен контурный рисунок, о чем также свидетельствует разница в изображениях на одинаковых бляшках [1, табл. 13, 14]. На золотых обкладках горита и меча из Чертомлыка, сделанных в басме по металлопластичной матрице (о чем говорят четкость изображений и продольные полосы, оставленные инструментами), впоследствии слегка прочеканено оружие, некоторые кресла под сидящими фигурами, нанесен волосяной покров у некоторых животных, отмечены места сгибов на фалангах пальцев. Здесь же способом металлопластики проработаны волосы на человеческих головах, а также шерсть у отдельных животных [4, табл. 181—185]. На выколотой металличе-

ской посуде наносились чеканные изображения, иногда гравировался узор. Отливки часто прорабатывались чеканами и штихелями и т. д.

Как видим, арсенал древних приемов обработки цветных металлов был довольно обширен. В истории металлургии и ювелирной практике известно много выдающихся достижений, среди которых следует упомянуть древнюю микротехнику литья на античных золотых серьгах из Феоосии и Куль-Обы [табл. 326—328] и колоссальную сорокадвухтонную отливку бронзового колокола VII в. н. э., висящего на колокольне храма Тадайдзи в г. Нара (Япония) [15, с. 14]. Однако отсюда не следует, что пути развития металлообрабатывающего производства и уровень мастерства везде были одинаковыми. Многочисленные ошибки и неточности в определениях техники изготовления археологических предметов не позволяют составить объективную картину развития металлообработки с учетом локальных особенностей производства тех или иных народов. Однако различия в уровнях развития металлообработки в только хорошо прослеживаются: они зачастую весьма и весьма существенны.

Монументальное и прикладное искусство не может развиваться вне сферы производственной деятельности, которая в той или иной мере, но обязательно оказывает на средства выражения определенное влияние.

В свете изложенного рассмотрим ситуацию развития металлообрабатывающего производства на территориях, имеющих то или иное отношение к проблеме формирования скифо-сибирского звериного стиля. Между речью Тигра и Евфрата является одним из очагов древнейшей металлургии. Самые ранние изделия из металла здесь восходят уже к VII тысячелетию до н. э. Отсюда происходят такие шедевры ювелирно-прикладного искусства, как золотые предметы из царских гробниц древнего Ура — шлем Мескаламдуга, скульптурная голова быка, инкрустированная лазуритом, бронзовая маска аккадского царя предположительно Саргона I (XXIV в. до н. э.) [31, табл. 29, 31, 93], и многие другие изделия, являющиеся прекрасными образцами литейных и выколото-чеканных работ. Металлообработка периодов поздней бронзы и раннего железа XIV—VIII вв. до н. э. в Северном Иране представлена яркой группой луристанских бронз и предметами ювелирно-прикладного искусства, сделанными из благородных металлов. Традиции и приемы металлообработки луристанских мастеров имеют местную основу и уходят в глубь тысячелетий.

Луристанские художественные бронзы изготовлены в технике литья по утрачиваемой модели, о чем свидетельствует ряд характерных приемов, присущих этой технике. В моделировании луристанские литейщики пользовались методами лепки, что выражается в плавности, текучести, округлости форм, использовании в декоре жгутиков, косичек, плетения, которые, помимо воска, невозможно выполнить ни в каком ином моделировочном материале. Соединение различных деталей модели осуществлялось способом модельной пайки, что хорошо прослеживается в местах соединения частей модели. Помимо этого следует отметить и отсутствие на луристанских художественных бронзах литейных швов, что само по себе является бесспорным доказательством техники литья по утрачиваемым моделям [29, илл. 50, 53, 54, 56; 27; таб. 6: 120, 202]. Эта особенность свидетельствует об определенной организации литейного производства. При таком способе изготовления художественных изделий литейщики не могли тиражировать ни модели, ни отливки даже в случаях, когда требовалась серия одинаковых предметов, к примеру пара псалей. Литейщик вынужден был для каждой отливки [27, таб. 101, 130] делать особую «персональную» модель и форму.

Как сами модели в процессе их изготовления, так и готовые отливки зачастую богато декорировались чеканкой и гравировкой. Техника резьбы по камню, которой славятся дворцы и храмовые постройки стран Древнего Востока, наложила свой отпечаток и на торецтику. Содружество камнерезов и торецтов оказалось плодотворным. Это привело к созданию оригинального стиля, характеризующегося отточенностью линий и чеканной узорностью рисунка. В области холодной обработки металлов объемной чеканкой, барельефной выколоткой и гравировкой здесь не только широко пользовались, но и достигли высокой степени совершенства, о чем свидетельствуют золотые кубки из Амлаша, Марлика, Калардаша, Хасанлу и другие изделия Древнего Ирана [29, р. 34; 32, р. 57, таб. 31, 32; 16, с. 11, 12, 15, 43].

Чеканные работы древнегреческих мастеров, особенно в классический период их истории, чрезвычайно высоки по исполнению, хотя и здесь этот вид обработки металлов, как мне кажется, никогда не занимал ведущих позиций, уступая первые места литью, басме по металлической матрице и тиснению. У варварского же населения Евразии чеканка находилась на очень низком уровне, самостоятельной роли в металлообработке не играла и выступала лишь в качестве подспорья при дора-

ботке изделий, выполненных в других видах техники.

Картину техники обработки цветных металлов, близкую луристанской, можно наблюдать в кобанской и колхидской культурах Кавказа I-й половины I тысячелетия до н. э. Кобанские и колхидские бронзы являются прекрасными образцами литейной техники, чеканки, гравировки, выколотки. Здесь художественное литье представлено отливками, изготовленными по утрачиваемым моделям ручной работы. Моделирование так же, как и в Луристане, основано на принципах лепки (рис 2: 1) с широким использованием при декорировке жгутиков, косичек и плетения. Для бронзовых изделий Кавказа характерна пластичность форм, легкая гиперболизация и в то же время натуралистичность в способе изображения рогов у животных. Литейные швы на изделиях со скульптурными изображениями человека и животных отсутствуют, что тоже говорит об индивидуальном изготовлении моделей для каждой отливки. Швы отсутствуют также и на частях бронзовых удили. Все это свидетельствует о значительном удельном весе ручного труда при изготовлении утрачиваемых моделей, отсутствии приспособлений для тиражирования художественных отливок в литейном производстве.

В художественном литье Малой Азии, Луристана, Анатолии, Балкан и Кавказа мы видим зверей, изображенных в естественных позах, с ветвистыми рогами, свободно висящими над спиной, с торчащими в стороны ушами [12; 34; 26; 13, табл. 21, 22]. Различного назначения предметы, украшенные скульптурками животных, отливались, как уже говорилось, по утрачиваемым восковым моделям, изготовленным методами лепки. На этих территориях пластика лепки имеет глубокие корни, восходит к керамическому производству, имеющему богатую многотысячелетнюю историю. В том, что методика глиняной лепки перешла на лепку восковую, ничего нет удивительного. Здесь налицо технологическая преемственность между материалами, обладающими свойством высокой пластичности.

Совсем иначе обстоит дело на территории степного пояса Евразии. Здесь никогда не было высокоразвитой культуры керамики. И именно здесь мы встречаем иную иконографию образов животных, причем не один, а два параллельно существующих варианта. Техника изготовления, оказывающая давление на выбор средств выражения, отразилась при формировании особенностей скифо-сибирского звериного стиля, причем даже и там, где в этом не было острой необходимости, напри-

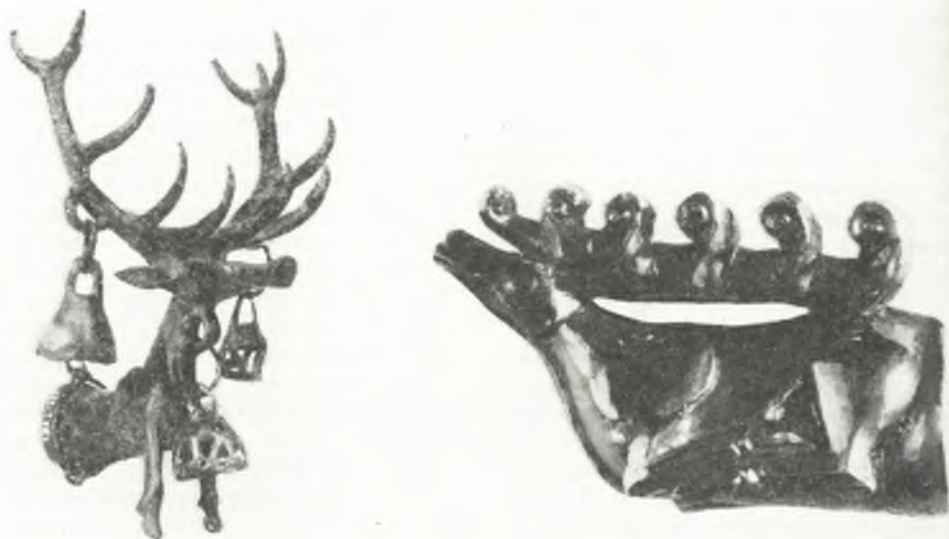

Рис. 2. Литые по утрачиваемым моделям, сделанным способом лепки и способом резьбы
1. Навершие. Золото (добавская культура, с. Камунга, Сев. Осетия, сер. I тысячелетия до н. э.). 2. Наконеч-
ник. Золото (ст-ца Келермесская, курган I, VII в. до н. э.)

мер, в литые, и этот факт весьма Примеча-
телен.

На всем протяжении развития скифо-си-
бирского звериного стиля встречаются разно-
образные позы изображенных животных и
фантастических персонажей. Здесь есть звери
стоящие, лежащие, бегущие, нападающие и
спасающиеся, с головами, запрокинутыми
кверху, опущенными вниз, повернутыми на-
зад и т. п. Однако в манере изображения
одних и тех же сюжетов четко прослежива-
ются различия (рис. 3).

В одних случаях животные тракуются
хотя и с определенной долей условности, но
без серьезных нарушений анатомии, в есте-
ственной для передаваемого движения экспрес-
сии. Видовая принадлежность животных, их
позы, как бы динамичны они ни были, легко
устанавливаются по характерным признакам.
У стоящих копытных животных ноги прямые,
головы приподняты, уши торчком, рога висят
над головой. Естественны позы лежащих,
привстающих на передние ноги, бегущих
зверей и т. д., как мы это видим из оленьих
камней Тувы и Монголии [11, с. 222—231; 10,
с. 76—82], на бронзовом ноже с изображением
стоящих оленей из раскопок С. А. Тепло-
ухова, на башадарской колоде со сценами нападения
тигров на копытных животных, на татуировке
погребенного во II Пазырыкском кургане, на
аппликациях из Пазырыка и Туэжты [3,

табл. 66, 138; 5, с. 81—86; 18; 19], на золотых
обкладках ножей мечей из Солохи и Куль-
Обы, на обкладке ножен из кургана № 16
у станции Елизаветинская, на пластине
с изображениями оленей из Келермеса и Жу-
ровки [4, табл. 145, 208, рис. 29; 7, табл. 7,
22] и многих других памятниках скифо-сибир-
ского искусства. Здесь манера исполнения
зидается на основах графического анима-
листического натурализма и находится вне за-
висимости от процесса производства. Это
объясняется тем, что на каменных стенах,
в гравировке по кости, при резьбе на дере-
вянной основе, в графике, в аппликациях с не-
пользованием мягких органических материа-
лов — кожи, войлока, в металлопластике,
в басменных работах, т. е. там, где изображе-
ния нанесены на основу (на каменные плиты,
металлические пластины или дерево), мастер
имеет возможность оставаться верным анима-
листическому натурализму. В таких случаях
механическая прочность изделия от манеры
изображения не зависит: эту функцию выпол-
няет основа.

Картина резко меняется при отсутствии
у изображений основы. Теперь условность
в иконографии аналогичных с рассмотрен-
ными позами животных откровенно выражена.
Головы, рога, отростки на рогах, хвосты, ко-
нечности смыкаются в единый, туго перепле-
тенный узел, образуя неразрывную компози-
ционно, конструктивную систему, хотя при
этом приходится идти на явные искажения

Рис. 3. Способы изображения животных в скифо-сибирском искусстве

1, 2, 4, 6, 8 — изображения на основе
3, 5, 7, 9 — изображения без основы
1 — 2-й Турецкий Камень; 2 — ст-ца Келермесская, VII в. до н. э., золото, басма на деревянной матрице;
3 — Мадый Телск (Минусинская котловина), бронза, литые; 4 — Алтай, VII в. до н. э., бронза, литые; 5 —
Уйгарак-IV, VII в. до н. э., бронза, литые; 6 — Пазырык-II, кожаная аппликация; 7 — ст-ца Елизаветинская,
бронза, литые; 8 — Башадарская колода, VI в. до н. э., резьба по дереву; 9 — с. Павловщина (Красноярский
край), V—IV вв. до н. э., бронза, литые

анатомии [4, табл. 50, 128, 130; 3, табл. 9, 19,
22, 24, 28, 39, 139—141, 149 и др.]

В случаях, когда по каким-либо причи-
нам получить прочную конструкцию сразу не
удается, мастера привлекают новые элементы
в виде рамок или оснований для ног, связы-
вающих конечности. Различного рода пред-
метов, сделанных таким образом, можно ука-
зать множество. Достаточно лишь вспомнить

изображения оленей с подогнутыми конечно-
стями, с закинутыми на спину стилизован-
ными рогами, имеющими отростки, спирально
согнутые и соединенные между собой. Образ,
ставший своего рода эмблемой скифского ис-
кусства, настолько искусственен, что иссле-
дователи до сих пор не могут прийти к едино-
душному мнению — изображал таким обра-
зом древний художник «галопирующего» или

«лежащего» зверя. В этой же связи можно упомянуть литые золотые ажурные бляхи из Сибирской коллекции Петра I, все композиции которых либо откровенно заключены в рамки, либо имеют рамки, замаскированные сложной сетью переплетенных внешних и внутренних элементов самого изображения [20].

В скифо-сибирском зверином стиле мы сталкиваемся с парадоксальным явлением. В одних случаях мастер не стесняет себя в свободе действий и изображает животных в их естественных позах. В тех же сюжетах, но в других случаях, причем в литье, т. е. там, где, казалось бы, литейщик имеет все возможности развернуть композиции аналогично кавказским и переднеазиатским, он их сворачивает в тугую узел, создавая цельные в конструктивном отношении вещи. Такая разница не может быть объяснена манерой исполнения, стилистикой или стремлением любой ценой избежать выступов на отливках с целью повышения их прочности. Отливки и так достаточно прочны. Различия тут кардинальные, касающиеся принципов самого производства.

Появление такого своего рода «конструктивизма» можно объяснить следующим образом. В резьбе по кости и дереву резчик исходит из формы заготовки. Он должен также учитывать хрупкость материала, низкий уровень его возможностей поддаваться деформациям. При холодной обработке металлов мастер работает на листовом металле, возможности которого также не безграничны. Из листового металла нельзя изготовить вещь, аналогичную изготовленной способом лепки. Литейщик же практически не ограничен в выборе средств выражения. Он может взять за основу любой из видов обработки материалов и пользоваться им при изготовлении утрачиваемых моделей и литейных форм. Здесь могут найти применение и лепка, и резьба, и тиснение, и гравировка, и плетение, и токарное дело, и многое другое. Но от всего этого скифский мастер отказывается.

Если внимательно рассмотреть вещи скифо-сибирского звериного стиля, в которых проявляется «конструктивизм», со стороны техники их изготовления, то причина возникновения этого явления становится понятной. Конструктивизм наблюдается в резьбе по дереву и кости, басменных работах и в художественном литье там, где за изображениями не стоит основа. Теперь уже сама конструкция вещи должна была обеспечить прочность в эксплуатации, а это немаловажный фактор, если вспомнить, что предметы скифо-сибирского звериного стиля несли не только маги-

ческую нагрузку, но имели еще и функциональное назначение — были украшениями одежды, оружия, конской упряжи. Это обстоятельство мастер обязан был учитывать при изготовлении своей продукции.

Изделия из кости и рога встречаются в скифских памятниках VIII—VII вв. до н. э. на раннем этапе развития искусства — не так уж редко. Среди ранних находок можно упомянуть головку лошади из Аржана, прошивки из Келермесских курганов и Кармир-Блур свирнувшую пантеру из Темир-Горы, псалмы из Журовки [4, рис. 16, 26; 9, рис. 15; 14, с. 35, 67]. По этим находкам можно говорить о скифо-сибирском зверином стиле как о явлении уже сформировавшемся — и в области стилистики, и в конструктивном плане. Оптимальные конструктивные решения здесь уже найдены.

Такие же конструктивные решения мы видим и на ранних литых изделиях из Аржана, в некоторых венцах из Келермеса (рис. 2: 2), в минусинских бронзах [4, табл. 50; 3, табл. 131; 9, рис. 15, 25 и др.]. Эти отливки, независимо от того, сделаны они по утрачиваемым моделям или нет, имеют признаки, характеризующие резьбу по дереву и кости. Здесь литейщик не лепит модели подобно мастерам Передней Азии и Кавказа, а режет их из куска воска или из восковой пластины, что хорошо прослеживается в рубленности форм, в резкости очертаний плоскостей и рельефа, жесткости конструкции. При подготовке отдельных частей модели еще не используются дополнительными конструктивными элементами, как это можно видеть на венцах более позднего времени [3, табл. 141, 174]. Техника резьбы прослеживается и на Костромском олене. Хотя эта бляха сделана способом выколотки с незначительной последующей прочеканкой отдельных деталей, но факт имитации техники резьбы по дереву в данном случае очевиден [4, табл. 62]. Использование методов резьбы на стадии изготовления плавких моделей хорошо прослеживается на скифских отливках на всем протяжении развития их искусства [4, табл. 50, 73, 74, 76, 77, 81—83, 114, 190; 3, табл. 39, 130].

При анализе скифской техники резьбы по кости и дереву нельзя оставлять без внимания интереснейшую и весьма многочисленную группу предметов. Речь идет о деревянных матрицах, с помощью которых выполнялись басменные работы. Тонкие скифские бляхи и обкладки с рельефными изображениями обычно интерпретируются как тисненые или штампованные. Но отпечатки деревянных матриц, прослеживающиеся на обороте данной группы вещей, свидетельствуют о том, что

основная часть скифских обкладок и бляшек изготовлена в технике басмы, способом протирки инструментами листового металла по деревянной матрице.

Примерами скифских басменных работ могут служить обкладки ножен из Солохи, Куль-Обы, Елизаветинского кургана № 16, конские налобники и нащечники из Солохи, один из комплектов, состоящий из налобника и нащечников, из Большой Цимбалки (другой налобник с изображением фигуры в фас с калафом на голове античной работы, сделан в технике басмы по металлической матрице [4, табл. 186]), бляшки от одежды и протомы коней из кургана Иссык, бляшки из Бараскуна, Уйгарака, свирнувшиеся пантеры из Майзмира, бляшки оленей из Чиликты, деревянные детали упряжи из Пазырыка, обложенные золотом, и множество других вещей [1, табл. 4, 5, 9, 13, 14, 25; 4, табл. 70, 71, 145, 146, 187, 194, 208, 322—325, 329; 3, табл. 19—22, 30, 37—39, 64, 65; 18]. В некоторых случаях сохранились деревянные резные матрицы, оставленные внутри обкладок, например, в налобнике из Солохи, в одном из нащечников из Большой Цимбалки, на протоме коней из кургана Иссык, на деталях упряжи из Пазырыка. Деревянные матрицы могли быть использованы как при изготовлении серий предметов, так и для оригинальных экземпляров. Индивидуальные особенности золотых бляшек оленей из Чиликты свидетельствуют о том, что здесь для каждой бляшки изготавливалась специальная деревянная матрица.

Этим скифская басменная техника резко отличается от античной. Античные мастера работали по литым металлическим матрицам типа найденной в Гырчиново (Болгария) [23, рис. 172], широко пользовались тиснением с использованием литых бронзовых пуансонов. Применение бронзовых инструментов благоприятно сказывалось на чистоте и четкости изображений, облегчало тиражирование одинаковых изделий, но значительно усложняло подготовительный этап работы, связанный с моделированием, выплавкой и чистовой обработкой высококачественных матриц и пуансонов. Металлообработка в античных мастерских, естественно, требовала иной организации труда, профессионализма и находилась на неизмеримо более высоком уровне в сравнении со скифской.

Как мы видим, резьба по дереву и кости широко представлена в скифских древностях. Более того, именно она оказывала влияние на металлообработку, а не наоборот. Деревянные же изделия должны были резаться достаточно прочными, способными выдерживать значи-

тельные нагрузки как в процессе выполнения басменных работ, так и при дальнейшей эксплуатации изделий, поскольку матрицы, как правило, оставались внутри обкладок. В лице скифских мастеров по обработке металлов встречается довольно редкое сочетание резчика, литейщика и ювелира одновременно. Они были специалистами широкого профиля, что нашло отражение в особенностях их искусства.

Итак, мы можем заключить, что техника резьбы по дереву и кости оказала значительное влияние на формирование особенностей скифской художественной металлообработки уже в VIII—VII вв. до н. э., а скорее всего и несколько ранее. До этого времени художественная металлообработка у населения степей Евразии вряд ли могла иметь широкое распространение, иначе это бы нашло отражение в технике литейного производства. Косторезное ремесло и резьба по дереву, судя по археологическим данным, перешли на металл вместе со своей конструктивностью и уже с канонизированным звериным стилем. Об относительно позднем развитии художественной металлообработки у скифов свидетельствует также довольно бедный ассортимент приемов, которыми они пользуются. Практически отсутствует чеканка, выколотка, гравировка, в незначительном масштабе и в простейшей форме применяется тиснение посредством пуансонов. Исключительно низкий уровень паячных работ. Все это говорит о своеобразии техники обработки цветных металлов у скифо-сибирских племен, населявших евразийский пояс степей. Металлообработка здесь развивалась, по крайней мере на раннем этапе, на собственной, самобытной основе, не зависящей (во всяком случае, с технической стороны дела) от каких-либо внешних культурных влияний.

1. Акишев К. А. Курганы Иссык — Issyk mound. Искусство саков Казахстана. М., 1978.
2. Артамонов М. И. Искусство скифов. — В кн.: Триста веков искусства. М., 1976.
3. Артамонов М. И. Сокровища саков Амударьи. клад. Алт. курганы. Минусин. бронзы. Сиб. золото. М., 1973 (Памятники древ. искусства).
4. Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Гос. Эрмитажа. Прага—Ленинград, 1966.
5. Баркова Л. Л. Резные изображения животных на саркофаге из 2-го Башадарского кургана. — АСГЭ, 1984, [вып.] 25.
6. Бреполь Э. Теория и практика ювелирного дела. Пер. с нем. 4-е изд. Л., 1982.
7. Галанина Л. К. Раннескифские уздечные наборы. — АСГЭ, 1983, [вып.] 24.
8. Ганина О. Д. Киевский музей исторических драгоценностей. [Альб.] Киев, 1974.
9. Грязнов М. П. Аржан: царский курган раннескиф. времени. Л., 1980.

10. Грязнов М. П. О монументальном искусстве на заре скифо-сибирских культур в степной Азии.— АСГЭ, 1984, [вып.] 25.
11. Грязнов М. П. Саяно-алтайский олень.— ПА, 1978, [вып.] 2.
12. Доманский Я. В. Древняя художественная бронза Кавказа и собрания Гос. Эрмитажа, М., 1984.
13. Древнее искусство. Памятники палеолита, неолита, бронзового и железного веков на тер. Сов. Союза. Альб. Л., 1974.
14. Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев, 1983.
15. Иофан Н. А. Культура древней Японии, М., 1974.
16. Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана, М., 1977.
17. Онайко И. А. Заметки о технике боепорской торевтики.— СА, 1974, № 3.
18. Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.: Л., 1953.
19. Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.: Л., 1963.
20. Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I. М.: Л., 1962 (СЛН, [вып.] ДЗ-9).
21. Сокровища курганов Адыгеи. [Материалы Кавк. археол. экспедиции ГМИИВ 1981—1983 гг.] Кат. выставки. М., 1985.
22. Флеров А. В. Материаловедение технологии художественной обработки металлов. М., 1981.
23. Фракийское искусство и культуры болгарских земель. Кат. выставки. Пер. с б. М., 1974.
24. Членова Н. Л. Происхождение и развития история племен тагарской культуры. 1967.
25. Шрамко Б. А. Об изготовлении жемчужных украшений ремесленниками Скифии.— СА, 1970, № 2.
26. Akurgal E. The art of the Hittites. London, 1962.
27. Amiet P. Les antiquités du Lézard. Paris, 1976.
28. Avant les Scythes. Paris, 1970.
29. ВММА, 1984.
30. Borovka G. Scythian art. London, 1984.
31. Brentjes S. Von Schanidar bis Akkade. Leipzig; Jena; Berlin (DDR), 1968.
32. Godard P. A. L'art de l'Iran. Paris, 1962.
33. Herzfeld E. Iran and the Ancient East. London; New York, 1941.
34. Müller-Karpe H. Handbuch der Vorgeschichte. München, 1974. Bd 3: Kupferzeit.
35. Sarianidi V. Bactrian gold. Leningrad, 1955.

Е. Ф. ЧЕЖИНА

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ «САВРОМАТСКОГО» ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ

В последние годы заметно возрос интерес к скифо-сакскому искусству в целом и сделаны значительные шаги на пути к решению некоторых проблем звериного стиля, его содержания, происхождения и развития. Работы Д. С. Раевского, Е. В. Переводчиковой, Е. Е. Кузьминой, Д. А. Мачинского, А. И. Шкурко, А. К. Акишева, Я. А. Шера и других исследователей построены на разных методических принципах и открывают большие возможности в изучении звериного стиля и его интерпретации [18; 17; 15; 9; 8; 16; 26; 27; 1; 29]. Но все эти исследования опирались на лучше изученные материалы скифских памятников Северного Причерноморья и сакских — Казахстана и Сибири.

Савроматская культура долгое время рассматривалась не отдельно — как самостоятельное явление, а лишь как часть общескифской. Это объясняется тем, что савроматских памятников было известно слишком мало, чтобы выявить их специфические черты и выделить в особую группу, тем более, что население Нижнего Поволжья и Южного Приуралья составляло единую культурно-историческую общность со всем скифо-сакским миром. Общее понятие «древности скифской культуры» включало в себя разнородный материал памятников Евразии от Средней Европы до Маньчжурии. Все внимание археологической науки в XIX в. было обращено на исследование античных памятников Северного Причерноморья и скифских древностей степных районов Юга России. Нижнее Поволжье и Южное Приуралье были белым пятном на археологической карте того времени.

Только в последней четверти XIX в. начинается активное изучение археологических памятников Приуралья и Поволжья. Незна-

чительное количество предметов звериного стиля савроматской культуры на фоне многочисленных и разнообразных по материалу и богатству сюжетов находок причерноморского скифского звериного стиля давало повод рассматривать поволжские и приуральские образцы в рамках скифо-сибирского искусства в целом. Дальнейшее развитие скифологии, археологические раскопки на широкой территории и накопление материалов из различных районов распространения звериного стиля позволили выделить стилистические особенности отдельных локальных вариантов этого стиля и попытаться прямо связать их с определенным этносом.

В конце XIX — начале XX в. ведутся систематические археологические исследования памятников Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Раскопки Ф. Д. Нефедова, Н. С. Назарова, А. А. Спицына, С. И. Руденко и других археологов [22, с. 7—10], деятельность Саратовской и Оренбургской архивных комиссий способствовали накоплению материала и созданию базы для изучения культуры степного Поволжья и Приуралья скифского времени. Это дало возможность М. И. Ростовцеву научно обобщить и датировать материал, выделить своеобразный вариант скифской культуры и, в частности, звериного стиля VI—IV вв. до н. э. М. И. Ростовцев указал на отличия оренбургских памятников от причерноморских, отметил разницу в погребальном обряде, оружии и зверином стиле [20, с. 613, 614]. Выделив особенности звериного стиля оренбургской группы и подчеркнув их определенное своеобразие, он считал, что «стиль этот здесь представлен слабо, гораздо слабее, чем в степях Юга России, развивается менее пышно и

менее сложно, чем там» [19, с. 80]. Он также указал на родство зооморфных изображений поволжско-уральских памятников с сибирским звериным стилем [19, с. 66]. Так были заложены основы для изучения савроматского искусства.

Г. И. Боровка, четко определивший основные черты скифского звериного стиля и рассмотревший широкий круг зооморфных изображений скифской эпохи, в описании художественных изделий из Оренбуржья отметил характерные приемы в изображении хищников этого региона [31, р. 48].

Однако все высказывания исследователей на начальном этапе изучения зооморфных изображений поволжско-уральского региона эпохи раннего железа носили характер отдельных замечаний и наблюдений, а сами эти художественные изделия не стали предметом специального изучения.

Раскопки советских археологов [22, с. 11—23] дали новый материал для изучения культуры древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья, послуживший основой для многочисленных работ, ни одна из которых, к сожалению, не была посвящена непосредственно звериному стилю. Лишь в связи с публикацией отдельных памятников исследователи касались предметов искусства.

П. Д. Рау, занимавшийся изучением памятников Нижнего Поволжья, впервые связал поволжские погребения с савроматами. Исследователь подчеркнул своеобразие предметов искусства савроматов и определил местный звериный стиль как вариант скифо-сибирского. Автор оспаривал мнение М. И. Ростовцева о якобы менее сложном и менее пышном развитии этого стиля в поволжско-уральском регионе, считая, что М. И. Ростовцев недооценил оренбургские находки [33, S. 41]. Он также указал на более широкое, чем в Скифии, использование геометрических мотивов в зооморфных изображениях Нижнего Поволжья и выделил предметы искусства этой территории в самостоятельную группу, именно ее определенно связав с савроматами Геродота [33, S. 60].

Важным этапом в развитии изучения культуры савроматов стала публикация Б. Н. Граковым материалов раскопок (1925 г.) богатого погребения в Блюменфельде. Он специально исследовал предметы искусства, обратив особенное внимание на категорию вещей, характерную для савроматских памятников Поволжья и представленную серией орнаментированных каменных кляков. Б. Н. Граков отметил композиционные особенности оформления кляков,

сложность и определенную вычурность композиции, боясь оставить незаполненное пространство, что достигается введением тех или иных дополнительных мотивов [32, р. 36]. Последнее, как представляется, следует объяснять не только чисто формальными приемами, но прежде всего сложной семантикой таких зооморфно-геометрических композиций. Совершенно справедливо мнение автора, что сама вещь ассоциировалась с телом животного, части которого не проработаны, но подразумеваются и иногда отмечены или представлены в виде рудиментарных изображений (например, рудимент передней лапы, превратившейся в орнамент нижней челюсти) [32, р. 41]. Б. Н. Граков подчеркивал легкость и мастерство исполнения, высокий уровень стилизации и уточненность оформления, характеризующие художественные изделия из Блюменфельда [32, р. 42].

Спорным представляется утверждение о деградации, некоторой сухости стиля и монотонности в деталях изображений [32, р. 42]. Несмотря на выявленную самобытность стиля, несомненно наличие определенного сходства с сибирскими зооморфными изображениями не только в передаче отдельных деталей, но и в выборе мотивов, связанных с местной фауной [32, р. 59]. Совершенно справедливо Б. Н. Граков указал на существенные различия между изделиями звериного стиля из района Орск-Покровка, что свидетельствует о неоднородности художественных памятников Южного Приуралья и возможности их дифференциации. Вполне правомерно и сопоставление зооморфных изображений Подонья с савроматскими изделиями, основанное на сходстве последних прежде всего с мастюжскими находками и выявлении некоторых общих особенностей. Позднее Б. Н. Граков проанализировал материал VI—IV вв. до н. э. из Нижнего Поволжья и Оренбургской области и пришел к заключению, что для блюменфельдской (савроматской) культуры характерен звериный стиль сакрально-магического значения, широкое применение кости [3, с. 104]. Если в ранних своих работах он высказывал точку зрения о принадлежности погребений Поволжья скифам, то теперь он пришел к выводу о скифском характере савроматской культуры в целом и отнес к савроматам и поволжскую группу памятников, и приуральскую.

До 1960-х гг. существовали лишь отдельные высказывания и соображения исследователей по поводу звериного стиля. Единственной фундаментальной работой, по-

священной изучению савроматской культуры, где было отведено особое место исследованию искусства и вопросу его происхождения, стала монография К. Ф. Смирнова [22]. Эта работа оказалась первым сводом археологического материала — в том числе предметов искусства — племен, населявших огромную территорию от Дона до Тобола, включая Нижнее и Среднее Поволжье и Приуралье (вплоть до Челябинска) степной, лесостепной и даже лесной полосы.

К. Ф. Смирнов дал подробное описание всех вещей, рассмотрев их по сюжетным группам на широком фоне аналогий с других территорий. Впервые была серьезно поставлена проблема савроматского искусства, происхождения и формирования «савроматского» звериного стиля. Исследователь пришел к выводу, что звериный стиль савроматов Нижнего Поволжья отличается от искусства племен Нижнего Приуралья уже в VI в. до н. э., а в V в. эти различия еще более увеличиваются [22, с. 243]. Однако К. Ф. Смирнов считал племена Нижнего Поволжья и Южного Приуралья носителями единой савроматской культуры и выделял их лишь в локальные варианты. Савроматское искусство он рассматривал как поволжско-уральский вариант скифо-сибирского звериного стиля, но стилистический анализ вещей с зооморфными изображениями в его работе практически отсутствовал. Это, а также привлечение материала со слишком обширной территории привело автора к некоторой нечеткости выводов о принадлежности определенных групп и отдельных вещей к той или иной культуре.

В своей последней статье [21], посвященной савромато-сарматскому звериному стилю, К. Ф. Смирнов остался на прежних позициях, относя искусство племен и Нижнего Поволжья, и Южного Приуралья к культуре савроматов. Отметив существование двух групп родственных племен, он все же считал, что единый поволжско-уральский вариант скифо-сибирского звериного стиля сложился не позднее VI в. до н. э.

Он высказал и вполне обоснованное мнение об отсутствии корней звериного стиля у предшественников носителей савроматской культуры — племен позднесрубной и позднеандроновской культур [21, с. 74]. Он признавал также общность зооморфных образов, мотивов и некоторых приемов стилизации звериного стиля поволжско-уральского региона и искусства Скифии, Кавказа, Южной Сибири и Средней Азии [22, с. 243; 21, с. 74].

Небезынтересно и вполне оправданно стремление увидеть в некоторых мотивах и

особенностях трактовки связь поволжских зооморфных изображений с изделиями Северного Кавказа и Скифии, а также Средним Доном [22, с. 80]. Эти наблюдения К. Ф. Смирнова чрезвычайно важны и заслуживают более подробной разработки. Исследователь считал, что «значительная часть поволжских изделий, выполненных в зверином стиле, носит следы большого влияния звериного стиля Причерноморья и Северного Кавказа» [22, с. 243]. Одновременно он высказал мысль об определенном влиянии савроматов на искусство Кавказа и особенно Среднего Дона, наметив черты сходства художественных изделий савроматов и племен Подонья в выборе сюжетов и особенностях трактовки ряда зооморфных образов [22, с. 243]. Осталось, правда, не совсем ясным, в чем именно видит он это обоюдное влияние и родство. Тема требует дальнейшей конкретизации.

Звериный стиль самаро-уральской группы, по К. Ф. Смирнову, имеет много общего с поволжским, но отличается своеобразием в сюжетах и некоторых приемах стилизации. Исследователь указал и на некоторые особенности, связывающие эту группу с предметами искусства Казахстана, Средней Азии, Минусинской котловины и Алтая [22, с. 243].

Вполне правомерным представляется и утверждение о том, что промежуточное положение поволжско-уральских степей определяло тесные связи и зависимость савроматского звериного стиля «с одной стороны, от зооморфного искусства Скифии и Прикубанья, с другой стороны — от аналогичного стиля Казахстана и Южной Сибири» [21, с. 74]. По мнению К. Ф. Смирнова, не вызывающему возражений, результатом влияния звериного стиля соседних областей было не механическое заимствование, а творческая переработка образов и элементов и органическое слияние их с местной основой, сказавшееся на формировании и развитии самобытного искусства Нижнего Поволжья и Южного Приуралья [22, с. 242].

Классифицировав по сюжетам зооморфные изображения, он показал количественное соотношение различных мотивов и преобладание некоторых образов животных над другими. Несомненной заслугой является и характеристика особенностей стиля (экспрессия, декоративность, часто полиморфизм изображений) и иконографии отдельных мотивов. Бесспорно выделение автором резьбы по кости как характерного вида художественного творчества местных мастеров [21, с. 78]. Резные кляки-подвески в основном и определяют своеобразие поволжского локального варианта. К. Ф. Смирнов перечислил как основные

черты волжско-уральского варианта звериного стиля: выделение и подчеркивание в изображениях животных тех органов, которые символизируют зоркость и слух, силу и быстроту (глаз, ухо, рог, зубастая пасть, клюв, когтистые лапы), — а также введением в основные изображения дополнительных зооморфных мотивов (в виде целых фигур и отдельных частей зверей). Исследователь справедливо считал, что эти черты характерны для скифо-сибирского стиля вообще и подтверждают лишней раз общие корни происхождения зооморфной стилизации на огромных просторах Евразии в среде с близким мировоззрением [21, с. 75].

Он отметил также, что в поволжско-уральском искусстве нет антропоморфных изображений в сценах борьбы. Это обстоятельство объяснялось отражением, вероятно, древнего пласта мифологии, близкой авестийской, в котором персонажами «являются животные, а сюжетом — борьба зверей или сцены терзания» [22, с. 245]. Он также считал, что композиции со сценами борьбы животных связаны с генеалогическими мифами и корнями уходят в тотемистические представления родового общества [22, с. 246]. Хотя К. Ф. Смирнов и посвятил небольшой пассаж в своей книге содержательной стороне зооморфного искусства, считая стиль тесно связанным с мировоззрением номадов, их идеологией и эпосом, серьезного внимания семантике изображений он не уделит, ограничившись замечаниями общего характера о сакрально-магическом смысле савроматского и скифо-сибирского звериного стиля и о том, что зооморфные образы, безусловно, навеяны пережитками тотемистических представлений [21, с. 75]. Он также подчеркивал, что «савроматский звериный стиль, как и весь звериный стиль Евразии в целом, является прежде всего стилем декоративным» [22, с. 244].

После монографии К. Ф. Смирнова непосредственно анализу савромато-сарматского искусства была посвящена кандидатская диссертация Л. Я. Маловицкой [13]. Задачей своей работы Л. Я. Маловицкая поставила по существу первую попытку обобщения всего имеющегося материала по савроматскому и сарматскому звериному стилю, который до сих пор «остаётся почти белым пятном в советской искусствоведческой науке» [12, с. 7]. Охарактеризовав основные этапы в развитии сарматского искусства, Л. Я. Маловицкая выделяла его из скифо-сибирского стиля в целом и проследила общие закономерности в развитии этого искусства в период военной демократии и сложения классового общества в среде кочевнических племен.

Искусство савроматов рассматривалось автором как ранний этап сарматского искусства. Она отметила, что древнее поволжско-уральское население черпало зооморфные образы из окружающей фауны, а частично имствовало у соседних племен. Южное Приуралье и Нижнее Поволжье рассматривались как два центра формирования сарматской культуры, населенные родственными племенами.

По сравнению с работами К. Ф. Смирнова автор уделяет больше внимания стилистическому аспекту, тем самым предпринимая первую попытку рассмотреть предметы «савроматского» звериного стиля с искусствоведческой точки зрения. Как представляется Л. Я. Маловицкая излишне подчеркивает реалистические тенденции [12, с. 7] в «савроматских» художественных изделиях, так как несмотря на узнаваемость определенных черт и признаков животных, переданных древними мастерами, вряд ли термин «реализм» уместен в применении к искусству звериного стиля, если под реализмом подразумевается не только возможность узнавания отдельных деталей натуры, но и необходимость представить наиболее полную картину и глубокое понимание реальной действительности, отраженное в художественных образах [2, с. 526]. Сдержанность искусства звериного стиля недовольно специально не занималась, ограничиваясь небольшим пассажем, в котором высказалась за магическую природу искусства савроматов, отражение в нем познания окружающей фауны и закрепления общественного опыта [12, с. 7], что представляется несколько упрощенным пониманием зооморфного искусства.

Л. Я. Маловицкая отмечает, что в искусстве звериного стиля савроматского времени «несмотря на кажущееся однообразие, можно довольно четко выделить два отличных друг от друга района: Южный Урал и Нижнее Поволжье» [12, с. 7]. Для Южного Приуралья в частности, более характерны бронза, камень, в меньшей степени, кость, тогда как для Нижнего Поволжья кость — излюбленный материал [12, с. 8]. Правда, в Южном Приуралье предметы искусства в значительной мере тоже представлены изделиями из кости, но, как считает Л. Я. Маловицкая, они появляются только в V—IV вв. до н. э. — позже, чем в Нижнем Поволжье. Что касается бронзовых предметов, то они дают более полную картину развития искусства именно Южного Приуралья [12, с. 9]. Появление полиморфных образов Л. Я. Маловицкая связывает с процессом слияния черт реально существующих животных и фантастического образа грифона

не объясняя сущности этого явления и значения таких синкретических образов [12, с. 9].

Вслед за К. Ф. Смирновым Л. Я. Маловицкая считает, что, «несмотря на некоторую разницу в тематике и в материале Южного Приуралья и Нижнего Поволжья, в стилистическом отношении савроматское время представляет собой единый вариант звериного стиля скифского времени» [13, с. 87].

В последние десятилетия были сделаны чрезвычайно интересные археологические открытия, представившие новый материал для изучения звериного стиля Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Но работы, касающиеся предметов искусства, носят чисто публикационный характер, например, статья Е. К. Максимова [11], в которой опубликованы прекрасные образцы зооморфных изображений конца VI — начала V в. до н. э., пополнявшие серию орнаментированных каменных клячков, наиболее ярко характеризующих савроматский звериный стиль. Кроме описания вещей и приведенных аналогий, в этой работе еще раз подтверждаются выводы К. Ф. Смирнова о взаимосвязях и взаимовлияниях населения Нижнего Поволжья и Северного Кавказа в скифское время [11, с. 217] и подчеркивается отсутствие сцен борьбы животных. Автором прослеживается воздействие внешних влияний, идущих из различных районов — Приуралья, Кавказа и отчасти греческих центров Северного Причерноморья [11, с. 218].

Большое значение для дальнейшего изучения скифских культур Нижнего Поволжья и Южного Приуралья имеют материалы савроматского времени из раскопок на левом берегу р. Илек, опубликованные М. К. Калдырбаевым и Ж. К. Курманкуловым [6; 7]. Но и эти исследователи не касались собственно проблем савроматского искусства, предоставив лишь описания художественных изделий и дав общую интерпретацию намятников, материалам которых, по мнению авторов, ближе всего аналогичные изделия из Уйгарака и других сакских могильников [7, с. 155; 6, с. 92, 93]. Публикацию специфической группы савроматских погребений на Нижнем Дону представляет собой и книга В. Е. Максименко [10].

Нельзя не заметить, что в последнее время исследования сосредоточились в основном на изучении отдельных намятников, а не проблемы в целом. Если П. Д. Рау, Б. Н. Граков и К. Ф. Смирнов рассматривали материал в свете поднятой ими кардинальной проблемы, то после выхода монографии К. Ф. Смирнова в работах всех последующих исследователей, опирающихся на его выводы, не только

нет попыток нового решения вопроса, но, по существу, не затрагивается и сама проблема.

В отличие от скифского звериного стиля, широкая проблематика которого получила должное освещение и разработку в исследованиях последнего времени на качественно ином уровне, искусство Нижнего Поволжья и Южного Приуралья до сих пор практически остается за пределами внимания археологов и искусствоведов. Исследование в дальнейшем может идти по пути изучения иконографии отдельных мотивов, намеченному скифологами [4; 25; 28; 30]. Такой путь изучения отдельных сюжетов, имеющих параллели в различных областях распространения звериного стиля, представляется перспективным, хотя и не единственно возможным [23].

Подводя итог всему сделанному по проблеме «савроматского» звериного стиля, нужно отметить, что все исследователи пришли к мнению о характерности для него образов волка и медведя, связанных с местной фауной. Немаловажно подчеркнуть также и общее единодушие в выделении двух групп художественных изделий, безусловно имеющих определенное сходство, но обладающих и существенными различиями, свойственными каждому району в отдельности. Большинство авторов тем не менее склонны видеть в населении этих двух регионов носителей одной культуры. Думается, что это положение не имеет под собой достаточно твердых оснований, так как сходство может объясняться прежде всего семантическим единством зооморфных изображений, общим для всех скифских культур.

Анализ предметов звериного стиля Нижнего Поволжья и Южного Приуралья действительно позволяет выделить две группы, отличающиеся в сюжетно-стилистическом отношении. Намечается и разное направление культурных связей обоих районов. Нижне-волжская группа определенно тяготеет к художественной культуре Скифии и Северного Кавказа, в то время как уральские памятники находят себе ближайшие аналогии в сибирских и среднеазиатских древностях. Представляется, что, несмотря на известную близость зооморфных изображений этих групп, выявленные различия настолько существенны, что позволяют поставить вопрос о возможной разноэтничности их создателей. Их этническая принадлежность не может считаться окончательно решенной [24] и остается дискуссионной, тем более, что античные письменные источники не дают оснований для прямого отождествления населения этих регионов с савроматами [14].

Таким образом, охарактеризовав состоя-

ние проблемы «савроматского» звериного стиля и подытожив все имеющиеся точки зрения, следует подчеркнуть ее сохраняющуюся дискуссионность и актуальность. Имеющиеся в нашем распоряжении данные уже сейчас позволяют высказаться против тезиса о единстве художественной культуры Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, но необходимо представить полный стилистический анализ всех художественных изделий, попытки которого уже были предприняты [13; 24]. Правомерным представляется и предположение о возможности выделения в будущем не одной, а нескольких стилистических групп среди предметов искусства Южного Приуралья.

Первостепенное значение приобретают вопросы содержательной стороны художественных изделий Поволжья и Приуралья. Исследование семантики изображений (прежде всего — волчьих хищников, представляющих собой специфику бестиария этой территории) становится тем более важным, что в этом направлении до сих пор сделано еще чрезвычайно мало. Плодотворной может оказаться и попытка наметить связи Нижнего Поволжья с Кавказом и Подоньем, с одной стороны [24, с. 19, 21, 22], и приуральской группы — с Казахстаном и некоторыми районами Средней Азии и Сибири, с другой.

1. Акишев А. К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984.
2. БСЭ, 3-е изд. М., 1978, т. 21.
3. Граков Б. Н. Пережитки матриархата у сарматов. — ВДИ, 1947, № 3.
4. Ильинская В. А. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве. — СА, 1971, № 2.
5. Ильинская В. А. Современное состояние проблемы скифского звериного стиля. — В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. Сб. докл. 3-й конф. по скифо-сиб. археологии. М., 1976.
6. Кадырбаев М. К. Курганные некрополи верховьев р. Илек. — В кн.: Древности Евразии в скифо-сарматское время. [Сб. ст.] М., 1984.
7. Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К. Захоронение воинов савроматского времени на левобережье р. Илек. — В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. [Сб. ст.] Алма-Ата, 1976.
8. Кузьмина Е. Е. О «прочтении текста» образительных памятников искусства евразийских степей скифского времени. — ВДИ, 1983, № 1.
9. Кузьмина Е. Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев. — В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль. М., 1976.
10. Максименко В. Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983.
11. Максимов Е. К. Новые находки савроматского звериного стиля в Поволжье. — В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль. М., 1976.

12. Маловицкая Л. Я. Сарматский звериный стиль. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Л., 1967.
13. Маловицкая Л. Я. Сарматский звериный стиль. Дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук (рукоп.), 1967, ЛГУ.
14. Мачинский Д. А. О времени первого активного выступления сарматов в Поволжье по свидетельствам античных письменных источников. — АСГЭ, 1971, [вып.] 13.
15. Мачинский Д. А. Пектораль из Тростой Могилы и великие женские божества Скифии. — В кн.: Культура Востока. Древность и раннее средневековье. [Сб. ст.] М., 1978.
16. Переводчикова Е. В. О возможности исследования скифского звериного стиля как изобразительной системы. — В кн.: Проблемы истории античности и средних веков. [Сб. ст.] М., 1980.
17. Переводчикова Е. В. Прикубанский вариант звериного стиля. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1980.
18. Равский Д. С. Модель мира скифской культуры. Пробл. мировоззрения иранских народов евразийских степей I тысячелетия до н. э. М., 1985.
19. Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Пг., 1918 (МАР, № 37).
20. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Крит. обозрение памятников лит. и археологии. [Л.], 1925.
21. Смирнов К. Ф. Савромато-сарматский звериный стиль. — В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль. М., 1976.
22. Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.
23. Чежина Е. Ф. Изображения звериного хищника в искусстве Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху. — АСГЭ, 1984, [вып.] 25.
24. Чежина Е. Ф. Художественные особенности звериного стиля Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху. — АСГЭ, 1983, [вып.] 23.
25. Членова Н. Л. Скифский олень. — В кн.: Памятники скифо-сарматской культуры М., 1962 (МИА, № 115).
26. Шкурко А. И. Ранний этап скифо-сибирского звериного стиля. — В кн.: Скифо-сибирское культурно-историческое единство. [Сб. ст.] Кемерово, 1980.
27. Шкурко А. И. Звериный стиль в искусстве и культуре лесостепной Скифии. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1975.
28. Шкурко А. И. Об изображении звериного хищника в искусстве лесостепной Скифии. — СА, 1969, № 1.
29. Шкурко А. И. О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии. — В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль. М., 1976.
30. Шкурко А. И. Фантастические существа в искусстве лесостепной Скифии. — В кн.: Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982, ч. 2 (ТГНМ, вып. 54).
31. Borovka G. Scythian Art. London, 1928.
32. Grakov B. Monuments de la culture scythique entre le Volga et les monts Oural. — ESA, 1928, vol. 3.
33. Rau P. Die Gräber der frühen Eisenzeit in Unteren Wolga-Gebiet. Pokrowsk, 1929.

Л. С. МАРСАДОЛОВ

ДЕНДРОХРОНОЛОГИЯ БОЛЬШИХ КУРГАНОВ САЯНО-АЛТАЯ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

Определения абсолютного возраста памятников Алтая, особенно Пазырыкских курганов, методом археологических параллелей привели к расхождению между датировками исследователей на одно — три столетия [19, с. 162—172; 15, с. 90, 91].

Дендрохронология позволяет датировать деревянные сооружения с точностью до одного года, а более детальный анатомический анализ последнего годичного кольца (года строительства объекта) — с точностью до сезона, а иногда даже до месяца. Однако и результаты двух дендрохронологических исследований на материалах из саяно-алтайских курганов, проведенных И. М. Замоторным и Е. И. Захариевой, совпали лишь частично. Разногласия в датировках заставили автора вновь проверить надежность дендрохронологической шкалы для больших курганов Саяно-Алтая.

История вопроса. При раскопках Шибинского (1927 г.) и I Пазырыкского (1929 г.) курганов в слое мерзлоты, заполнявшей погребальную камеру, нашли хорошо сохранившиеся деревянные изделия и бревна. Были взяты образцы древесных стволов со следами деятельности человека. В 1929 г. американский дендрохронолог А. Дуглас перекрестным датированием соединил «плавающую» шкалу древнего индейского поселения Пуэбло-Бонито с современной дендрохронологической шкалой и получил график годичных колец для юго-запада США с 698 по 1929 г. Это открытие нашло широкое отражение в мировой прессе. Через год М. П. Грязнов, опираясь на исследование А. Дугласа, отметил замечательное свойство ежегодного прироста древесины и поставил вопрос об определении относительной хронологии одного раскопанного и четырех

еще не исследованных курганов в Пазырыкской долине [4, с. 225, 226]. С. И. Руденко также отметил возможность использования образцов деревьев для определения возраста курганов [20, с. 31].

Горно-Алтайская экспедиция под руководством С. И. Руденко в 1947—1949 гг. продолжила и завершила изучение четырех оставшихся больших курганов в Пазырыке [18]. В 1950 г. раскопали два больших кургана на могильном поле Башадар у пос. Кулада, а в 1954 г. — два кургана у с. Тузкта [19]. Было взято несколько образцов для дендрохронологического анализа. М. П. Грязнов и С. И. Руденко вновь указали на возможность использования годичных колец для датирования теперь уже пяти раскопанных Пазырыкских и других алтайских курганов [5, с. 43].

По предложению С. И. Руденко в 1956—1957 гг. И. М. Замоторин выполнил первую в СССР дендрохронологическую работу на археологическом материале. Он исследовал 50 образцов-спилов из бревен сибирской лиственницы из пяти Пазырыкских курганов и методом перекрестного датирования построил дендрохронологическую шкалу протяженностью в 235 лет. Впервые с точностью до одного года была установлена очередность возведения курганов в урочище Пазырык. Одновременно (возможно, в один год) были срублены деревья для внутренних камер курганов I и II. Через 7 лет сооружен курган IV, через 30 лет после этого — III, а еще через 11 лет — V курган, последний в этой группе, соответственно через 48 лет после I и II курганов [7, с. 30].

Осенью 1958 г. И. М. Замоторин в трех горных районах Алтая (в Пазырыке, Башадаре, Тузкте) срубил по три современных лист-

венницы сибирские для установления возможности сопоставления их между собой. Графики приростов у деревьев из разных районов Алтая показали, что годы максимальных и минимальных приростов древесины для этих мест обычно совпадают. Стало возможным с большей достоверностью проделать такую же работу и на археологическом материале. Было взято 6 образцов из накатов Башадарского кургана и 11 образцов из I Туэктинского кургана. Дендрограммы II Башадарского кургана друг с другом не совпали, и поэтому И. М. Замоторину пришлось отказаться от попытки установить дату его постройки. Перекрестное сопоставление графиков прироста годичных колец II и I Пазырыкских курганов и I кургана в Туэкте показало, что I Туэктинский курган был сооружен на 130 лет раньше II Пазырыкского [6, с. 136].

В 1971—1974 гг. в Туве М. П. Грязнов и М. Х. Маннай-оол в долине р. Уюк раскопали огромный «царский» курган Аржан [3, с. 54]. Уникальная деревянная конструкция кургана дала хорошие образцы для дендрохронологического анализа. М. П. Грязнов высказал предположение о возможности сопоставления аржанских образцов с алтайскими. Такую работу в 1973—1974 гг. выполнила Е. И. Захариева. Она исследовала 128 образцов из курганов Саяно-Алтая и построила шкалу протяженностью в 547 лет. Е. И. Захариева предложила следующую очередность строительства курганов Саяно-Алтая: самым древним является курган Аржан, сооруженный на 136 лет ранее I Туэктинского кургана, затем, предположительно, курган Башадар-II, через 21 год после Туэкты. Через 105 лет после Туэкты воздвигается Пазырык-V, через 16 лет — курганы I и II Пазырыкские, еще через 7 лет — IV и через 30 лет после него — III Пазырыкский курганы [8, с. 18].

Таким образом, по данным И. М. Замоторина, I Туэктинский курган был воздвигнут на 130 лет ранее I и II Пазырыкских, а по данным Е. И. Захариевой — на 121 год. И. М. Замоторин считал, что последним в Пазырыке воздвигли V курган — на 48 лет позднее I и II курганов. Е. И. Захариева пришла к противоположному выводу — первым был сооружен V, а затем через 16 лет — I и II курганы. Она определила, что курган Аржан на 136 лет старше I Туэктинского кургана. Не вызвала разногласий только последовательность строительства I, II, IV, III Пазырыкских курганов. Несовпадения в последовательности сооружения больших курганов Саяно-Алтая по данным двух предшествующих дендрохронологических исследований указывали на необходимость вновь вернуться к исходному материалу —

к отбору образцов, к измерениям и сопоставлениям годичных колец, выполненных автором в 1977—1985 гг. [17, с. 45—48; 15, с. 5—10].

Годичные кольца деревьев. В космических и земных природных явлениях заложены свои нормы исчисления времени, которые не зависят от календарей, введенных тем или иным правителем на той или иной территории и употребляемых в тот или иной исторический период. Даже в наши дни в соседних государствах используются разные системы отсчета времени — григорианский, мусульманский, индийский и другие календари.

Деревья растут за счет камбия — слоя клеток, лежащего между корой и древесиной. Функциональная активность камбия в разные сезоны года неравномерна. Весной и в начале лета, когда хвойное дерево просыпается после зимнего «замирания» и интенсивно растет, образуется слой ранней древесины, состоящей из крупных пористых клеток. К середине летнего периода рост древесины значительно снижается. В июле — сентябре откладывается слой более плотный и менее пористый — поздняя древесина [22, с. 18—20]. В зимний период прироста древесины по диаметру ствола у лиственницы сибирской не наблюдается, хотя корневая система, вероятно, продолжает функционировать.

Таким образом, годичное кольцо лиственницы складывается из двух слоев — ранней (светлой по окраске, расположенной ближе к сердцевине) и поздней (более темной) древесины. Линия между поздней древесиной одного годичного слоя и ранней древесины следующего является границей годичного кольца. По числу годичных слоев древесины определяется возраст дерева. Ширина же годичных колец — величина непостоянная, зависящая от многих внешних и внутренних факторов.

Как показали дендрохронологические исследования*, все многообразие внешних природных факторов, влияющих на рост дерева можно свести к нескольким важнейшим группам: экологическим, почвенным, топографическим, антропогенным и другим воздействиям. На рост дерева влияют и внутренние факторы биологического свойства: наследственность, возраст дерева, плодоношение и т. п. Роль всех этих компонентов в природе весьма различна. Каждый из них может стать причиной увеличения или уменьшения прироста древе-

* Из-за небольшого объема статьи, предназначенной в основном для археологов, автор не приводит многочисленных методических и специальных работ, посвященных анализу деревьев и годичных колец. Наиболее полно библиография по этой проблеме дана в книге А. Ситникова [22, с. 17—259].

сны. Трудность нашей работы в том, что неизвестно, в каких топографических условиях выросли деревья, использованные при сооружении кургана (на склоне, на вершине, на болоте, в долу?). Мало изучены и экологические изменения на Алтае в I тысячелетии до н. э. При сопоставлении графиков ежегодного прироста древесины у деревьев, выросших в удаленных друг от друга районах, важно учитывать и пространственный аспект. Чем дальше друг от друга отстоят такие деревья, тем меньше сходимость ширины годичных колец [1, с. 65].

Многие исследователи отмечают желательность учета возрастных изменений дерева [7, с. 27, 28; 1, с. 45—59; 10, с. 19, 20 и др.]. Подобно любому биологическому организму дерево в своем развитии также проходит ряд возрастных периодов: от эмбрионального состояния — детства — юности — возмужания — зрелости — до старости. В ходе возрастного развития лиственница изменяет свое качественное состояние, положение в лесном сообществе и отношение к условиям внешней среды. При дендрохронологическом анализе материалов из археологических памятников, учитывая так называемую «большую кривую роста дерева», на наш взгляд, необходимо выделять три основных участка для каждой дендрограммы: 1) адаптации, 2) стабилизации и 3) регрессии.

Например, для лиственницы сибирской, средняя продолжительность жизни которой 300—500 лет, этап начальной адаптации дерева к внешним природным условиям охватывает первые 25—35, а иногда и более лет. Для него характерен вначале медленный, а затем интенсивный рост дерева в высоту и по диаметру. Величина ежегодного прироста древесины на этапе адаптации не всегда подчиняется общим природным закономерностям. Поэтому при анализе и сравнении дендрограмм этот участок обладает наименьшей степенью достоверности выводов.

Второй этап — этап стабильного прироста древесины — длится от 30 до 180—200 лет. Накапливаются запасы наиболее ценной здоровой древесины, готовой к рубке для строительных целей. Прирост более или менее постояен. При сопоставлении дендрограмм этот участок характеризуется наибольшей точностью результатов.

В старости, после 180—250 лет, деревья постепенно утрачивают приспособляемость к условиям внешней среды и имеют пониженную интенсивность основных физиологических процессов. Только основные моменты жизни биосферы (максимумы и минимумы) фиксируются величиной прироста древесины. Старые

деревья постепенно отмирают. Назовем этот третий этап регрессией; как и первый, он также обладает малой степенью достоверности при сравнении дендрограмм.

В естественных горных лесах Алтая встречаются разновозрастные деревья, принадлежащие к нескольким поколениям. Фазы их развития часто различны, но они составляют единый сложный биологический комплекс, живущий синхронно с биосферой. Существенное влияние на величину прироста древесины оказывают природные ритмы. Ритмичность проявляется через активность солнечного излучения, колебания магнитного, гравитационного, радиоактивного полей Земли, движение космических тел, через явления биосферы, атмосферы, литосферы, гидросферы и многое другое. В природе существует многократное наложение ритмов разной продолжительности и силы [13, с. 418—427].

С середины 1950-х гг. в вопросе о сущности и влиянии солнечных ритмов на земные процессы все отчетливее вырисовывается закономерность и многогранность этого явления природы. Установлено, что ритм появления солнечных пятен не строго постояен. Средний интервал между максимумами и минимумами составляет 11,2 года, но продолжительность отдельных ритмов может варьировать от 7,5 до 16 лет. Настоящим солнечным ритмом принято считать период в 22 года, через который повторяется не только число пятен, но и их полярность. Наличие 11—12-летнего солнечного ритма и его воздействие на прирост древесины сейчас отрицается немногими исследователями и поддерживается большинством дендрохронологов и дендроклиматологов мира [22].

Н. В. Ловеллус выделил статистически достоверные колебания приростов годичных колец у хвойных пород деревьев на верхней границе леса, по продолжительности близкие к 60 и 120 годам [12, с. 136, 137, 154, 155 и др.]. Кроме вышеназванных ритмов многие исследователи отмечают выявленные ими в приростах древесины и другие природные ритмы.

За последние 25 лет советскими дендрохронологами и дендроклиматологами достигнуты значительные успехи. Созданы обобщающие дендронкалы для ряда дремнерусских городов (Б. А. Колчин, Н. Б. Черных, М. А. Сагайдак), заполярного городка Мангазена (С. Г. Шиятов). Построены эталонные схемы изменчивости годичных колец различных древесных пород для отдельных регионов СССР (В. Е. Рудаков, Т. Т. Битвинская, Г. И. Галазий, В. Г. Колищук, Г. Е. Комин, Е. В. Максимов, А. А. Молчанов, Е. А. Ваганов) и хвой-

Таблица 1
СПИСОК ИЗУЧЕННЫХ ОБРАЗЦОВ ИЗ БОЛЬШИХ КУРГАНОВ
САЯНО-АЛТАЯ

№ дендро-образца	Курган	Изм. № ГЭ	Место в кургане	К-во годич. колец
1	2	3	4	5
Д-1	Пазырык-I	1295/28	Бревно — верхний потолок сруба	131
Д-2	»	1295/31	Плаха — угол внутреннего сруба	86
Д-3	»	1295/31-3	»	152
Д-4	»	»	Образец М. П. Грязнова	75
Д-5	Пазырык-II	1684/556	Бревно — нижний слой потолка	115
Д-6	»	1684/560	Бревно — накат	70
Д-7	»	1684/567	Плаха — стена внутреннего сруба	205
Д-8	»	1684/277	Отпил от колоды	240
Д-9	»	1684/579-4	Плаха — угол сруба погребальной камеры	108
Д-10	»	1684/579-5	»	130
Д-11	»	»	Образец И. М. Замоторина [6, с. 26, табл. 1]	101
Д-12	»	»	Образец И. М. Замоторина [7, с. 135, рис. 3]	50
Д-13	Пазырык-V	1687/284-2	Бревно — угол наружного сруба	169
Д-14	»	1687/284-5	»	147
Д-15	»	1687/284-6	»	186
Д-16	»	1687/350	Бревно — накат	108
Д-17	»	1687/351	Бревно, заклинившее колоду	102
Д-18	Пазырык-V	1687/354	Бревно с обрубленными концами	135
Д-19	»	»	Образец Л. С. Марсадолова, взят в 1979 году	120
Д-20	»	»	»	»
Д-21	Туэкта-I	2179/977	»	112
Д-22	»	2179/977	Колода (радиус А)	243
Д-23	»	2179/979	Колода (радиус Б)	142
Д-24	»	2179/1011	«Подушка» — подголовник	126
Д-25	»	2179/1014-А	Бревно — сруб погребальной камеры	113
Д-26	»	2179/1014-Б	Плаха — внутренний сруб	151
Д-27	»	2179/1014-В	»	132
Д-28	»	2179/1014-Г	»	119
Д-29	»	2179/1016	»	102
Д-30	»	»	Плаха — сруб погребальной камеры	103
Д-31	Шибс	4888/180-1	Образец И. М. Замоторина [6, с. 135, рис. 3]	40
Д-32	»	4888/180-2	Бревно, найденное в грабительском ходе	25
Д-33	»	4888/180-3	»	24
Д-34	»	4888/245	»	21
Д-35	»	4888/246	Бревно от сруба погребальной камеры	76
Д-36	Аржан	»	»	62
Д-37	»	»	Бревно — настил у камеры № 7. Образец М. П. Грязнова, 1974 г.	126
Д-38	»	»	»	100
Д-39	»	»	Образец Е. А. Ваганова	80
Д-40	»	»	»	165
Д-41	»	»	Бревно — камера № 1, СЗ стена сруба. Образец Е. И. Захариевой	251
			Образец Е. И. Захариевой [9, с. 105, табл. 2]	252

ных деревьев на верхней и северной границах леса в Евразии (Н. В. Ловеллус).

Источники. И. М. Замоторин и Е. И. Захариева измерили десятки спилов, взятых из деревянных сооружений больших курганов Саяно-Алтая, но опубликовали только по од-

ной таблице с числовыми замерами [7, с. 26, табл. 1; 9, с. 105, табл. 2]. Поэтому почти всю работу по измерению и перекрестному сопоставлению годичных колец по образцам из разных курганов пришлось делать заново. Данная работа выполнена на образцах

деревьев одной породы — лиственницы сибирской (*Larix sibirica*). Материалами для исследования послужили следующие образцы (см. табл. 1):

И. М. Замоторин и Е. И. Захариева ранее также исследовали ряд спилов от бревен и плах из курганов Алтая, хранящихся в фондах секции Сибири ОИПК ГЭ. Далее даны наши номера образцов, совпадающие со спилами, изученными названными авторами:

И. М. Замоторин — № 1, 5, 7, 9—13, 15, 16, 30 [7, с. 23, 24, 26; 6, с. 135, рис. 3] (ОИПК ГЭ, секция Сибири, расписки И. М. Замоторина от 21.II и 6.III.57 г.).

Е. И. Захариева — № 1, 5, 7, 9, 10, 13, 15, 16, 40, 41 (ОИПК ГЭ, акт № 330 от 30.IV.74 г.). Согласно этому акту, Е. И. Захариева взяла 10 спилов из I, II и V Пазырыкских курганов. Вероятно, это не все спилов, которые она изучала, так как в автореферате ее диссертации говорится о 65 образцах из пяти Пазырыкских курганов [8, с. 16]. Для графиков и перекрестного сопоставления ею выбрано всего по 2—5 образцов из каждого кургана.

Методика. В основе дендрохронологических работ советских и иностранных ученых лежат различные методы измерения, сопоставления и интерпретации изменчивости прироста рядов годичных слоев деревьев. Эти методы не равнозначны по своей точности и ценности. Применение тех или иных приемов измерения и сопоставления главным образом определяется задачами и материалами исследований, а также техническими возможностями. Одно только более или менее подробное описание этих методов вылилось бы в огромный труд, состоящий из ряда самостоятельных разделов, имеющих не только методический, но и теоретический интерес. Обзоры применяемых в дендрохронологии методов даны в ряде работ [7, с. 24—29; 17, с. 79—86; 1, с. 10—25, 31—79; 8, с. 5—12; 10, с. 6—26; 12, с. 18—27].

Весь процесс дендрохронологического исследования распадается на три самостоятельных, но взаимосвязанных этапа (А — подготовка исходных данных, Б — синхронизация, В — сопоставление результатов), в свою очередь состоящих из ряда последовательных операций (рис. 1).

Выбор (А.1.1), взятие (А.1.2) и подготовка (А.1.3) образца к измерению годичных колец (А.2):

А.1.1. Для исследования выбирались не любые хорошо сохранившиеся образцы, а только те спилов, где наблюдались резкие колебания в ширине прироста годичных слоев. Предпочтение отдавалось многолетним деревьям и с последним годичным кольцом. Для

удлинения шкал брались и многолетние образцы с отсутствующим внешним слоем (последним кольцом). Обычно выбиралось несколько образцов из разных частей одного сооружения.

А.1.2. Пилой-ножовкой от бревна или плахи отпиливали поперечный кружок-спил, толщиной 2—5 см. Толщина дендроспила определялась сохранностью и наружным диаметром бревна. Так как некоторые ценные образцы рассыхались и расслаивались, то они перед пилением закреплялись по внешнему диаметру клейкой лентой.

А.1.3. После среза пилой границы ранней и поздней древесины каждого годичного кольца трудноразличимы. Поэтому на каждом спиле зашлифовывались две дорожки шириной 1,5—2 см — по наибольшему и наименьшему радиусам приростов древесины. Зашлифовка производилась напильником и наждачной бумагой с различной величиной зерен абразива. На образцах плохой сохранности и на музейных экспонатах зашлифовывалась одна дорожка. Если на взятом радиусе встречались участки плохой сохранности, то по хорошо видимой окружности одного из годичных колец осуществлялся переход на другой радиус. Когда границы поздней древесины всех колец были ясно различимы, каждое пятое и десятое годичное кольцо маркировалось тушью. Отсчеты начинались от сердцевины к периферии, к последнему кольцу. В особо трудных случаях число и величина годичных слоев устанавливались при помощи бинокулярной лупы МБС-1. Это помогало избежать пропуска выпадающих и трудноразличимых колец.

Фиксация (А.2) рядов годичных колец с помощью фотографии (А.2.1) или бинокулярной лупы МБС-1 (А.2.2):

А.2.1. Фотографирование спилов производилось в затемненном помещении фотоаппаратом «Зенит-Е» с объективом «Индустар-50», с двумя переходными кольцами (М2 и М3) и фотовспышкой. Фотоаппарат со вспышкой жестко закреплялся на штативе. Для последующего измерения колец из миллиметровой бумаги вырезалась полоска шириной 0,5 см, которая служила масштабом с ценою деления 0,1 см. Нулевое значение масштаба прикладывалось к первому кольцу от сердцевины.

Хорошее качество фотоснимков получено на цветной обратимой пленке при выдержке 1/30, диафрагме 11 и расстоянии 1,2 м. Цветная пленка, по сравнению с черно-белой, обладает лучшей контрастностью и цветопередачей, что особенно необходимо для определения границ между годичными кольцами. Идея возможности использования цветной фотографии для дендрохронологического анализа принад-

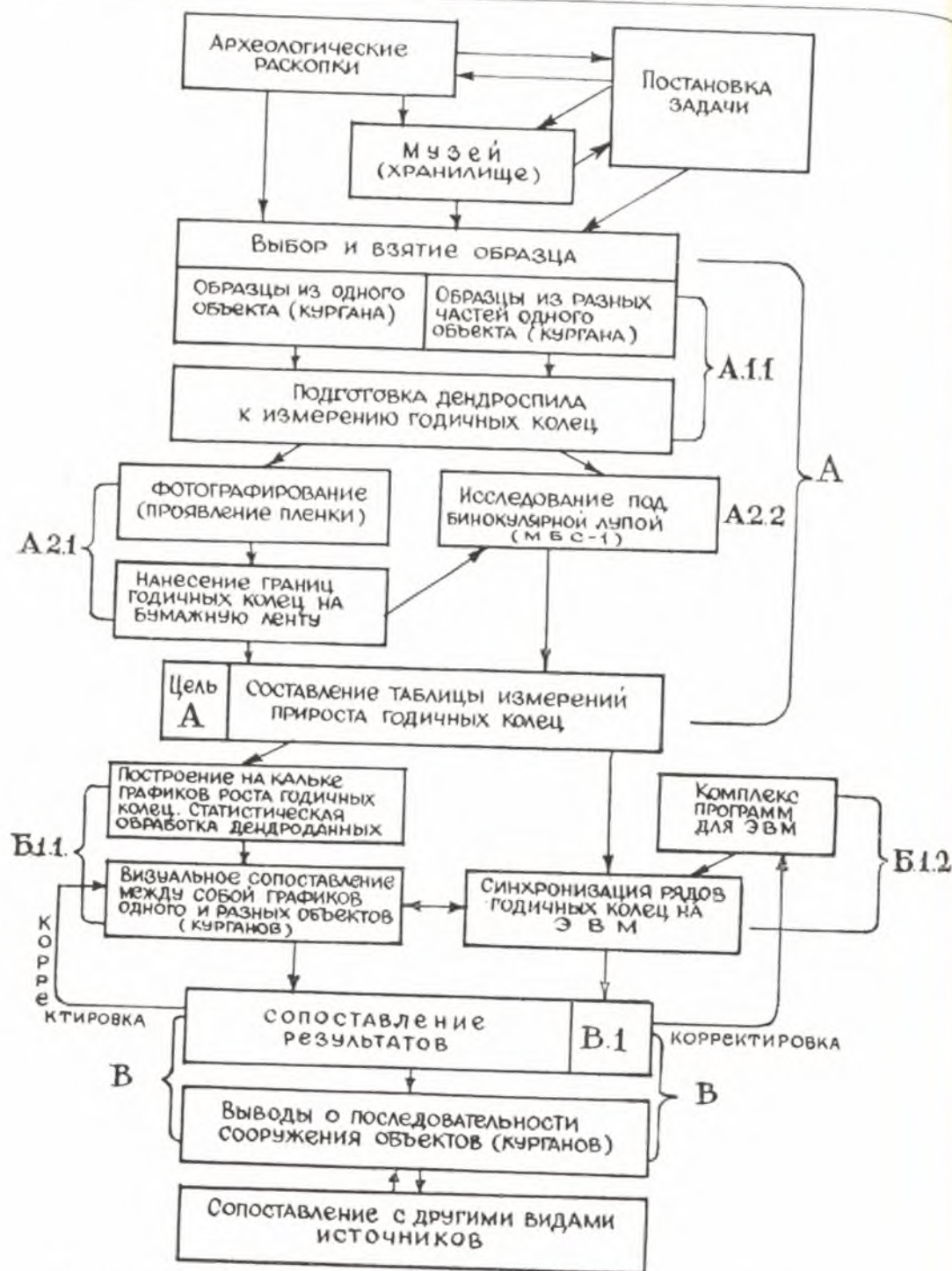

Рис. 1. Блок-схема последовательности операций при дендрохронологическом анализе

лежит М. П. Грязнову. Этот прием упоминается, хотя почти не использовался, в работе Е. И. Захариевой [8, с. 8, 9].

Вначале делался общий снимок спиля с масштабными полосками по двум радиусам и этикеткой. На этикетке указывался номер

кургана и номер образца. Затем последовательно фотографировались частично перекрывающиеся друг друга участки древесины по 4–5 см (от периферийных колец к центру — только так можно получить непрерывную фотошкалу).

После проявления пленка заряжалась в катушки поворотной рамки и вставлялась в диапроектор «Этиод». Фотоснимки годичных колец проецировались на экран с увеличением в 20–25 раз. Границы поздней древесины каждого кольца отмечались на прикладываемой к экрану белой измерительной ленте шириной 5 см и длиной от 2 до 7 м, в зависимости от количества и размеров годичных слоев. Последовательным перематыванием пленки с одной катушки на другую, с одновременным проецированием колец на экран, получали на измерительной ленте непрерывную шкалу с увеличением в 20–25 раз. Измерение годичных колец производилось от сердцевины к периферии, как бы следуя возрастному развитию дерева.

На ленте отмечалось как окончание слоя поздней древесины каждого кольца (черточкой), так и вспомогательные данные: масштабные цифры (1, 2, 3, 4 см и т. д.), каждое десятое годичное кольцо (10, 20, 30 и т. д.). Сомнительные участки затем проверялись на спиле под бинокулярной лупой МБС-1. Ширина каждого годичного кольца замерялась линейкой на ленте с точностью до 1 мм при увеличении в 25 раз. Таким образом, точность наших измерений на ленте до 1 мм составляла 0,04 мм на спиле.

А.2.2. Возможен и нами также использовался другой, более простой способ непосредственного замера годичных колец с помощью бинокулярной лупы МБС-1. Такой способ применяется почти всеми дендрохронологами СССР. Измерения производились с точностью $\pm 0,05$ мм (8-кратный окуляр с измерительной шкалой при увеличении в 4 раза). В особо трудных обстоятельствах замеры проводились с точностью $\pm 0,01$ мм, с последующим переводом в единую шкалу.

Фотография позволяет надолго сохранить зафиксированные ряды годичных колец и пользоваться ими без последующего обращения к спилу. Это важно, когда археологические образцы обладают плохой сохранностью и не подлежат длительному музейному хранению. На фотографии очень четко различимы границы ранней и поздней древесины. Но при помощи бинокулярной лупы МБС-1 можно в несколько раз быстрее производить замеры годичных колец, что имеет большое значение при изучении массового материала. В нашей работе 20 образцов из 40 исследовано первым способом (А.2.1).

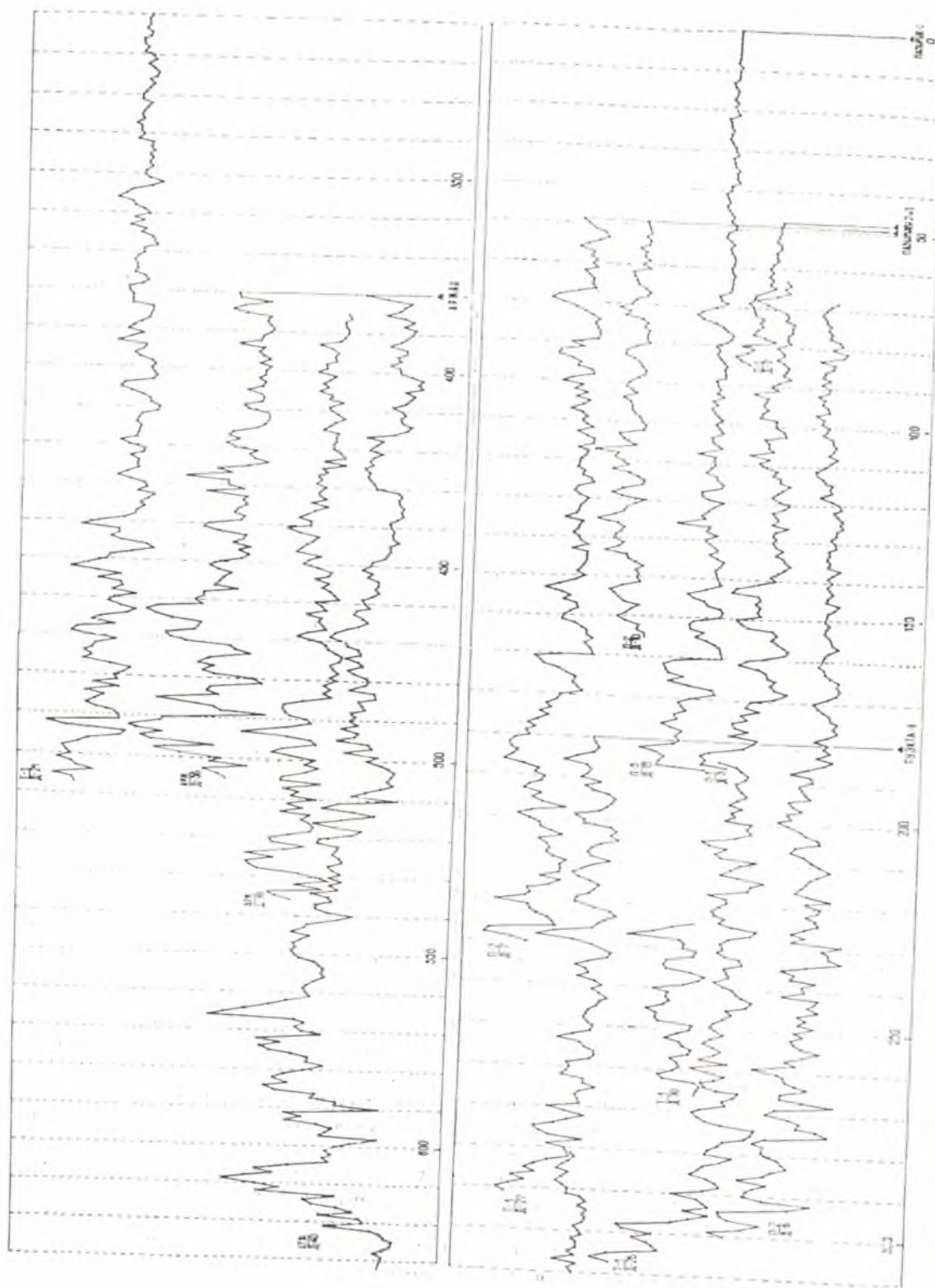
Конечным итогом и целью как первого, так и второго приемов измерения годичных колец является таблица абсолютных величин (в мм) ежегодного прироста древесины, необходимых для дальнейшего анализа.

Синхронизация — визуальная (Б.1.1) и на ЭВМ (Б.1.2):

Б.1.1. Исследованиями Т. Т. Битвинская, Е. И. Захариевой, Н. В. Ловелиуса и других установлено, что различные методы выравнивания рядов годичных колец (полулогарифмические графики, средние скользящие, средние отклонения и т. п.) для исключения случайных отклонений могут использоваться в одинаковой мере [1, с. 48–59; 8, с. 10; 12, с. 22–27, 137]. Их применение зависит от поставленных задач. Нами также проделана подобная работа. Полученные результаты свидетельствуют о том, что для первичного визуального перекрестного сопоставления образцов наиболее приемлемы дендрограммы естественного годичного прироста древесины, построенные в абсолютных величинах.

Для каждого образца на кальке строился линейный график (рис. 2). По оси абсцисс через 0,5 см откладывались годы, а по оси ординат — ширина годичного кольца (увеличенная в 40–50 раз). Под кальку для точного и быстрого измерения подкладывался лист миллиметровой бумаги. Калька удобна и для последующего наложения дендрограмм на просвет [7, с. 27]. Вершины величин годичных приростов древесины соединяли между собой. Совместить графики у сравниваемых образцов можно только в пределах строго определенного участка шкалы. «Кривые колебания годичных колец могут считаться совмещенными, а следовательно, и одновременными, когда число соответствий достигает максимума, а различий — минимума. При этом имеет место общее правило: если два образца, каждый в отдельности, схожи с третьим, то они схожи и друг с другом» [10, с. 21].

Визуальное совпадение между дендрограммами определялось не только положением узких и широких годичных колец, величина которых даже у двух соседних деревьев может сильно отклоняться от средней, но и общей конфигурацией графика, перепадами между периодами больших и малых приростов древесины. Сопоставляя дендрограммы четырех и более образцов из одного кургана, выбирали несколько графиков с наиболее четкими максимумами и минимумами прироста. Они принимались за эталонные для данного кургана. Сравнив графики разных образцов (т. е. сопоставив сходные «рисунки» годичных приростов), определяли точное место одного кургана среди других. Временем сооружения кургана считалась серия последних годов рубки у ряда образцов, так как при строительстве алтайских курганов часто употреблялись сухостойные деревья. Перекрестным датированием дендрограмм многолетних дере-

шев, иногда с отсутствующими последними годовыми кольцами, удлинялась и общая шкала кургана. Для проверки наличия последних колец на наших графиках использовались также и опубликованные данные И. М. Замоторина и Е. И. Захариевой.

Б.1.2. В Эрмитаже начаты работы по синхронизации рядов годовых колец на ЭВМ. Более детально это коллективное исследование будет опубликовано в отдельной статье. Предварительные результаты свидетельствуют о правильности визуального сопоставления дендрограмм образцов из курганов Саяно-Алтая.

В современном лесу около урочища Пазырык много сухостойных и поваленных деревьев. Их гораздо легче использовать при строительстве, чем рубить живые деревья. Образцы с отсутствующими последними кольцами составляют примерно одну треть среди изученных спилов. В накате V Пазырыкского кургана найдено сухостойное дерево, которое погибло или где-то лежало 59 лет, прежде чем было использовано при сооружении кургана [7, с. 30]. Следует отметить, что сухостойными также были и большинство деревьев, взятых для срубов кургана № 3 из «скифского» времени могильника Саглы-Бажи-II в Туве (раскопки А. Д. Грача) и кургана «туниского» периода у горы Оглахты в Хакасии (исследования Л. Р. Кызласова). Сухостойные деревья иногда можно определить по внешним признакам — ходам короедов на стволе дерева.

Для проверки правильности сопоставления дендрограмм И. М. Замоторин использовал «контрольные спектры», предложенные В. Глоком, — обозначение толстыми и тонкими черточками соответствующих наиболее широких и узких колец. Е. И. Захариева выделяла «реперные годы» максимального и минимального прироста древесины, а также использовала методы регрессионного анализа рядов чисел на ЭВМ, разработанные в Арктическом и антарктическом НИИ [9, с. 104—106].

При перекрестном датировании курганов нами также учитывались anomalно высокие и anomalно низкие годы прироста древесины на участке не менее чем в 100 лет, их точное временное соответствие. В последнее время в дендрохронологии все чаще и чаще при сопоставлении дендрограмм используется ритмичность прироста древесины в годовых кольцах. Как убедительно показал на современном материале Н. В. Ловелюс, вполне возможен сдвиг амплитуд 60- и 120-летних

ритмов прироста [12, с. 153—155, рис. 70]. При этом конечная дата образца соответственно омолаживается или удревняется на число лет неправильно сдвинутого ритма. Вероятно, при синхронизации дендрограмм, построенных по образцам из археологических объектов, также необходимо вначале учитывать 60- и 120-летние ритмы максимумов и минимумов прироста древесины, а затем 11- и 12- (22- и 24-) летние ритмы.

Выявить большие ритмы помогают дополнительные графики, построенные по методу, предложенному Е. В. Максимовым. Для этого число лет жизни дерева делилось на общее число пиков максимального или минимального прироста древесины. Переломные пики определялись по правилу «до этого года был рост, а после него начался упадок или наоборот» [13, с. 419]. Например, дерево образца № 10 (Пазырык-II) до рубки жило 130 лет. Число пиков-максимумов равно 33. Далее: $130 \text{ лет} : 33 = 3,9 \approx 4 \text{ года}$. Четыре года — это продолжительность так называемого «натурального» ритма, который у разных образцов может колебаться от 3 до 4,5 лет и в среднем равен 3,5 годам. Величину «натурального» ритма последовательно вычитали от числа лет между двумя соседними пиками-максимумами или минимумами. Положительные значения отклонений от «натурального» ритма в определенном масштабе откладывали выше оси абсцисс, а отрицательные — ниже (например, $2-4 = -2$). Величина отклонений от «натурального» ритма между двумя соседними вершинами-максимумами достигала от +6 до -3 лет, т. е. колебалась в пределах до десяти лет. Подобно общей шкале дендрограмм была построена и сподная шкала «фоновых» ритмов (рис. 3).

Сразу же выделилось несколько разных по величине вершин-отклонений от «натурального» ритма. Самые большие величины отклонений (+5, +6) как для максимумов, так и для минимумов прироста древесины чередовались довольно устойчиво — через 120 лет. Внутри этого довольно продолжительного ритма фиксируется средний по продолжительности 60-летний ритм. У 60-летнего ритма величина отклонений от «натурального» ритма равна +3 или +4. Наблюдается также 11-летний ритм и его кратные величины: 22-, 44-, 88—90- (нековой) летние периоды. Вероятно, были и более короткие 3—4- и 5—6-летние ритмы. Выделенные ритмы хорошо согласуются на дендрограммах всех курганов. Однако все эти ритмы не исчерпывают сложного мно-

Рис. 2. Дендрохронологическое сопоставление дендрограмм образцов из больших курганов Саяно-Алтая (номера образцов даны в соответствии с табл. 1)

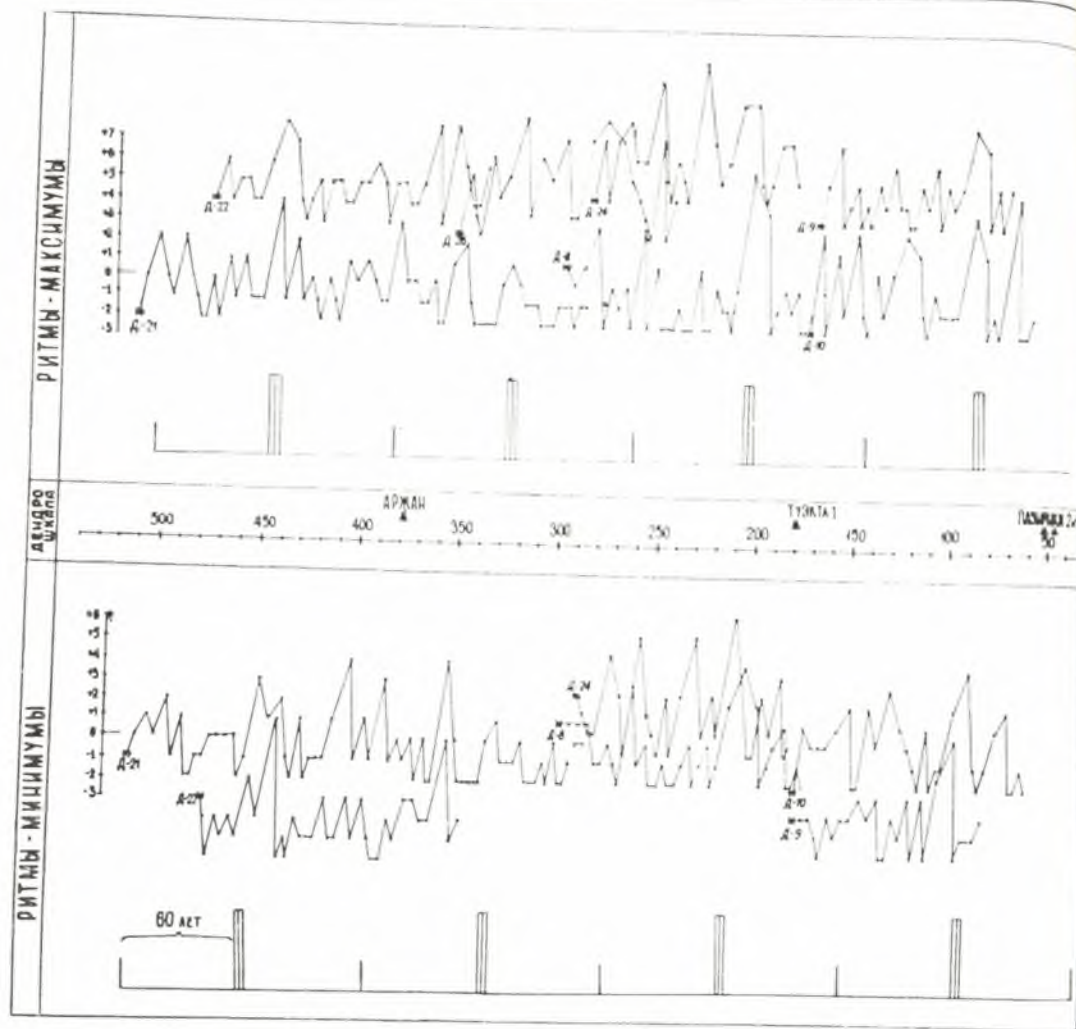

Рис. 3. Выделение 60- и 120-летних ритмов изменчивости прироста годичных колец

гообразования природных ритмов, их гораздо больше.

Последовательность сооружения курганов. Всего автор исследовал 41 образец, взятый из деревянных конструкций шести курганов Саяно-Алтая. Измерено более 5 тыс. годичных колец на спилах (табл. 1). Не менее двух-трех раз произведена проверка правильности измерительных отсчетов и нанесения точек на графики. Исследованные годичных колец на образцах многолетних деревьев, использованных для изготовления огромных деревянных колод-саркофагов из I Туэктинского и II Пазырыкского курганов (образцы Д-8 и Д-21), позволило значительно удлинить дендрограммы (табл. 2). Графики всех образцов дали хорошее совпадение по минимумам и максимумам прироста древесины (рис. 2).

Перекрестным датированием дендрограмм из разных курганов построена общая шкала

протяженностью в 634 года (у И. М. Замоторина — 383 года, а у Е. И. Захариевой — 547 лет) (рис. 4).

Аржан, Раскопки кургана продолжались четыре года. За этот период было взято более сорока спилов из разных частей деревянной постройки [8, с. 12]. Нам удалось изучить только четыре спиля — два образца, взятые М. П. Грязновым в 1974 г. и два образца, переданные автору Е. А. Вагановым. Эти образцы Е. И. Захариевой не измерялись. Несмотря на многочисленные попытки, не удалось обнаружить место хранения спилов, изученных Е. И. Захариевой. Для кургана Аржан нами построена шкала длиной в 165 лет. Для проверки и удлинения этой шкалы использованы ранее опубликованные данные [9, с. 103—105], что позволило увеличить протяженность серии годичных колец из кургана Аржан до 252 лет. В связи с небольшим числом иссле-

Таблица 2
Максимальная длина дендрошкал по курганам Саяно-Алтая

Курган	Максимальная длина дендрошкалы (в годах) у разных авторов			Кол-во образцов у Л. С. Марсадолова
	И. М. Замоторин	Е. И. Захариева	Л. С. Марсадолов	
Пазырык-I	105	125	168	4
Пазырык-II	235	204	253	8
Пазырык-V	161	186	181	8
Туэкта-I	205	209	342	10
Аржан	—	252	252	6
Шибэ	—	—	70	5

дованных нами образцов рубежи датировки кургана Аржан могут колебаться в пределах до ± 5 лет. Перекрестным датированием дендрограмм автором установлено, что курган Аржан на 200 ± 5 лет древнее Туэкты-I.

Образцы из Аржана и колоды-саркофага из Туэкты-I у автора совпали на участке длиной в 141 год (у Е. И. Захариевой — 73 года). Если принять во внимание, что в первые 25—30 лет жизни дерева наблюдается неустойчивость прироста годичных слоев и этот временной участок при синхронизации двух дендрограмм обладает очень низкой степенью достоверности результатов, то, по данным Е. И. Захариевой, интервал совпадения одного образца из I Туэктинского кургана с образцами из кургана Аржан составляет всего: 73 года — 30 лет = 43 года. Это явно недостаточно для того, чтобы говорить о надежности перекрестного датирования по данным Е. И. Захариевой.

Туэкта-I и Пазырыки. Выводы исследований И. М. Замоторина и автора по датировке Пазырыкских и I-го Туэктинского курганов в основном совпали. Единственное отличие заключается в том, что, по нашим данным, в Пазырыке первым был воздвигнут 2-й курган, на один-два года ранее I-го кургана. Ввиду отсутствия противоречий в определениях И. М. Замоторина и Е. И. Захариевой возраста сооружения IV и III Пазырыкских курганов, а также в связи с отсутствием дополнительных образцов, кроме изученных вышеперечисленными исследователями, автор принимает вывод о том, что IV Пазырыкский курган воздвигнут через 7 лет после I кургана, а III курган — через 30 лет после IV и на 11 лет ранее V кургана. И. М. Замоторин подчеркнул, что даты сооружения IV и III курганов могут колебаться в пределах не-

скольких лет ввиду малого числа исследованных образцов и использования сухостойных деревьев [7, с. 29, 30].

Е. И. Захариева отметила, что Пазырык-V сооружен через 105 лет после Туэкты-I и на 16 лет ранее I и II Пазырыкских курганов [8, с. 16—18]. По ее данным получается, что между датами возведения I Туэктинского и I—II Пазырыкских курганов всего 121 год ($105 + 16 = 121$). Перекрестным датированием дендрограмм И. М. Замоторин и автором установлено, что I Туэктинский курган сооружен на 130 лет ранее Пазырыка-I, а затем через 48—50 лет после этого возведен V Пазырыкский курган. Не исключено, что в работе Е. И. Захариевой произошел сдвиг датировок сооружения курганов из-за неправильного сопоставления дендрограмм, произведенных без учета ритмичности годичных приростов древесины — для кургана Аржан на один 60-летний период дата омоложена и, наоборот, для V Пазырыкского кургана датировка удревлена также на один 60-летний ритм. В диссертации Е. И. Захариевой отсутствуют инвентарные номера изученных ею спилов (кроме образцов из кургана Аржан), нет графиков перекрестного датирования образцов из разных курганов, применена методика построения полулогарифмических графиков, не используемая нами, и т. п. Все это затрудняет детальный анализ результатов Е. И. Захариевой, их сопоставление с нашими данными.

При синхронизации разных дендрограмм даже из одного кургана иногда наблюдалось только соответствие основных точек anomalно высоких и anomalно низких лет прироста древесины. Стало ясно, что деревья, использованные при строительстве Пазырыкских курганов, выросли в разных экологических группах. Намечается по меньшей мере три экологических сообщества деревьев, послуживших строительным материалом при сооружении I, II и V Пазырыкских курганов. Для постройки I кургана использовались деревья, выросшие в одной экологической группе, что ранее отмечал и И. М. Замоторин [7, с. 29], а для II и V — в разных лесных сообществах. Это вполне объяснимо, если учесть, что деревья, растущие на равных высотах даже одного склона горы, по-разному реагируют на природные изменения [6, с. 132].

Шибэ. Изучено 5 образцов. В грабительском ходе были обнаружены жерди толщиной 8—11 см, давние дендрограммы по 20—30 лет. Бревна из сруба погребальной камеры плохо сохранились и содержали не более 60—70 годичных слоев. Принято считать датировку достоверной, если наложиме одной кривой денд-

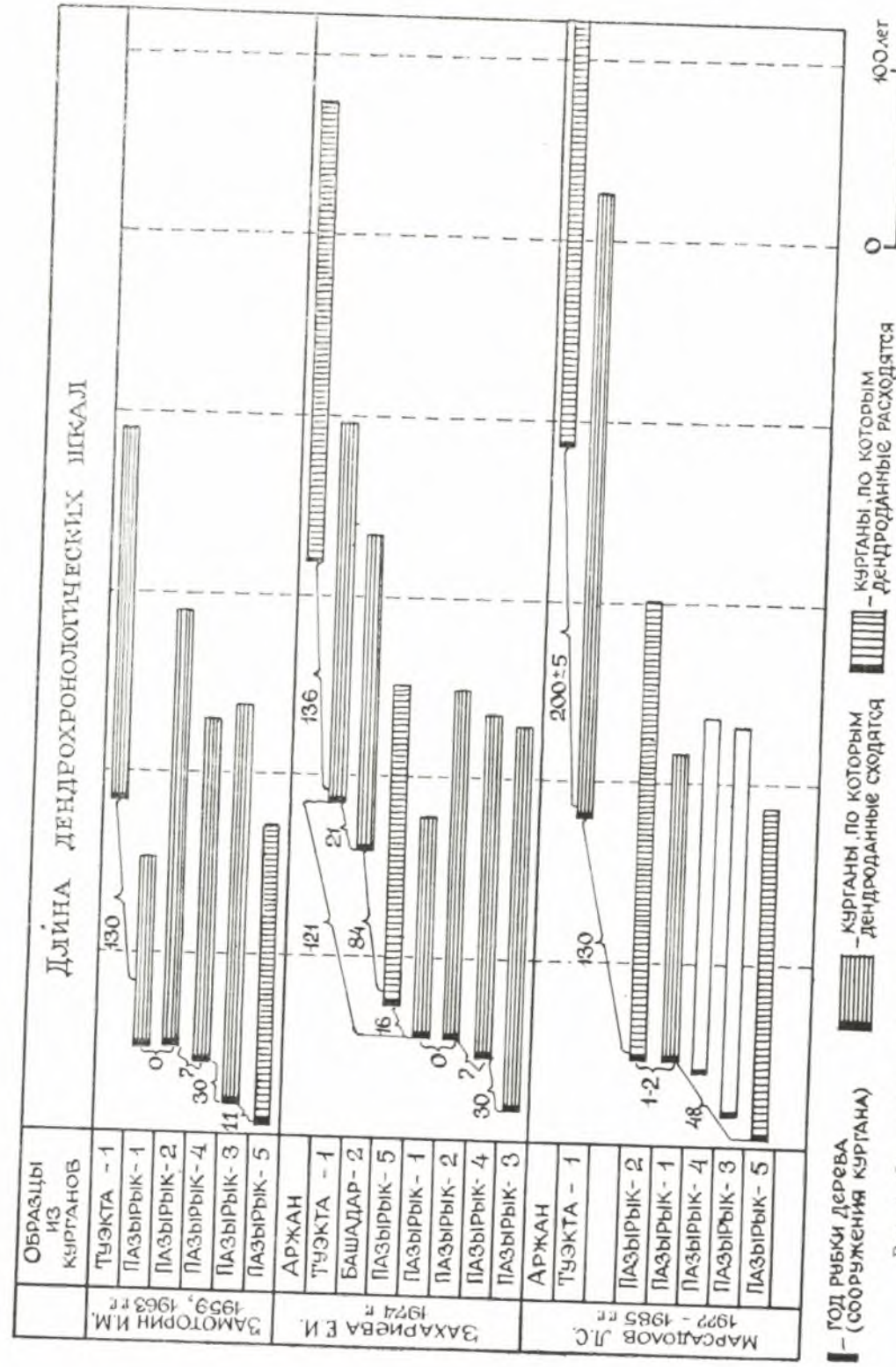

Рис. 4. Сопоставление дендрохронологических шкал больших курганов Саяно-Алтая по данным разных авторов

программы на другую составляет отрезок не менее 50 лет [10, с. 19]. Поэтому дендрохронологическая датировка Шибинского кургана не произведена.

В настоящее время автор придерживается нижеследующей временной последовательности строительства больших курганов Саяно-Алтая. Самым ранним является курган Аржан в Туве, сооруженный на 200 ± 5 лет ранее I Туэктинского кургана на Алтае. Через 130 лет после Туэкта-1 началось возведение «цепочки» курганов в урочище Пазырык. Первым там сооружен II Пазырыкский курган, на один-два года ранее I, а затем — IV и III курганы. Самым последним воздвигли V курган, на 48—50 лет позднее II.

Предварительные итоги и перспективы дальнейших исследований. Построенная дендрохронологическая шкала протяженностью более шестисот лет является «плавающей» во времени. С точностью до года известна последовательность сооружения семи больших курганов Саяно-Алтая — «ключевых» памятников этого региона. Достаточно было бы одной надежной временной точки-участка, чтобы привязать эту дендрохронологическую шкалу к общему летоисчислению. Однако найти такую точку чрезвычайно трудно. На современном этапе научных исследований возможны три основных пути поиска «точки опоры»: 1) дендрохронологический, 2) радиоуглеродно-дендрохронологический и 3) археологический.

1. Дендрохронологический. В будущем перекрестным датированием необходимо соединить «плавающую» археологическую саяно-алтайскую дендрошкалу I тысячелетия до н. э. с современными образцами из того же региона, превратив ее в абсолютную. В 1979—1980 гг. автором в трех пунктах (в урочище Пазырык, у пос. Балыктуюль и у с. Ело) собрано около 20 образцов от современных лиственниц и от ранее спиленных долгоживущих деревьев, по которым может быть построена общая дендрошкала длиной более 300 лет. В настоящее время существует временная лагуна между современными и древними саяно-алтайскими образцами протяженностью около двух тысяч лет, примерно от 1600 г. до н. э. по 400 г. до н. э. Можно было бы связать дендрохронологические шкалы Саяно-Алтая и соседних регионов, однако на близлежащих территориях также пока нет шкал длиной немногим более чем одна тысяча лет от современности. В перспективе вполне вероятно возможность привязки «плавающей» саяно-алтайской дендрошкалы к американской из района Белых гор, протяженностью около 8 тыс. лет, или других регионов мира длиной не менее 3 тыс. лет [22]. Тогда даты соору-

жения сибирских курганов можно будет определять с точностью до года. Такое сопоставление необходимо произвести вначале по 60- и 120-летним ритмам, а затем скорректировать по небольшим 3—11-летним ритмам. На современных и археологических материалах возможности перекрестного датирования дендрошкал длиной более одной тысячи лет, иногда из весьма удаленных регионов, показаны в ряде работ [10, с. 7—14, 33—112; 12, с. 40—45, 53; 22].

В ходе археологических раскопок иногда встречаются хорошо сохранившиеся деревянные сооружения. Археологи обычно передают взятые образцы в музей-хранилище или непосредственно на дендрохронологическое определение. Сейчас еще пока мало практикуются комплексные исследования, когда вначале ставится дендрохронологическая задача, а затем в нужном месте производятся археологические раскопки. В дальнейшем, возможно, это будет одной из основных задач при создании надежных хронологических систем. Например, когда на могильном поле в Шибе будет раскопан еще хотя бы один соседний курган, то при наличии более длинной дендрошкалы их можно будет увязать с другими большими курганами Алтая.

2. Радиоуглеродно-дендрохронологический. Ранее С. И. Руденко, Е. И. Захарьева и Я. А. Шер пытались увязать саяно-алтайскую дендрошкалу с радиоуглеродными датами, полученными С. В. Бутото в 1959—1961 гг. [20, с. 335; 8, с. 14—18; 23, с. 248, 249; 2, с. 26]. В конце пятидесятих годов измерительная аппаратура еще только отлаживалась, а потому полученные абсолютные датировки по ^{14}C имели большую величину поправки, часто ± 100 —150 лет. На датирование было отдано малое число образцов (по 1—2 из ряда курганов Алтая) от деревьев среднего возраста—80 лет и более (точное число годовых колец не подсчитывалось), что уже само по себе увеличивало величину вводимой поправки. При расчете дат сооружения объектов по ^{14}C многие археологи не учитывают, что время продолжительности жизни дерева и время строительства объекта не одно и то же. Иногда между ними может быть разница в 100—200 лет и более. Это зависит от возраста дерева, взятого на возведение объекта, и от того, где оно ранее лежало, т. е. могут быть использованы бревна из более ранней постройки, после лесного пожара, сухостойные деревья и т. п. В этом отношении радиоуглеродная дата, полученная С. В. Бутото по образцу из бревна перекрытия V Пазырыкского кургана, с наименьшей для того времени величиной поправки ($490 \pm$

± 50 лет до н. э.), на наш взгляд, не может быть признана за эталонную дату сооружения кургана Пазырык-V, как это считали Е. И. Захариева и Я. А. Шер. Скорее всего дата этого образца отражает какой-то усредненный период жизни многолетнего дерева, она явно древнее даты возведения V Пазырыкского кургана.

За последние 20 лет достигнуты значительные успехи в методике радиоуглеродного анализа. Возросла тщательность химической очистки загрязненных образцов, разработана новая электронно-измерительная аппаратура, позволяющая увеличить точность датировок и уменьшить величину ошибки измерения до $\pm 30-40$ лет, а иногда и менее. В 1981—1984 гг. для нового датирования по ^{14}C автор отобрал 21 образец из шести курганов Саяно-Алтая (Аржан, Тузукта-1, Пазырыки I, II, V и Шибе). К образцам древесины предъявлялись следующие требования: 1) должно быть известно их место в кургане; 2) образцы, по возможности, не должны быть взяты с многолетних деревьев; 3) необходимо знать точное количество годовичных колец в образце, а также их место на спице и на дендрограмме; 4) образцы из разных курганов должны иметь на графиках перекрывающиеся участки, что одновременно позволяет проверить и правильность дендрохронологических сопоставлений. Для уменьшения ежегодного разномасштабного влияния природных факторов на точность определения радиоуглеродного возраста образцов датирование их производилось не по одному годовичному слою, а по ряду колец за 10—30 лет.

Абсолютное радиоуглеродное датирование образцов произведено в лаборатории археологической технологии ЛОИА. Химическая обработка образцов выполнена Г. И. Зайцевой, а их абсолютный возраст измерен Ю. Н. Марковым по периоду полураспада ^{14}C , равному 5570 ± 30 лет*. Сопоставление дендро- и радиоуглеродных данных осуществлялось автором двумя путями: 1) подобно перекрестному датированию дендрограмм — до максимально хорошего совпадения соответствующих участков; 2) по трем осям: А — оси дендродат, В — оси дат по ^{14}C и С — центральной оси их «идеального» совпадения (рис. 5). Если центр радиоуглеродной даты лежит выше оси С, то возраст образца омоложен, а если ниже — удревлен. Радиоуглеродную дату строительства кургана можно рассчитать, зная точное число годовичных колец на спицах и в образ-

цах, отобранных на ^{14}C (табл. 1 и 2, рис. 2). При этом необходимо учитывать, что радиоуглеродные даты, полученные по образцам внутренней части спица, наиболее соответствуют реальным временным параметрам, а внешние слои — часто имеют «омоложенную» дату из-за разнообразных загрязнений.

Как хорошо известно, период полураспада ^{14}C пока еще окончательно не уточнен. Так если в 1946 г. У. Ф. Либби считал его равным 5570 ± 30 лет, то Г. Годвин в 1962 г. — 5730 ± 40 лет, т. е. на 3% больше (для периода 900—300 гг. до н. э. расхождение достигает 70—80 лет). Некоторые авторы выдвигают и другие величины полураспада ^{14}C [11, с. 6—8]. Не исключено, что даты сооружения курганов Саяно-Алтая, полученные по периоду 5570 ± 30 , слегка омоложены (табл. 3). Перерасчет этих же дат по периоду 5730 ± 40 лет и корректировка их по разнообразным калибровочным шкалам, наоборот, приводят к удревлению абсолютного возраста курганов. Это уже недостатки методики радиоуглеродного анализа. Возможно, в будущем даты больших саяно-алтайских курганов, рассчитанные по периоду 5570 ± 30 , будут немного удревлены, не более чем на 30—40 лет.

При наложении саяно-алтайской и американской дендро- и радиоуглеродных шкал (рис. 3) автором выявлены одновременные периоды «омоложения» (400—300 гг. до н. э.) и стабилизации (530—450 гг. до н. э.) радиоуглеродных датировок [ср.: 25]. Вероятно, периоды омоложения или удревления дат по ^{14}C в какой-то мере синхронны с 60- и 120-летними ритмами изменения величин ежегодного прироста древесины (ср. рис. 3 и 5). Малое число алтайских дат по ^{14}C не позволяет пока выявить менее продолжительные ритмы. Но отмеченные совпадения свидетельствуют о более глобальных закономерностях, одинаково проявляющихся в приросте древесины в нашем полушарии, в близком процентном содержании радиоуглеродных изотопов.

3. Археологическая «точка опоры». И. М. Замоторин даже не пытался «привязать» дендрошкалы курганов Алтая к абсолютным датам, это не входило в задачи его работ. В 1-й половине 1970-х гг. остро дискутировался вопрос о дате сооружения кургана Аржан — VIII или VII в. до н. э. Е. И. Захариева в 1974 г. приняла компромиссное решение. Она взяла за год строительства кургана Аржан условную дату — 700 г. до н. э. и от этого рубежа, в соответствии с ее дендрохронологической последовательностью памятников, с точностью до года рассчитала даты сооружения других курганов Алтая [8, с. 18].

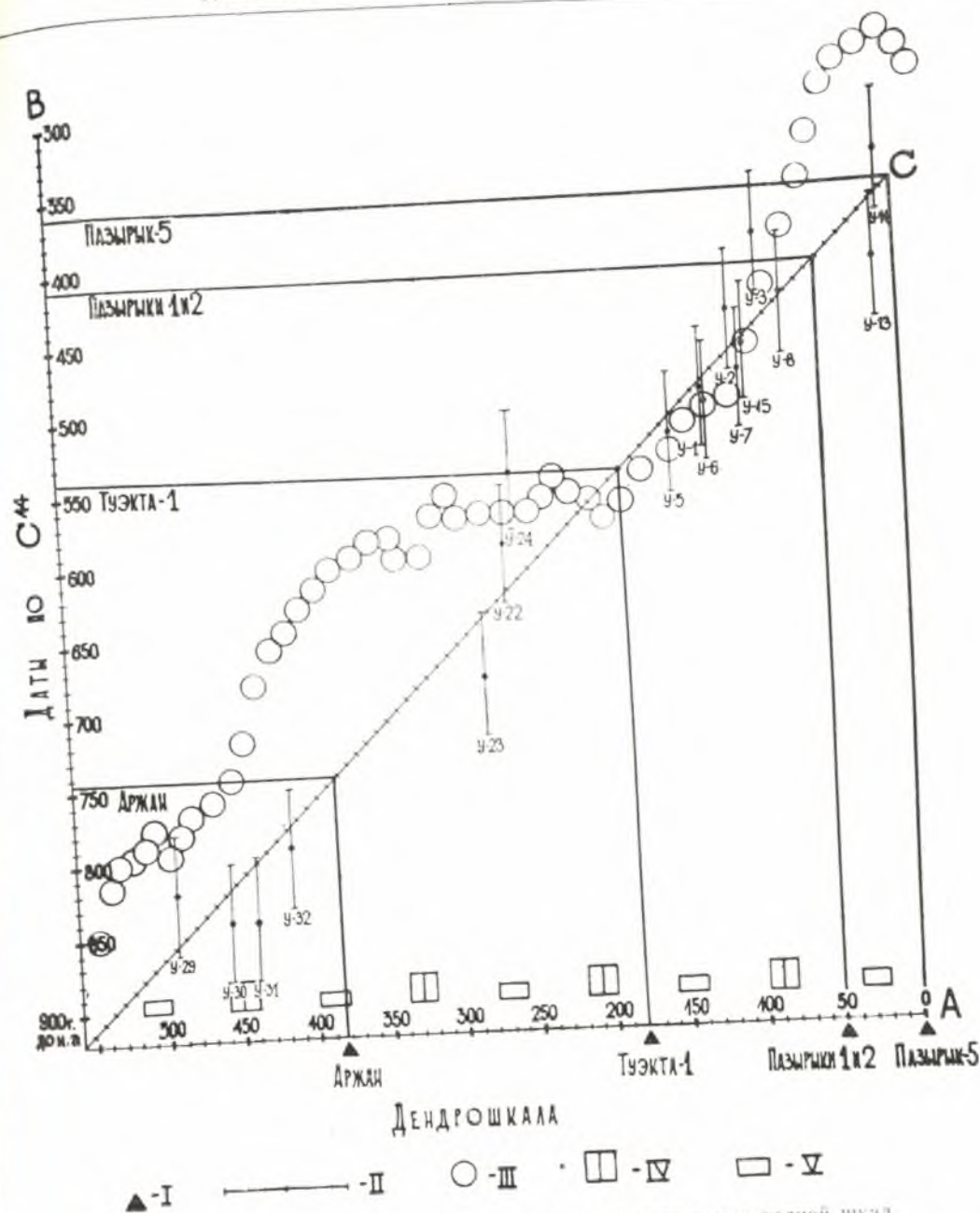

Рис. 5. Сопоставление дендрохронологической и радиоуглеродной шкал. I — год сооружения кургана; II — интервал саяно-алтайской радиоуглеродной даты; III — радиоуглеродная дата по данным американских исследователей (см. табл.); IV — 120-летний ритм прироста годовичных колец; V — 60-летний ритм прироста годовичных колец.

Среди археологов и ныне нет единой точки зрения на датировку кургана Аржан. У разных авторов дата колеблется от IX до VI в. до н. э. [5, с. 52—61], многие постепенно склоняются к VIII в. до н. э. Очевидно, необходимо найти хотя бы одну надежную точку для привязки жестко связанной дендрошкалы курганов Саяно-Алтая к сравнительно точно установленным абсолютным датам.

Ни один курган Сибири, Казахстана и

Средней Азии, имеющий близкие аналоги с рассматриваемыми саяно-алтайскими памятниками VIII—IV вв. до н. э., не датирован с точностью до полустолетия. Поэтому автор сопоставил стилистически близкие изображения в основном из II и I Пазырыкских курганов с довольно надежно датированными многими исследователями IV и II Семибратскими курганами на Кубани, относящимися ко 2-й половине V в. до н. э. [17, с. 8, 9]. Учи-

* Более подробно результаты этого исследования опубликованы в статье Ю. Н. Маркова, Л. С. Марсадолова и Р. Я. Мещваринвили [14].

Таблица 3

Сопоставление датировок, полученных разными методами

Курган	«Плавающая» дендрохронологическая шкала	Датировка по ^{14}C (период 5570 ± 30)	Археологическая дата
Пазырык-V	0	360 ± 40 лет до н. э.	1-я половина IV в. до н. э.
Пазырык-III	не более 11 лет		
Пазырык-IV	не более 41 года		
Пазырык-I	48 лет	410 ± 40	2-я половина V в. до н. э.
Пазырык-II	49—50 лет	410 ± 40	»
Туэкта-I	180 лет	540 ± 40	2—3 четверти VI в. до н. э.
Аржан	380 ± 5 лет	745 ± 40	2—3 четверти VIII в. до н. э.

тивая данные археологии, дендрохронологии и радиоуглеродного анализа, С. И. Руденко ранее пришел к такой же «узкой» датировке I и II Пазырыкских курганов — 2-й половине V в. до н. э. [20, с. 335, 336]. Принимая эту датировку за основу, можно рассчитать абсолютный возраст больших курганов Саяно-Алтая, последовательность которых определена дендрохронологическим путем (табл. 3).

Последовательность: II — I — IV — III — V Пазырыкские курганы — подтверждается не только данными дендрохронологии, но и топографией этих курганов, типологическим изучением вещей из них, предметами и изображениями, конструктивными особенностями могильных сооружений [16, с. 91—97], новыми данными по ^{14}C и т. д. Исходя из выводов разных источников, возможно, II и I Пазырыкские курганы ныне следует датировать в пределах 440—420 гг. до н. э. Тогда и другие курганы получают более «узкие» абсолютные даты. Анализ величин ежегодного прироста древесины на дендрограммах саяно-алтайской дендрошкалы длиной более 600 лет позволяет сделать вывод о резком ухудшении природных условий во второй половине V в. до н. э., в период сооружения больших курганов в урочище Пазырык (рис. 2).

Четкое хронологическое разделение памятников позволит в будущем выявить периоды появления, наивысшего расцвета и исчезновения образов и сюжетов в «зверином» стиле; наметить время основного бытования отдельных групп и форм предметов конского снаряжения [17, с. 12, 13], вооружения, наскальных рисунков и т. п.; проследить изменения отдельных конструктивных деталей в погребальных сооружениях и в самом погребальном

обряде; обосновать устойчивые культурные связи с соседними и отдаленными регионами. И, наконец, появится возможность перейти к реконструкции социального и исторического процессов развития кочевничества Саяно-Алтая. Только абсолютная дендрохронологическая шкала, откорректированная историко-археологическим методом, позволит в дальнейшем более надежно увязать события в Саяно-Алтае с данными письменных источников.

¹ Битвинская Т. Т. Дендроклиматические исследования. Л., 1974.

2. Бутомо С. В. Применение радиоуглеродного метода в археологии. — В кн.: Новые методы в археологических исследованиях. [Сб. ст.] М.: Л., 1963.

3. Грязнов М. П. Аржан: царский курган раннескиф. времени. Л., 1980.

4. Грязнов М. П. Значение древесины в определении относительного возраста древних сооружений. — Природа, 1930, № 2.

5. Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950.

6. Замоторин И. М. О возможности установления относительных датировок территориально удаленных сооружений методом анализа древесных стволов в условиях Горного Алтая. — СА, 1963, № 2.

7. Замоторин И. М. Относительная хронология Пазырыкских курганов. — СА, 1959, № 1.

8. Захарисва Е. И. Археологическое дерево как исторический источник. (Дендрохронология Саяно-Алтайских курганов VIII—III вв. до н. э.). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Л., 1974.

9. Захарисва Е. И. Дендрохронологическое исследование кургана Аржан. — СА, 1976, № 1.

10. Колчин Б. А., Черных Н. Б. Дендрохронология Восточной Европы. (Абсолютные дендрохронол. шкалы с 788 г. по 1970 г.). М., 1977.

11. Колчин Б. А., Шер Я. А. Абсолютное датирование в археологии. — В кн.: Проблемы абсолютного датирования в археологии. [Сб. ст.] М., 1972.

12. Ловелиус Н. В. Изменчивость прироста деревьев. Дендронидикация природ. процессов и антропог. воздействий. Л., 1979.

13. Максимов Е. В. Ритмичность природных явлений и ее смысл. — ИВГО, 1977, т. 109, вып. 5, май.

14. Марков Ю. П., Марсадолов Л. С., Мецваршвили Р. Я. Комплексный метод абсолютного датирования. — В кн.: Временные и пространственные изменения климата и годичные кольца деревьев. Каунас, 1987, ч. 3.

15. Марсадолов Л. С. О дендрохронологии памятников ранних кочевников Саяно-Алтая. — В кн.: Контакты и взаимодействие древних культур. Крат. тез. докл. науч. конф. ОИПК (к 50-летию отд.). 27—30 окт. 1981 г. Л., 1981.

16. Марсадолов Л. С. О последовательности сооружения пяти больших курганов в Пазырыке на Алтае. — АСГЭ, 1984, [вып.] 25.

17. Марсадолов Л. С. Хронология курганов

нов Алтая (VIII—IV вв. до н. э.). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Л., 1985.

18. Рудаков В. Е. К вопросу о методах дендрохронологического анализа. — СА, 1964, № 2.

19. Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.: Л., 1953.

20. Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.: Л., 1960.

21. Руденко С. И. Скифское погребение Восточного Алтая. — Сообщения ГАИМК, 1931, № 2, февр. [подпись: С. Р.]

22. Ситникайте А. Дендроклиматохронология 1900—1970. Библиогр. указ. Вильнюс, 1978.

23. Чавчавадзе Е. С. Древесина хвойных. Морфол. особенности, диагност. значение. Л., 1979.

24. Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.

25. Ralph E. K., Michael H. N., Han M. C. Radiocarbon dates and reality. — MN, 1973, vol. 9, N 1, aug.

Н. Г. ГОРБУНОВА, Т. Г. ОБОЛДУЕВА

ПОСЕЛЕНИЕ АРАЛ-ТЕПЕ В ФЕРГАНЕ

В 1933—1934 гг. Ферганская экспедиция ГЛИМК и Государственного Эрмитажа, организованная Б. А. Латышиным, обследовала территорию Кызыл-Ярской, Уч-Курганской и Кугайской стеней вдоль нижнего течения р. Нарын в Северо-Восточной Фергане и выявила густую заселенность этого района в древности [20, рис. 93].

В 1967—1971 гг. на территории к 3 от ст. Кугай проводила работы Ферганская экспедиция Государственного Эрмитажа и ФОКМ под руководством Н. Г. Горбуновой. За прошедшие десятилетия сельскохозяйственными и ирригационными работами было уничтожено значительное число древних поселений. Сохранились только более крупные — с жесткими конструкциями на высоких стилобатах. Вблизи строившегося Большого Андижанского канала их было три: городище Куюк-тепе (у Б. А. Латынина — Кюль-тепе № 5 [20, с. 124, 125, рис. 98, 99]) и ранее не отмеченные Арал-тепе и Кыз-Мазар-тепе, расположенные в 3—1,5 км к 3 и ЮЗ от Куюк-тепе [10, с. 339, 340; отчет Ю. Е. Березкина (часть отчета Ферганской экспедиции 1967 г.) в арх. ФОКМ и ГЭ].

В настоящей статье публикуются материалы Арал-тепе. Поселение расположено в 3—4 км к ЮЗ от ст. Кугай на узком перешейке между двумя современными каналами. Оно представляло собой подквадратный в плане холм высотой 5 м и диаметром 23—24 м. Его края и особенно углы были сильно разрушены в результате выемки земли. Раскопками открыто прямоугольное в плане здание площадью 18,5×23 м (по реконструкции), ориентированное углами по сторонам света (рис. 1, 2). Так как углы не совсем точно совпадают с направлениями сторон света, для удобства в дальнейшем будем называть не «юго-восточная», а «южная» и т. д. Здание стояло на высокой платформе из крупных тяжелых кирпичей из глины без примеси самана, положенных на толстой промазке раствора (тоже без самана). Кирпичи размерами 38—40×34—35×8—10 см не очень правильной прямоуголь-

ной формы с утоншающимися печетками краями напоминают гували. Северный край платформы был четко зафиксирован на расстоянии 3,2 м от наружной — северной стены здания. Здесь платформа была прослежена от уровня пола (2,8 м) до глубины 5,9 м, где кладка уже кончалась. В западной своей части платформа образовывала прямоугольный выступ под основание угловой западной башни. С южной стороны платформа сохранилась от уровня 4,4 м на расстоянии около 3 м от наружной южной стены здания. На глубине 6,4 м ее подстилал слабый культурный слой, а под ним комья глины. Здесь был также прямоугольный выступ под основание восточной башни. Южный угол платформы почти разрушен, были прослежены грани кладок неясного назначения. В восточной части платформа сильно оползла, но в разрезах этих оплывов прослежены уступы кладок, как бы спускающиеся к каналу.

Здание состояло из центрального большого помещения (№ 3), четырех окружающих его узких боковых галерей (№ 4, 8, 9 и 10) и четырех (?) прямоугольных башен, из которых четко сохранились три (1, 2, 6).

Центральное помещение (№ 3) размерами 6,65×6,55 м, стены высотой 2,6—2,8 м, толщиной 65—70 см, хорошей сохранности. Сложены поясами из комьев сырой глины, оштукатурены глиной с очень небольшой примесью самана и песка и местами закончены. В южном углу часть стен повреждена. Вход находился в южной стене (3) близ восточного угла. Ширина проема 85 см, края его сильно округлены, высота, вероятно, 1,6—1,8 м. Слева от входа рядом с ним внутрь помещения отходила под прямым углом короткая (2 м) невысокая (1,7 м) защитная стенка-ширма толщиной 40 см, слегка загибающаяся влево. Торцовый конец ее и верх закруглены. Эта стенка, как и перх ее и прилегающая к ней часть южной стены помещения, была закончена. В углу, образованном южной стеной помещения и защитной стенкой, у основания

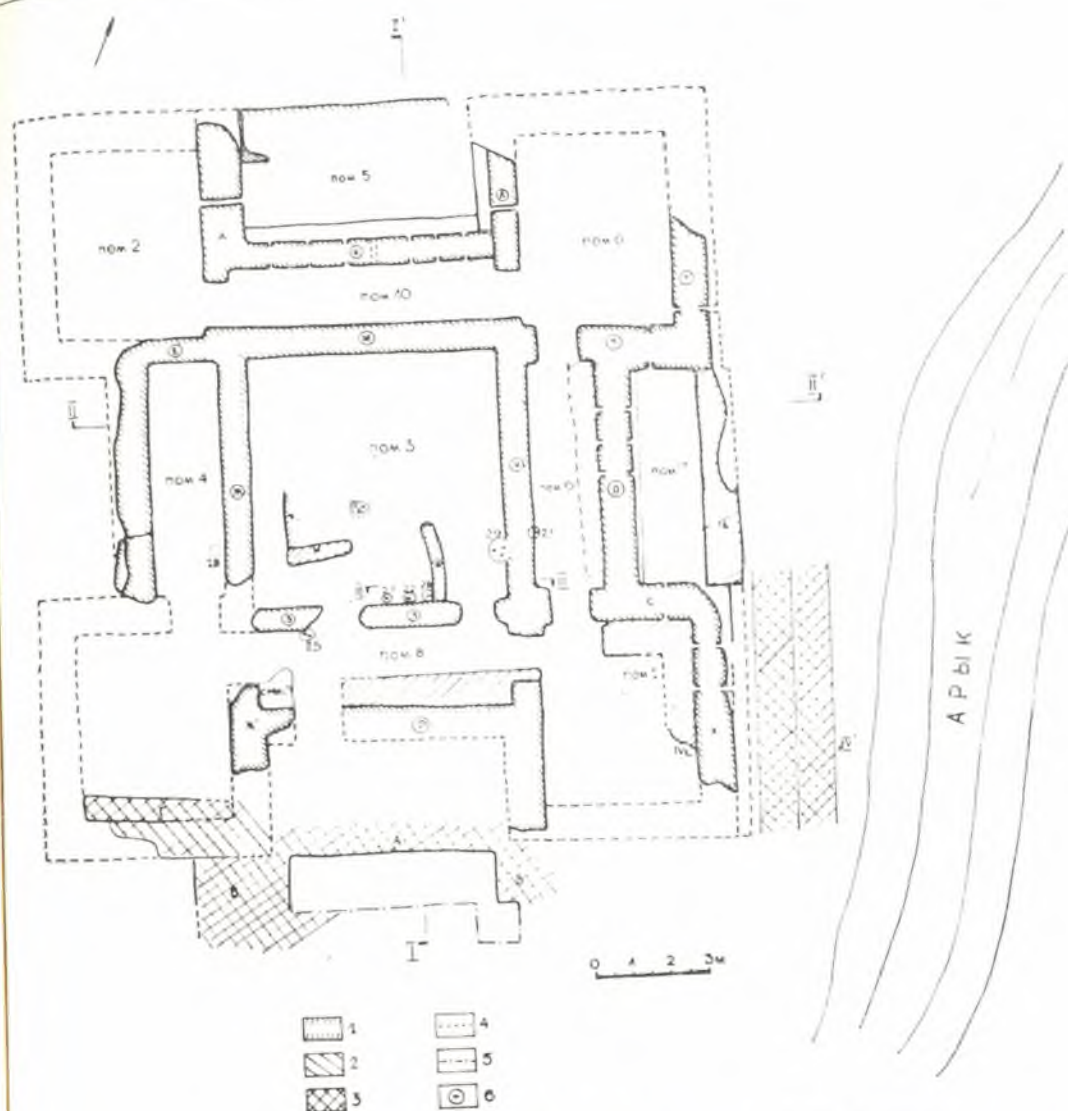

Рис. 1. Арал-тепе. План. (Граф. реконструкция Н. Г. Горбуновой)
1 — стены I периода; 2 — стены II периода; 3 — кладка на уровне ниже пола; 4 — реконструируемая часть; 5 — границы раскопа; 6 — зольники и очаги

последней на полу были остатки небольших очажков, в одном из которых лежал миниатюрный глиняный сосудик (рис. 6: 15). Пол находился на уровне 2,8 м, он четкий, с беловатыми, зольными и горелыми пятнами на поверхности, с углисто-красными пятнами кострищ. Подмазка пола возобновлялась несколько раз, общая его толщина — до 10 см.

Близ входа в помещение у подножия восточной стены находился большой очаг, частично врезанный в стену, заполненный очень большим количеством золы из тростника или травы. Очагом этим пользовались долго, и образовался большой зольник. Здесь было довольно много фрагментов керамики. Чуть

подалее от входа у этой же стены был еще очаг, от него хорошо сохранилась вертикальная глиняная стеночка, ограничивавшая промазку пола. Углубление за ней было заполнено золой от шелухи или зерен растений. В центре помещения под слоем верхних промазок пола выявлен очень хорошей сохранности очаг с обожженными стенками и дном. В плане он овальный, с прямо срезанным одним концом, размерами 48×34 см при глубине 12 см, стенки вертикальные, толщиной 5—6 см (видимо, сандал).

Вход в помещение № 3 был из прилегающей к нему с юга галереи (помещение № 8), размерами 6,5×2,1 м, пол на глубине 2,8 м.

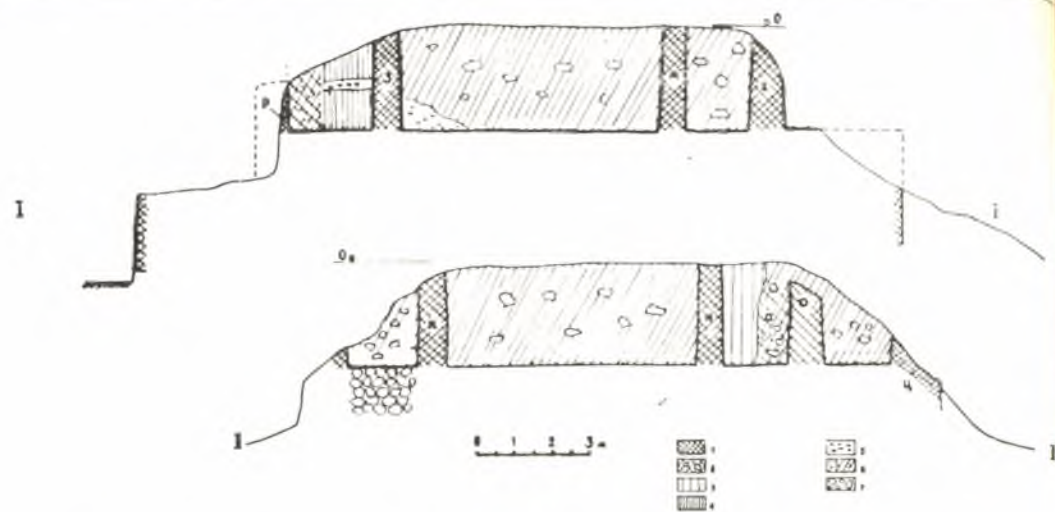

Рис. 2. Арал-тепе. Разрезы I—I и II—II

I — стены основного здания; 2 — стены, встроены внутри помещения; 3 — завал; 4 — плотный завал; 5 — лоджия; 6 — забутовка; 7 — гувалья

Западный (торцевой) конец помещения разрушен, сохранился южный угол поперечной стены толщиной 75 см и высотой 1,1 м, к которой примыкали остатки суфы (?) высотой 15—20 см, шириной около 90 см. Не исключено, однако, что это не суфа, а часть закладной стенки следующего периода. Рядом в южной стене (P) был общий вход в здание. Высота прохода 1,2 м, ширина 1,4 м, длина 1 м, что соответствует средней толщине наружных стен здания. В восточном конце помещения был проход в восточную башню, оформленный боковыми выступами. В завале помещения найдены фрагменты керамики и часть цилиндрической очажной подставки (рис. 9: 9).

Помещение № 9 прилегает к центральному с востока. Размеры его 6,1×1,7—1,8 м, пол на уровне 2,8 м. Стены пахсовые. Внешняя (восточная) стена *В* сверху толщиной 80—90 см, внизу — 1,15 м, с уклоном наружу. Сохранившаяся высота ее 0,8—2,4 м. В верхней ее части сохранились размытые углубления (возможно, от балок деревянного перекрытия). В северной ее половине прослежены три бойницы на двух уровнях: две над самым полом и одна около 60 см над полом. Устройство их аналогично устройству бойниц в помещении № 10 (см. ниже). Вероятно, их тоже было 6 или 7, но южная часть этой стены сохранилась плохо. В северной (торцевой) стене находился (позднее заложенный) проход в северную башню, перекрытый деревянной балкой. Его высота 1,4 м, ширина 1—1,15 м; оформлен двумя боковыми выступами. Высота стены здесь 2,5—2,6 м, толщина 1 м. В южной стене проход шириной 1 м, тоже

оформленный выступами, вел в восточную башню.

Помещение № 10 (северная галерея) сохранилось лучше других. Размеры его 6,5×1,7 м, пол на глубине 2,7 м, стены пахсовые. В западном и восточном концах находились проходы и башни, оформленные выступами шириной 25—30 см. Северная стена (K), толщиной в верхней части 70 см, расширялась внизу до 1,2 м. Сохранившаяся ее высота — от 60 см до 1,6 м. В стене раскрыто шесть бойниц, расположенных в шахматном порядке на двух уровнях: четыре нижних, в 30 см внутри от пола, и две верхних — в 70 см от пола (рис. 3). Расстояние между бойницами — 70—80 см. Так как между сохранившимися верхними бойницами расстояние 1,6 м, то не исключено, что здесь была еще бойница: стена здесь разрушена, но какая-то щель (видимо, нижняя часть бойницы) была. Изнутри бойницы прямоугольной формы, 30—40 см высотой при ширине 10 см. Снаружи створ их увеличивался до 90—100 см, и они имели стреловидную форму. Треугольная часть образована двумя наклонно поставленными кирпичами. На расстоянии 40 см от плоскости стены она закрыта кирпичами, поставленными на ребро (рис. 4). Бойницы обоих уровней имеют наклонные лотки с углом падения 20° и 30° в нижних бойницах (и верхних не установлен). Из бойниц верхнего ряда виден край платформы и пространство за ней, из бойниц нижнего ряда — только плоскость платформы. Шурф, заложенный у восточной бойницы, показал, что стена как бы встроена в платформу, так как тяжелые массивные гувалья лежат вперевязку (рис. 4). В помещении № 10

Рис. 3. Арал-тепе. Северо-западный фас. Общий вид.

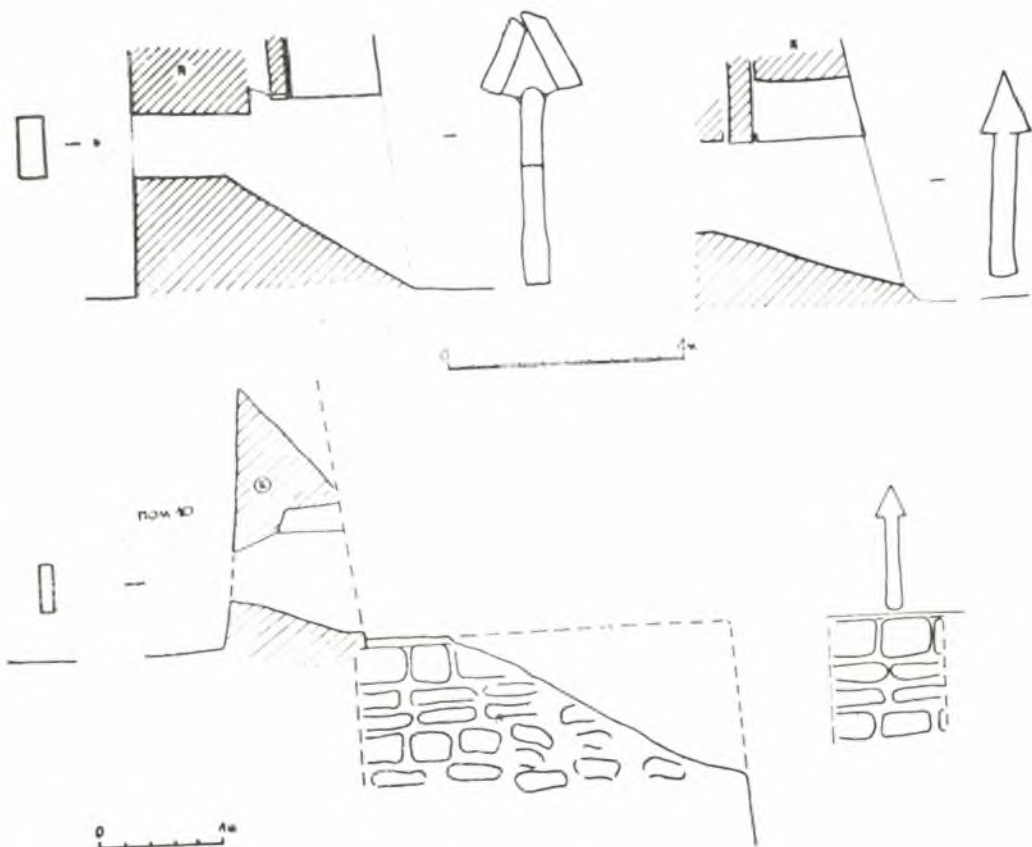

Рис. 4. Арал-тепе. Бойницы

над полом в завале найдены обломки керамики, немного костей животных.

Помещение № 4 расположено с запада от центрального помещения. Сохранившаяся длина 6,2 м, ширина 1,7 м. Северный конец глухой, прохода в западную башню нет, стена здесь сооружена, видимо, одновременно со стеной Ж центрального помещения. Последняя сложена из обломков пахсы высотой около 40 см, основание ее лежит на 40 см ниже пола. Наружная стена помещения № 4 толщиной около 1 м сохранилась лишь на 30—50 см высоты. Она сложена из крупных пахсовых блоков высотой 18—20 см, возможно,

что близ ее северного конца в ней были остатки бойницы. Пол хорошо выражен (на уровне 2,8 м), плотный, в юго-восточной части, у стены Ж, был очаг-кострище. В насыпи над полом найдены обломки посуды, в том числе от миски, покрытой блестящим темно-красным ангобом, с фигурной ручкой (типа рис. 6: 4).

Из угловых башен лучше всего сохранилась северная (помещение № 6). Размеры ее внутреннего помещения известны определено только от стены Л до стены Л—1,2 м. Учитывая нижнюю толщину стены Л—1,2 м и стены Т—1,15 м, получим один наружный

размер башни — 6,15 м. Второй размер можно реконструировать следующим образом. Платформа здания выступает от наружной стены помещения № 10 на 3,2 м, что соответствует, как можно предполагать, выступающим стенам северной и западной башен. Восточная стена (Д) западной башни сохранилась на длину 2,2 м. И в этом месте к ней примыкает встроенная позднее стена помещения № 5, параллельная стене К. На таком же расстоянии от угла стены О (помещение № 9) находится, тоже встроенная позднее, стена помещения № 7, причем толщина последней около 1 м. По-видимому, и встроенная стена помещения № 5 была такой же толщины. «Достраивая» стену Д с учетом толщины стены помещения № 5, мы и получаем торец стены Д почти на краю платформы. Остающиеся еще 20—25 см, по-видимому, выступали и перед наружной стеной башни. В результате стена Д получается длиной около 3 м, а с учетом толщины стены К — немногим более 4 м. Такой же длины была и стена Л. Противоположная ей стена Т дает возможность полностью установить вторую длину стены башни — 7 м.

Таким образом, внешние размеры башен были 6×7 м, а внутренние — 3,8×4,6 м. Установленные размеры позволяют предложить реконструкцию башен по всем четырем углам здания (рис. 1).

Пол в северной башне плотно натоптан, на нем много пятен золы, в том числе большие золыстые пятна в восточном углу и в центре. Стены сложены из пахсы полосами высотой 30—40 см и оштукатурены глиной с саманом. В стенах по одной бойнице, устроенных так же, как в помещении № 10. Лоток бойницы опускается к стене Л под углом 20°, к стене Т — под углом 30°. Наряду с описанным выше проходом из помещения № 9, второй такой же проход вел в помещение № 10.

Восточная башня (помещение № 1) очень сильно разрушена, от нее сохранились: западная стена длиной около 4 м, северная (С) с проходом в помещение № 9 шириной 1 м и часть восточной (Х) на длину 3 м. Сохранившаяся высота стен — 1,5—1,7 м. Стены сложены из рядов пахсы высотой до 50 см и оштукатурены. В стенах С и Х были бойницы: в стене С на высоте 30 см от пола, в стене Х одна — на высоте 40—45 см, другая — на высоте 1 м (рис. 8). Пол был на глубине 2,8 м, очень четкий, но сохранился только в северном углу башни. С севера и северо-востока к башне примыкали какие-то наружные кладки, образовывавшие сплошной массив, назначение которого неясно.

Западная башня (помещение № 2). От нее сохранились на 2,2 м в длину стена Д толщиной 1,2 м с проходом в помещение № 10 в часть южной, длиной 1,5 м, толщиной 65 см и высотой 0,5—2 м. В стене Д сохранилась нижняя часть бойницы с наклонным лотком. Проход в помещение № 10 шириной 1,2 м, высотой 1,3—1,5 м. Боковые его стены образуют как бы устои, опираясь на которые, выше лежат, слегка нависая, крупные гувалы, а самая верхняя часть его перекрыта бесформенными кирпичами, частью, возможно, небольшими блоками, напоминая арку свода, хотя скорее всего это просевший заклад.

От южной башни ничего не сохранилось. Остатки кладок в южном углу здания, видимо, являлись ее фундаментом.

Таким образом, первоначальное здание представляло собой укрепленную постройку (зámok?) с большим помещением в центре, боковыми обходными (кроме помещения № 4) галереями и прямоугольными башнями по углам (рис. 5). Вход в здание был с Ю, и оплывшие массивы кладок с этой стороны, возможно, были лестницей или пандусом для подъема наверх, сперва в «вестибюль», а затем в помещение № 8 и далее. Причем направление наружного входа и входа в центральное помещение не совпадают, создавая дополнительную преграду входящим.

Галерей и башен могли иметь плоское перекрытие, так как их пролеты были не шире 4 м [5, с. 114]. Сложнее обстоит дело с центральным помещением. Для плоской кровли здесь необходим был хотя бы один ряд столбов, от которых не сохранилось никаких следов. Но прекрасная сохранность стен и пола, очаги у входа и очаг типа сандала в центре свидетельствуют в пользу того, что это было помещение, а не двор, а столбы (или один центральный столб) просто полностью истлели. Этот вопрос мы вынуждены оставить открытым. Пахсовые стены галерей и башен были пронизаны стреловидными по форме бойницами, которые, однако, учитывая закрытую стреловидную часть, были, по сути, уже щелевидными. Расположение бойниц, особенно тех, что начинались всего в 20—30 см от пола, вызывает сомнение в их назначении. Из них практически, учитывая наклонные лотки, стрелять было некуда. Скорее всего они были ложными, играли вентиляционную роль и, возможно, служили для «устрашения». Из верхнего же ряда бойниц можно было обстреливать только уже подступившего к границе цоколя врага. Учитывая число бойниц верхнего ряда в помещении № 10, а здесь их, видимо, было три, в трех боковых помещениях было 9 «работающих» бойниц (в помещении № 8, воз-

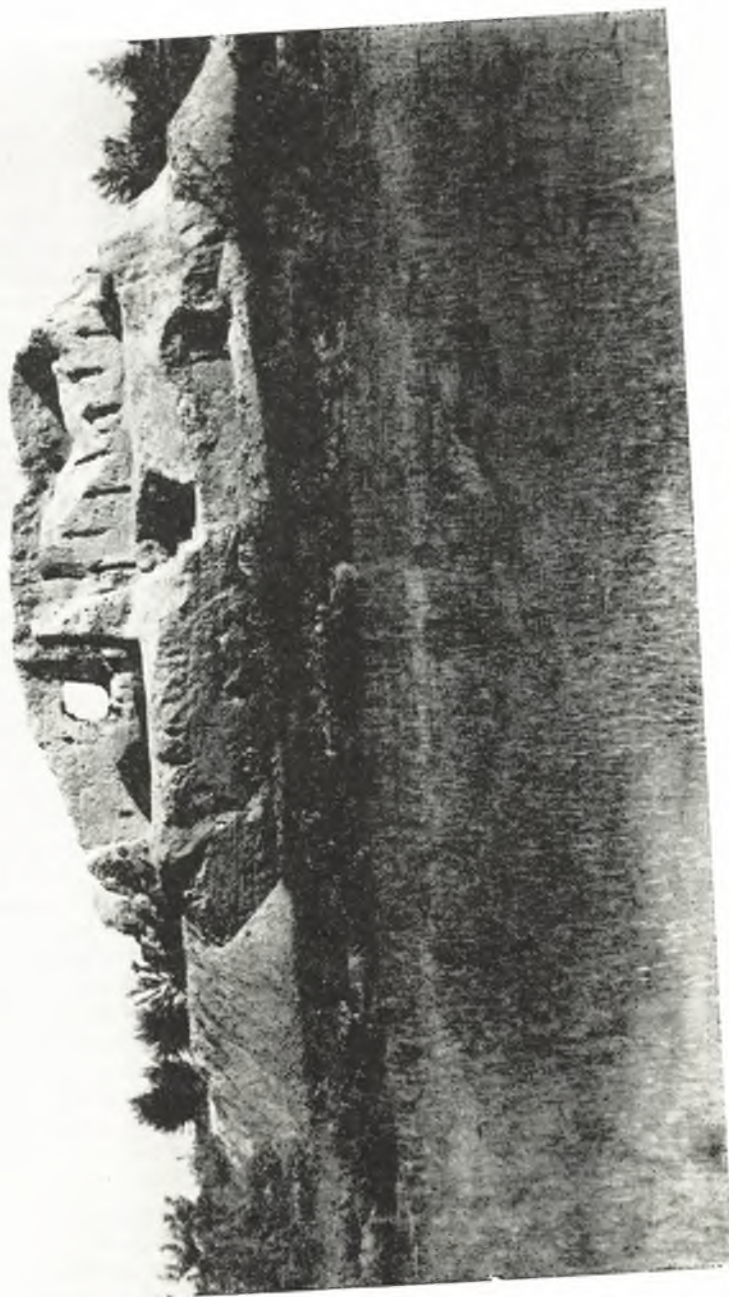

Рис. 5. Арал-тепе. Общий вид с севера

можно, их не было — никаких следов не осталось). В башнях (судя по восточной стене восточной башни, где было две бойницы) в более длинных стенах могло быть по две бойницы, одна из которых располагалась в верхней части. Иными словами, было еще 4 бойницы верхнего пояса, из которых можно было стрелять. Кроме того, в фасадах башен, не обращенных друг к другу, перед которыми уже не было плоскости платформы, «работать» могли и нижние бойницы, то есть примерно 7. Всего можно было использовать для обстрела примерно 20 бойниц. О том, что не обязательно каждую бойницу обслуживал один стрелок, уже отмечалось исследователями [6, с. 44]. Поэтому одновременно для защиты здания нужно было, видимо, почти в два раза меньше людей, но, учитывая необходимость охранять и вход, число защитников могло быть до 15 человек. Встает вопрос, жили ли эти 15 человек здесь, или же это были воины, приходившие сюда во время опасности и защищавшие прятавшихся в центральном помещении жителей. Само здание — явно типа замка — не может нам дать определенный ответ. Так, например, Е. Е. Неразик, анализируя сельские жилища Хорезма, отмечает, что в V—VI вв. в тех из них, которые имеют укрепления, сохраняются старые традиции античной фортификации [25, с. 72]. Однако отсутствие различий в характере помещений, невозможность выделить хозяйственные и жилые, бедность и однообразие инвентаря не свидетельствуют в пользу длительного и интенсивного обживания здания (хотя, судя по этнографическим данным, в домах могла быть и всего одна комната, жилая и хозяйственная одновременно [13, с. 147]). В то же время хорошо натоптанные, неоднократно подновлявшиеся полы, зольники, небольшие кострища как будто говорят в пользу постоянного обитания здесь людей. Отгороженный угол у входа в центральном помещении мог быть местом для женщины, живших здесь временно (в период опасности) или постоянно (семья владельца замка). Можно высказать предположение, что здание являлось «гапханой», домом, где периодически собирались мужчины-воины, а в случае опасности прятались обитатели расположенных неподалеку домов. Не исключено, что здание могло быть и цитаделью несохранившегося поселения.

Первоначальное здание не было просто заброшено. Прослежены периоды как запустения, так и кардинальных перестроек. Причем этот процесс в разных частях здания выглядел по-разному.

В помещении № 3 (центральном) это прослеживается наиболее ярко. На полу лежал на 15—20 см слой запустения — глина с ко-

мьями, печина, угольки, обломки керамики. В дальнейшем все помещение было заполнено закладом из комьев глины, гуваяля, кусков кирпичей на глиняном растворе, но положенном небрежно. Заложено был и вход из помещения № 8. Вдоль западной стены при этом был, видимо, устроен вход наверх — пандус шириной около 1 м, основанием которого служила подпорная стенка в южном углу, частью из пахсы, в основном из гуваяля и коричневатых кирпичей без самана. Он повышался вдоль западной стены к западному углу, потом вдоль северной к северному углу помещения № 3. Заклад был сделан, когда стены были еще в хорошем состоянии. Вход наверх, вероятно, шел уже из южного угла помещения № 3, где был старый пролом, сделанный, видимо, в древности; тогда же здесь был устроен очаг, закопанный и торец пролома стены. От построенного на закладе верхнего помещения сохранился лишь пол, являвшийся современной верхней холма, очень плотный, ровный, размерами 5×6 м.

В южной галерее (помещение № 8) вдоль южной стены была пристроена изнутри дополнительная стенка толщиной 80 см из гуваяля и одновременно повышен пол помещения на 30—40 см, образовав порог у входа в помещение № 3. Некоторое время помещение № 8 стояло открытым, и на этот пол с дополнительной стены натекла глина. Большая часть помещения заполнена завалом. В западном конце помещения поверх завала лежал заклад из гуваяля.

Несколько иначе выглядит картина северо-восточной галереи (помещение № 9). Здесь над полом на 40—50 см был мягкий аморфный слой запустения с обломками керамики, замытый сверху потеками глины. На этом уровне во внутреннюю стену галереи (Н) был встроены очаг. Бойницы были заложены глиной, и вдоль этой стены положен заклад из гуваяля. Проход в северную башню был тщательно заложено. Впоследствии все помещение было довольно небрежно забутовано глиной и комьями, а сверху (до глубины около 1 м) лежала рыхлая засыпка с обломками керамики.

Помещение № 10 было заложено крупными массивными гуваяля, бойницы замазаны глиной. На глубине 60 см на закладе лежал слой кирпича, поверх которого находился мягкий слой с обломками керамики.

В помещении № 4 снизу, до глубины 1,7—1,8 м лежали крупные комья глины (гуваяля) частично с примесью самана, на растворе жидкой глины. Выше лежали пластами кирпичи или гуваяля.

Заложены были также башни северная и западная. В северной башне особенно тща-

тельно был заложено южный угол до наружных краев проходов и сами проходы. Заклад южного угла состоял из более или менее горизонтальных рядов плоских гуваяля типа кирпича без самана. Сверху, может быть, были и кирпичи. Хорошо была заметна вертикальная граница между этими регулярными пластами южного угла и закладом крупными гуваяля или комьями остальной части помещения.

Западная башня вся заложена рядами гуваяля. В восточной башне (помещение № 1) вдоль сохранившихся участков стен были поставлены изнутри, как и в помещении № 8, дополнительные стенки. Заполнение башни осталось неясным, так как грунт здесь был вынут раньше.

На каком-то из этапов перестройки здания в промежутки между башнями были встроены стены и получились как бы дополнительные помещения (№ 5 и 7). Полы их — это выступавшая часть платформы. В помещении № 5 он плотный, утопанный, на нем найден фрагмент края кувшина с процарапанной по ангобу головой лошади (рис. 7; 6); в помещении № 7 пол четкий.

От дополнительной стенки в помещении № 5 сохранился только небольшой участок в западном углу, в помещении № 7 открыта вся стена, толщиной около 1 м. Были ли такие стенки между другими башнями — неясно. Неясно также, были это новые помещения, или стенки играли роль упора для заклада здания. О последнем позволяет говорить отсутствие входов в эти новые «помещения». Одно из них, помещение № 7, оказалось плотно заложеном в восточной части регулярными рядами из кирпичей, а в западной — из гуваяля. На глубине 2—2,3 м прослеживалась поверхность с потеками жидкой глины, как и в помещении № 9, что скорее всего подтверждает предположение об одновременности заклада помещений № 9 и 7 и сооружении стенок между башнями № 1 и 6 как упора для заклада. Все эти перестройки и заклады были произведены спустя не очень много времени после запустения здания.

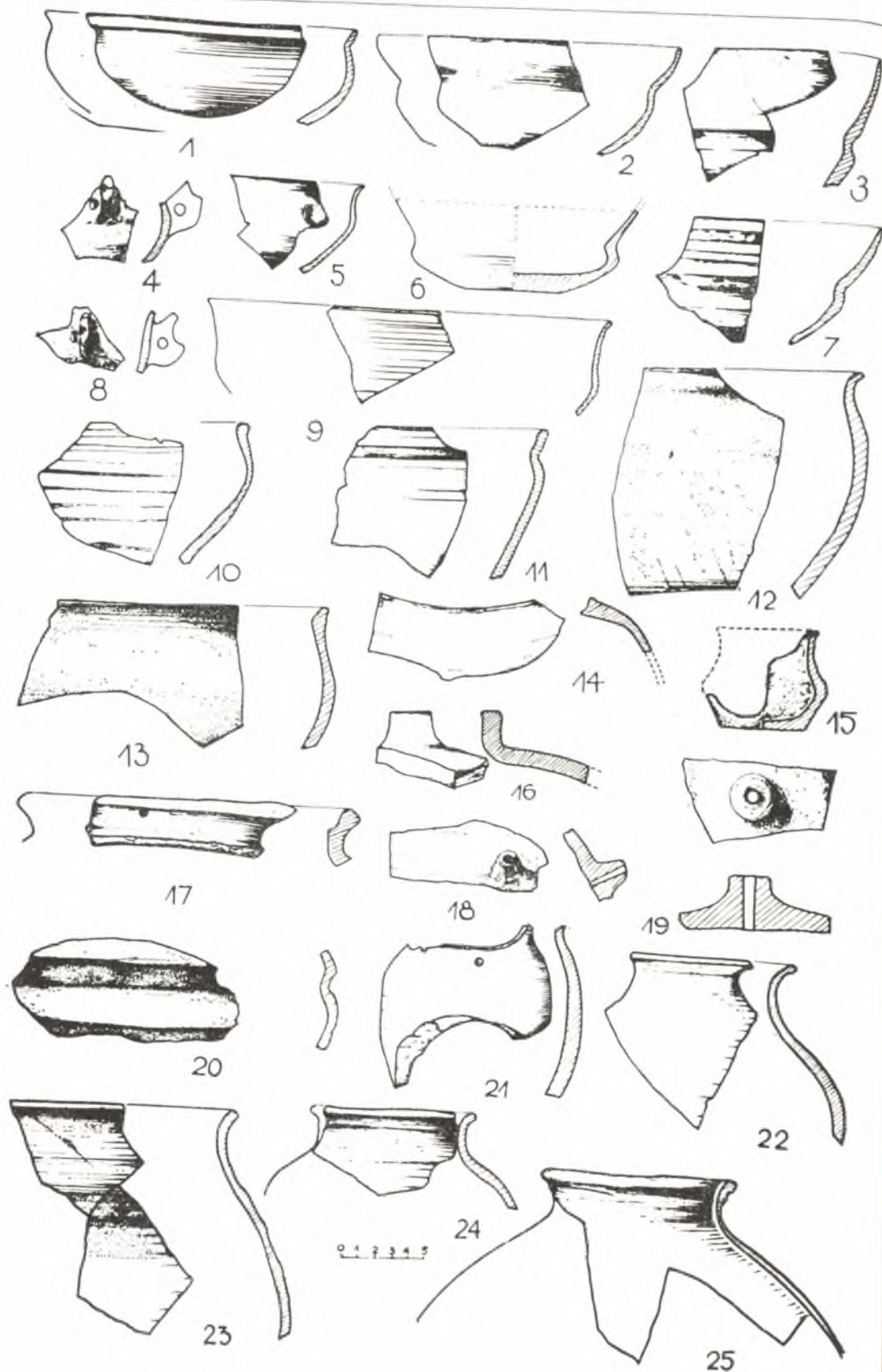
Остаются неясными два выступа, пристроенные к платформе с южной стороны. Они вместе с платформой как бы повторяют часть конфигурации первоначального здания; или это остатки «входа», как отмечалось выше, или, может быть, на самом последнем этапе здание было перестроено по тому же плану, что и первоначальное, составившее его ядро. Такие примеры в архитектуре Средней Азии встречаются неоднократно в V—VI вв. [33, с. 17].

Таким образом, в жизни здания определяются два основных этапа: 1) укрепленная постройка (замок?); 2) перестройки, забутовки, периоды запустения. Все это происходит, возможно, не одновременно, но здание теряет свою оборонительную функцию и постепенно, видимо, используется уже как фундамент для несохранившейся постройки. Хотя не исключена и полная перестройка вокруг первоначального замка.

Материал, полученный при раскопках, — в основном фрагменты керамики, пряслица и каменные орудия. Фрагментов керамики — 315. Из них примерно около 200 позволяют судить о типах сосудов. Что касается распределения по слоям, то к керамике периода первоначального обживания здания отнесены фрагменты, собранные на полах в помещениях № 3, 9 и 10, в зольнике помещения № 3 и в самых нижних слоях завалов над полами этих помещений. Она составляет всего около 80 определенных фрагментов против 220 в слоях заклада. При этом на каждый из выделяемых типов приходится от 1 до 10—20 случаев. В таблице 1 приводятся данные по слоям, причем используются уже известные индексы типов керамики [7, с. 117—125]. Имеющиеся расхождения с цифровыми данными таблицы предыдущей статьи [7, с. 117—125] объясняются более тщательным анализом фрагментов и тем, что теперь учитываются как материалы из слоев (без опливонов), так и фрагменты, которые не дают определенных типов, но могут быть отнесены к классам. В Арал-тепе преобладает круговая керамика, которая составляет около 90%. Она сделана из хорошо отмученного теста, прекрасного обжига, тонкостенная, покрыта красным, реже черным ангобом. Особенно хорошим качеством отличаются миски, которые имеют сплошное зеркальное лощение по темно-красному ангобу.

Из таблицы 1 видно, что половину всех находок круговой посуды составляют миски (в нижних слоях 22%, а забутовке 59%), среди которых превалирует тип I₂, особенно его подтип I₂⁹ (рис. 6: 2). Мисок подтипа I₂⁹ немного, всего 11, в забутовке (рис. 6: 6). Единичны находки подтипов I₂¹¹ (рис. 6: 4, 8), I₂⁴ (рис. 6: 5), I₂⁴ (рис. 6: 1) и I₂⁵ (рис. 6: 11, 12, 13).

На втором месте кувшины (27%). Форма их довольно однообразна: низкое горло, плавно отогнутый овальный в сечении венчик, тулово равномерно расширяющееся, наибольший диаметр в верхней половине тулова, дно плоское, широкое, около дна ножом сделанные подрезы — снимались излишки глины для облегчения веса сосудов. По характеру покрытия выделяются кувшины, поверхность которых на

Таблица

Класс	Тип	№ рис.	нижние слои	слои забут.	всего	
Миски	Ia ¹	6, 1 и 11	3	—	3	
	Ia ⁵	6, 12 и 13	1	2	3	
	Ia ²	6, 2	6	27	33	
	Ia ⁴	6, 5	—	1	1	
	Ia ⁹	6, 6	1	10	11	
	Ia ¹¹	6, 4 и 8	1	2	3	
	Ia ¹²	6, 9	1	—	1	
	Разные		6	87	93	
	Всего мисок			19	129	148
	Горшки	IIa ¹	8, 4 и 6	2	2	4
IIa ²		8, 1 и 2	2	2	4	
IIa ³		7, 5	2	1	3	
IIz		6, 17	4	—	4	
IIz ³		7, 1, 2 и 4	3	7	10	
IIδ		—	—	2	2	
Баночные без орнамента		—	—	1	1	
Баночные с гофрами	6, 20	—	2	2		
Разные			8	20	28	
Кувшины	Всего горшков		21	38	59	
	IIIa	6, 22, 24	10	20	30	
	IIIa ¹	6, 23	13	8	21	
	IIIa ²	7, 3	—	1	1	
	IIIa ⁴	6, 25	8	10	18	
	IIIz	6, 21	—	2	2	
Разные	—	—	2	4	6	
Всего кувшинов			33	45	78	
Всего круговой			73	212	285	
Из нее орнаментированной			17	35	52	
			(24 %)	(15 %)	(18 %)	
Всего лепной			10	22	32	

две верхних трети и даже больше покрыта темным ангобом, тип IIIa (рис. 6: 22, 24). Их большинство. Меньше кувшинов, тулово которых опоясано лентами цветного ангоба с узкой полосой, проходящей по краю венчика, тип IIIa¹ (рис. 6: 23). Почти столько же фрагментов от кувшинов этой же формы, но без ангоба или со светлым ангобом, отдельные фрагменты залощены, тип IIIa⁴ (рис. 6: 25). Среди последних могут оказаться, правда, и фрагменты кувшинов, украшенных полосами. Распределение кувшинов между нижним слоем и забутовкой не дает очень существенного различия.

В слоях забутовки найдены также две «бутылки» — тип IIIz (рис. 6: 21) и фрагмент орнаментированного кувшина IIIa² (рис. 7: 3), а также обломок хумчи с вертикальным

краем (рис. 6: 16) и небольшого сосуда с маленьким носиком (рис. 6: 18).

Горшки составляют 20 % круговой керамики и представлены несколькими типами, количество каждого из которых всего от 1 до 10 экз. (рис. 7 и 8). При этом несколько больше горшков типа IIz³ (рис. 7: 1, 2, 4). К числу орнаментированных относятся почти все типы, кроме типов IIz и IIδ (IIz по форме такой же, как IIz³, а IIδ подобен им, но край утолщен валиком), а также не учтенные ранее горшок баночной формы без орнамента и сосуд с «гофрированной» поверхностью, подобный типу IIIa³ (рис. 6: 20), горшок с загнутым внутрь краем с желобком для крышки (рис. 6: 14).

В целом, орнаментированной круговой посуды 52 экз. (18 %). Найдены также три фраг-

Рис. 6. Арал-тепе. Круговая посуда

1, 3, 4, 7, 8, 10, 11, 16, 18—21, 23—25 — из закладов; 2, 5 — из обливки; 6 — помещение 8, под полом; 9, 12 — 15, 17 — помещение 3, низ завала и пол; 22 — помещение 10, нижний слой

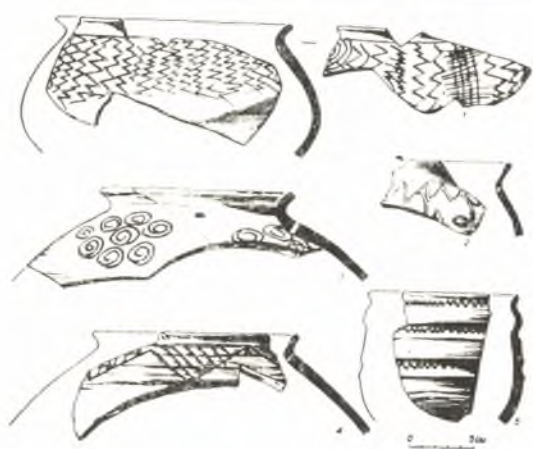

Рис. 7. Арал-тепе.
Круговые горшки с орнаментом
1, 3, 5 — заклад; 2, 4 — помещение 3, пол; 6 —
помещение 5, пол

Рис. 8. Арал-тепе.
Круговые горшки с орнаментом.
1 — овраг; 2, 4 — помещение 3, пол; 3, 5 — за-
клад

мента плоских крышек с проткнутой вдоль ручкой-столбиком (рис. 6: 19) и миниатюрный сосудик (рис. 6: 15).

В группе лепной посуды половина фрагментов относится к числу кухонной: миски с загнутыми внутрь краями (рис. 9: 15) составляют половину фрагментов, с плоским краем только одна; 1—2 фрагмента от кувшинов (рис. 9: 16), горшка, котлов (рис. 9: 14), от одного из котлов (?) сохранилась только плоская горизонтальная ручка (рис. 9: 11); фрагменты сковороды из теста с примесью крупного шамота. Кроме кухонной, имеются фрагменты крупных лепных мисок из плотного теста — стенки со слабым перегибом, покрытым красным ангобом с черными пятнами, и крупных мисок с профилированным краем (рис. 9: 20), кувшина с ручкой (рис. 9: 12), а также хумчей с прямоугольным и овальным в сечении краем (рис. 9: 13, 17, 18, 19).

Очень незначительно число пряслиц — всего 4. Все они глиняные, биконические, покрыты красным ангобом, одна часть имеет нарезки (рис. 9: 1—3). В зольнике у входа в центральное помещение найдена (в обломках) крупная сковорода (?), а может быть даже жаровня для углей. Она прямоугольная в плане, на одном узком краю бортик плавно опускается вниз. Помимо глиняных изделий, найдены каменные, назначение которых неясно. Это, в первую очередь, почти плоский камень в форме вытянутой трапеции с закругленным одним концом и прямым (обломанным?) другим. Размеры его $28 \times 12 \times 7,5$ см, поверхность заглажена, местами почти полирована (рис. 9: 10). Затем часть длинного прямоугольного бруска с гладкими гранями (сохранившаяся длина 14 см, сечение 2 см)

(рис. 9: 4). Оселок $12,5 \times 2,5$ см. Тёрочник (?) или лощилка полушаровидная с тремя уплощенными гранями диаметром 7 см (рис. 9: 8). Кроме того, имеются плоские уплощенно-овальные орудия размерами $10 \times 5-6$, $11 \times 3,5$ и $12 \times 5-6$ см (рис. 9: 5—7). Все каменные орудия найдены в слоях забутовки помещения № 3.

Как видим, большинство керамики и других находок происходит из забутовок здания и относится ко второму периоду его существования. Откуда брали глину для забутовки, остается неясным, не исключено, что из находившихся ранее рядом построек, частично из разрушившихся частей самого здания. Поэтому находки из забутовки, в частности керамика, не отличаются практически от тех, что были на полах. Необходимо отметить, что состав находок довольно беден для постоянно обитаемого жилого здания.

Для датировки Арал-тепе основным материалом является керамика, которая определено относится к среднему этапу кугайско-карабулакской культуры (I—IV вв.) [8, с. 39, 40]. Несомненную близость керамика Арал-тепе имеет с керамикой Куюк-тепе-I, аналогичного Арал-тепе и по устройству оборонительных сооружений. Однако керамика Куюк-тепе-I несколько разнообразнее по ассортименту, процентному соотношению классов и типов (например, кувшинов почти втрое больше в Куюк-тепе, а мисок вдвое меньше). Особенно выделяется большое количество орнаментированных кувшинов (IIIa²) и несколько иной подтип мисок (Ic²), больший процент орнаментированной посуды (26 %, а в Арал-тепе

18 %, хотя в нижних слоях 24 %), большое количество крышек с ручками-столбиками, иные формы хумчей и большее их количество. Несколько отличается керамика Арал-тепе и от керамики из раскопок тепе у ст. Кугай, где так же, как в Куюк-тепе, много орнаментированных кувшинов типа IIIa² [21, рис. 114, 115; 20, рис. 23—25]. Все это позволяет высказать предположение о существовании некоторого временного различия между Арал-тепе и Куюк-тепе-I, но в пределах среднего этапа кугайско-карабулакской культуры. По-видимому, высокое качество мисок Ic² со сплошным лощением и меньшее количество орнаментированной посуды свидетельствуют в пользу несколько более раннего функционирования Арал-тепе, ближе к началу и середине данного этапа (конец II—III в.), хотя некоторая разница в ассортименте может объясняться и различным назначением постройки и меньшей длительностью ее функционирования.

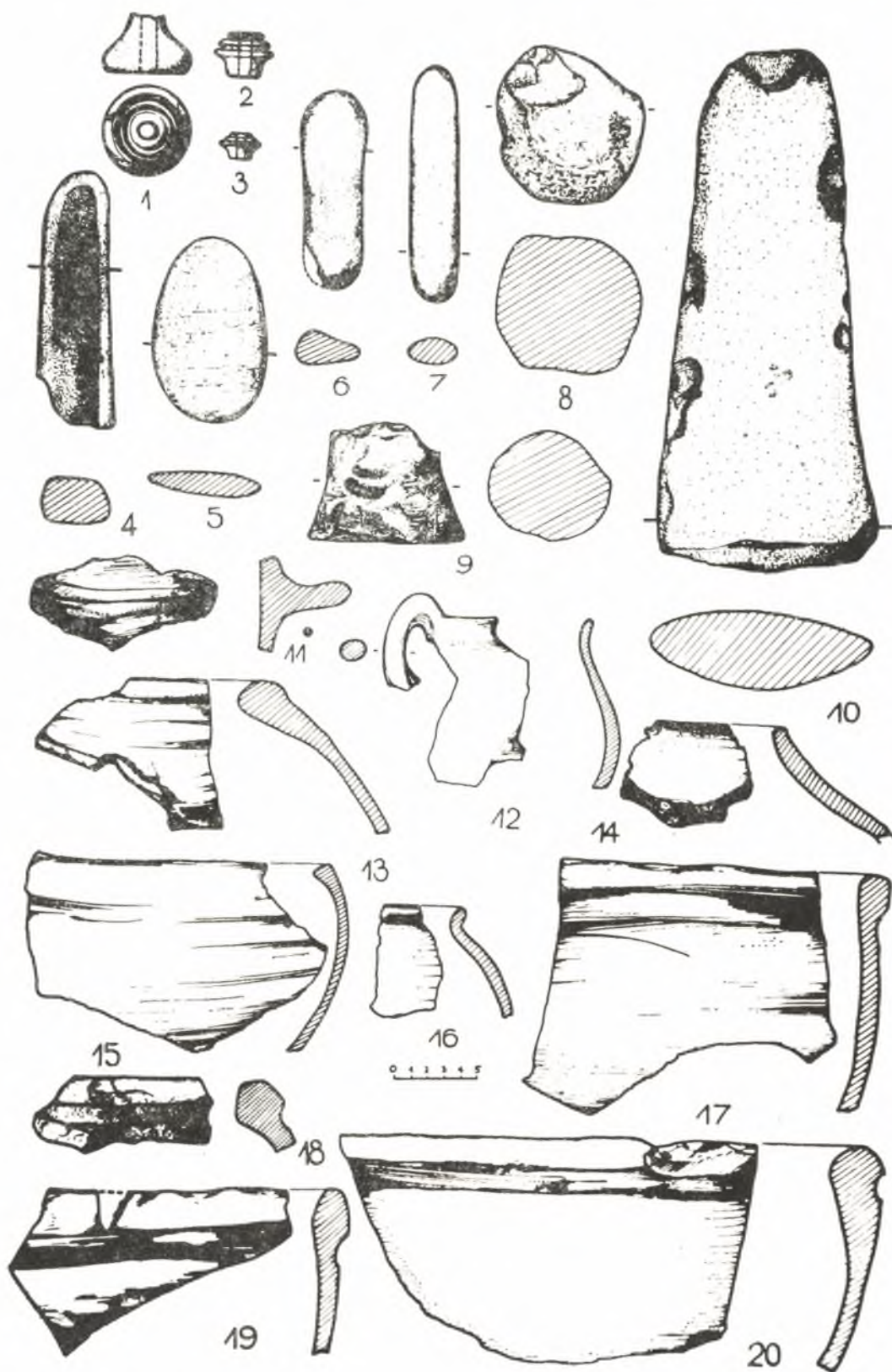
В Фергане имеются еще укрепленные здания с такими же приемами фортификации. Наиболее близким, по-видимому, было первоначальное укрепленное здание Тудан-Калон в Северо-Западной Фергане [32, с. 11]. В устье р. Сох находилась крепость Сары-Курган, в которой была раскопана одна из угловых башен первоначального здания [36, с. 192—199]. Участок стены со стреловидными бойницами был открыт при исследовании усадьбы Кайрагач (в тексте о ней ничего не сказано, есть только фото и рисунок; возможно, это остатки какого-то более раннего здания; сама усадьба датируется IV—VI вв.) [2, с. 16, рис. 28—29]. В Южной Фергане часть стены со стреловидными бойницами открыта Г. П. Ивановым в 1975—1977 гг. на поселении Киткон-тепе. На поселении Арк-тепе центральное здание было укреплено четырьмя прямоугольными башнями со сводчатым перекрытием и стреловидными бойницами. (Раскопки Ферганской экспедиции в 1971—1973 и 1981—1986 гг.) Укрепленное здание Гайрат-тепе в Восточной Фергане имело округлые полые башни по углам и одну подковообразную в центре восточной стороны. По периметру располагались коридорообразные помещения, но бойниц ни в стенах, ни в башнях не прослежено [17, с. 218—238]. На восточной окраине Центральной Ферганы в 1968 г. раскопана цитадель городища Каламыш-тепе с прямоугольными башнями и бойницами в них. Все эти постройки относятся тоже к среднему этапу кугайско-карабулакской культуры, за исключением усадьбы Кайрагач, материал которой больше характерен для культуры Кауинчи, а дата стены с бойницами неясна. В самой Фергане нет истоков для по-

добных оборонительных сооружений, хотя укрепленные поселения известны здесь с эпохи бронзы [14, с. 3—12]. Появление башен определено зафиксировано для IV—III вв. до н. э. Они открыты на городище Эйлатан: прямоугольные, монолитные [26, с. 192, 193, рис. 7]. В то же время в других районах Средней Азии истоки отдельных элементов фортификации, использованные при возведении Арал-тепе, имеются.

История фортификации Средней Азии посвящен ряд работ [6, 19, 23, 29, 30, 34, 39]. Все данные сведены в томе «Археологии СССР» [12, с. 178—457] и охватывают период от эпохи бронзы до IV в. н. э. Основываясь на них, можно отметить, когда в Средней Азии появились отдельные элементы приемов строительства укреплений, интересующие нас в связи с Арал-тепе. Причем эти приемы в определенных периоды являются характерными как для небольших построек, так и для городов [33, с. 16, 17], хотя в последних она может быть более сложной.

Сооружение платформ для постройки зданий известно еще в эпоху поздней бронзы — раннего железа (VIII—VII вв. до н. э.) в Бактрии, например, Кучук-тепе [1, с. 11], и в Ташкентском оазисе (городище Канка) [3, с. 199].

В III в. до н. э. в Мерве на стилобате возводятся стены Гяур-Калы [35, с. 199]. Как характерная черта фортификации Согда IV—I вв. до н. э. отмечается наличие стилобатов, внутренних галерей с плоским деревянным перекрытием и стреловидными бойницами. В это время здесь впервые начинают возводить прямоугольные башни с монолитной нижней частью [37, с. 279]. Примерно в это же время такие башни возводятся в Парфии и Маргиане [28, с. 214; 36, с. 232]. В Бактрии перед рубежом н. э. (и, видимо, в первых веках н. э.) тоже известны оборонительные стены с внутренним коридором, полыми прямоугольными башнями и стреловидными бойницами [24, с. 261]. В Хорезме все эти элементы фортификации появляются в разное время (VI—V вв. до н. э. по I в. н. э.) [38, с. 322—325] и наиболее четко прослеживаются в Топрак-Кала в III—IV вв. н. э. [11, с. 56—69]. Стреловидная форма бойниц известна на Древнем Востоке с VIII—VII вв. до н. э. и продолжает существовать в Иране и в ахеменидский, и в сасанидский периоды [40, р. 5]. Видимо, отсюда и была заимствована форма бойниц среднеазиатскими зодчими, причем в Средней Азии они доживают до раннего средневековья зачастую уже как декоративный элемент [22, с. 92]. Существование в Средней Азии укрепленных усадеб независимо от приемов форти-

фикации известно также с давних времен [4; 18, с. 320; 38, с. 322—325]. Их количество увеличивается к концу кушанского периода [18, с. 342, 343; 25, с. 22], особенно в IV—VI вв. [33, с. 20, 21]. Некоторые из них преобладают Арал-тепе, например, замок Холик-назар конца III — начала II в. до н. э. в Согде [15, с. 246—265] или тоже согдийский замок Фильмандар V—VIII вв. [16, с. 50—52], замок Тиркаш-тепе V—VI вв. на юге Илака [31, с. 292—314] (правда, здесь башни округлые). Бойницы в замках Холик-назар и Тиркаш-тепе, несмотря на значительный хронологический разрыв, в обоих случаях стреловидные, тогда как в Фильмандаре — щелевидные.

Таким образом, все изложенное свидетельствует о том, что ни сам тип отдельно стоящего здания, ни особенности фортификации не дают дополнительных данных для уточнения датировки Арал-тепе, хотя в целом он скорее всего ближе к постройкам позднекушанского времени, что соответствует и предложенной выше дате III в. Анализируя среднеазиатскую фортификацию, Л. Франкфорт полагает характерными для Средней Азии легкие стены и полые башни, так как в большинстве случаев противником были кочевые племена, вооруженные луками и не имевшие осадной техники [39, р. 40]. Это тем более характерно для Ферганы, земледельческое население которой было, с одной стороны, постоянно связано с окрестными кочевыми племенами [9, с. 105], а с другой, видимо, неоднократно подвергалось нападению с их стороны. Ни Арал-тепе, ни Куюк-тепе, ни, вероятно, подобное ему Ак-тепе в поселке Кугай не были последними укреплениями перед предгорьями и не являлись пограничными форпостами. Восточнее находились еще поселения; среди них были, насколько можно судить по внешнему облику, и укрепленные (судя по подъемному материалу, относившиеся к тому же времени, что и Арал-тепе, Куюк-тепе и упоминавшиеся выше другие укрепленные поселения Ферганы). Ввиду отсутствия сведений о политических событиях в Фергане в это время, можно только высказать предположение о том, что какие-то события заставили ферганцев позаботиться об обороне своих земель именно в этот период. А на позднем этапе кугайско-карабулакской культуры (IV—VII вв.) эти укрепления большей частью прекращают свое существование, реже — перестраиваются и усиливаются. Неизвестно, какую роль играли для Ферганы со-

бытия IV—VI веков, связанные с движениями хивитов, кидаритов и эфталтов, но кажется вероятным, что создание укреплений, а затем прекращение их существования определялось появлением новой волны передвижения кочевых племен, втянутых в эти события. Если на Арал-тепе мы не видим очевидных свидетельств сражений и гибели постройки, то на Куюк-тепе следы сильного пожара, разрушений зафиксированы очень четко. Найдены человеческие кости и даже лежавший ничком скелет (убитой?) женщины. Не исключено, что поселение Куюк-тепе, судя по находкам, значительно больше обжитое, представляло и больший интерес для нападающих, в то время как небольшое укрепление Арал-тепе не сыграло существенной роли в сражении либо было легко захвачено.

Подводя итоги, можно сказать, что укрепленное здание на Арал-тепе было построено в традициях среднеазиатской фортификации, скорее всего заимствованной ферганскими строителями из соседнего Согда. В здании вряд ли постоянно жили, оно больше походит на небольшое оборонительное укрепление, где обитали защитники-воины. После каких-то неясных событий рубежа II и III вв. (связанных, видимо, с нападением врагов) оно было заброшено, а затем постепенно перестраивалось, но вряд ли уже играло оборонительную роль.

1. Аскарлов А. А., Альбаум Л. И. Поселение Кучуктепе. Ташкент, 1979.

2. Брыкина Г. А. Юго-западная Фергана в первой половине I тысячелетия н. э. М., 1982.

3. Буряков Ю. Ф., Кошелев Г. А. Ташкентский оазис. Бургулюкская культура. — В кн.: Древнейшее государство Кавказа и Средней Азии. М., 1985 (сер. «Археология СССР»).

4. Воробьева М. Г. Дингильдже. Усадьба сер. I тысячелетия до н. э. в древнем Хорезме. М., 1973 (МХЭ, вып. 9).

5. Воронина В. Л. Архитектурные памятники древнего Пенджикента. — ТГЭ, 1953, т. 2 (МИА, № 37).

6. Воронина В. Л. Из истории среднеазиатской фортификации. — СА, 1964, № 2.

7. Горбунова Н. Г. Керамика поселений Ферганы первых веков нашей эры. — ТГЭ, 1979, [т.] 20.

8. Горбунова Н. Г. Кугайско-карабулакская культура Ферганы. — СА, 1983, № 3.

9. Горбунова Н. Г. Некоторые особенности формирования культур древней Ферганы. — АСГЭ, 1984, [вып.] 25.

Рис. 9. Арал-тепе. Лесная посуда и прочие находки

1, 2, 3 — пряслица из закладов и ослыва; 4—7 — каменные орудия из заклада помещения 3; 8 — терочник из очага помещения 3; 9 — очаговая подставка из завала помещения 8; 10 — каменное оружие, помещение 3, под полом и в зольнике у входа; 11 — помещение 9, слой над полом и на полу; 12, 13, 15, 16, 18 — помещение 3, заклад

10. Горбунова Н. Г., Оболдуева Т. Г. Работы в зоне строительства Центрального Ферганского канала.— АО 1967 г. М., 1968.
11. Городище Топрак-кала. Раскопки 1965—1975 гг. М., 1981 (ТХАЭЭ, [т.] 12).
12. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985 (сер. «Археология СССР»).
13. Жилища А. И. Традиционные поселения и жилища узбеков Южного Казахстана.— В кн.: Жилища народов Средней Азии и Казахстана. [Сб. ст.] М., 1982.
14. Заднепровский Ю. А. Укрепления чужбских поселений и их место в истории первобытной фортификации Средней Азии.— КСИА, 1976, вып. 147.
15. Исаков А. И. Работы Косаторошского отряда в 1975 г.— АРТ, 1975, вып. 15.
16. Исаков А. И. Фильмандарский замок.— УСА, 1970, вып. 4.
17. Козленко В. И. Гайрат-тепе. (К истории поселений Ферганы первой половины I тысячелетия).— СА, 1964, № 3.
18. Козленко Г. А. Заключение.— В кн.: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985 (сер. «Археология СССР»).
19. Козленко Г. А. Парфянская фортификация.— СА, 1963, № 2.
20. Латынин Б. А. Некоторые итоги работ Ферганской экспедиции 1934 г.— АСГЭ, 1961, [вып.] 3.
21. Латынин Б. А. Работы в районе проектируемой электростанции на реке Нарыне в Фергане (Гидроэлектростанция). Отчет о работах.— В кн.: Археологические работы Академии [истории материальной культуры] на новостройках в 1932—33 гг. М.; Л., 1935, [т.] 2 (Изв. ГАИМК, вып. 110).
22. Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Средневековая культура Тохаристана в свете раскопок в Вахшской долине. М., 1985.
23. Массон В. М. К эволюции оборонительных стен оседлых поселений.— В кн.: Археологические памятники Кавказа и Средней Азии. М., 1966 (КСИА, [вып.] 108).
24. Массон В. М. Северная Бактрия.— В кн.: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985 (сер. «Археология СССР»).
25. Неразник Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.).— ТХАЭЭ, 1976, т. 11.
26. Оболдуева Т. Г. О датировке стен Эйлатана.— СА, 1981, № 4.
27. Оболдуева Т. Г. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала.— ТИИА, 1951, вып. 4.
28. Пилишко В. И., Кошленко Г. А. Северная Парфия.— В кн.: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985 (сер. «Археология СССР»).
29. Пугаченкова Г. А. Парфянские крепости Южного Туркменистана.— ВДИ, 1952, № 2.
30. Сабиров К. Оборонительные сооружения древних поселений и городов Средней Азии в VI тысячелетии до н. э.— V в. н. э. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1979.
31. Салтовская Е. Д. Начало раскопок Тиркаштепе.— АРТ, 1978, № 18.
32. Салтовская Е. Д. Северо-западная Фергана в древности и раннем средневековье. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Душанбе, 1971.
33. Семенов Г. Д. Городские стены раннесредневекового города как исторический источник. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1985.
34. Турбеков М. Оборонительные сооружения древних поселений и городов Согда. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1981.
35. Усманова З. И., Филанович М. И., Кошленко Г. А. Маргиана.— В кн.: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985 (сер. «Археология СССР»).
36. Шигин А. Е. Сары-Курган — крепость в Фергане.— СА, 1984, № 1.
37. Шишкина Г. В., Сулейманов Р. Х., Кошленко Г. А. Согд.— В кн.: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.
38. Ягодин В. И., Никитин А. Б., Кошленко Б. А. Хорезм.— Там же.
39. Francfort H. P. Les fortifications en Asie Centrale de l'âge du bronze à l'époque Kouchane. Paris, 1979 [см. рец. Г. А. Пугаченковой (СА, 1983, № 4)].
40. Porada E. Battlements in the military architecture and in symbolism of the Ancient Near West.— In: Essays in the history of architecture presented Rudolf Wittkower. Praeger, 1967.

А. И. СЕМЕНОВ

К ВЫЯВЛЕНИЮ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В КУЛЬТУРЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В настоящей статье на основе изучения архивных материалов и музейных коллекций по-новому интерпретируется ряд памятников, занимающих ключевые позиции в раннесредневековой кочевнической археологии.

Новогригорьевский могильник. Ни одна сколько-нибудь значительная работа по древностям гуниской эпохи не могла обойти материалы, добытые Д. Я. Самоквасовым на р. Конка в 1884 г., по миновавшее столетие так и не выработало единых представлений о происхождении и характере этих памятников. Спорными остаются хронология отдельных комплексов, опыты реконструкции открытых сооружений и даже число исследованных средневековых объектов. Из девяти выделенных раскопщиком «особого вида могил», «отличавшихся... особым устройством и содержанием от всех остальных» [41, с. 132], разные авторы по-своему комплектуют рассматриваемую группу. В работах по анализу инвентаря исследовались лишь три захоронения [16, с. 63; 31, с. 94; 63, с. 136]. Девять могил привлекали М. И. Артамонов [7, с. 17] и А. Т. Смиленко [52, с. 67], восемь могил Новогригорьевки считала аналогиями Вознесенскому комплексу С. А. Плетнева [36, с. 102], о семи писал А. К. Амброс [3, с. 19].

Повинно в такой ситуации и состояние источников. Вещи не публиковались полностью, были переданы в разные музеи, частью утрачены и депаспортизованы. Неизвестными остаются дневники, а рукописный отчет Д. Я. Самоквасова содержит не только полевые наблюдения, но и интерпретацию, причем способ подачи материала не всегда позволяет

достоверно их дифференцировать. В частности, сплошная нумерация объектов в отчете (курганы № 17—25 — могилы I—IX), создающая иллюзию компактного расположения на могильнике, только итог культурно-типологической классификации автора, к тому же ошибочной. Возможность преодоления этой ошибки давали опись находок и план могильника [45, л. 100, 101], но план не издавался, а в отношении состава инвентаря в последовательном ряду переизданий результатов раскопок [41—44] произошла утрата информации, восполнимая только по архивам, не привлекавшимся в литературе для изучения средневековой части могильного поля Новогригорьевки. При выделении курганов № 17—25 в одну группу главным доводом служило их «особое устройство и содержание». В действительности все они не могут быть объединены «по устройству» на основании единственного отмеченного общего признака — присутствия камней, так как расположением камней «курганы» заметно различались меж собой. Отличия в «содержании» еще более определенно свидетельствуют против одновременности. Так, к скифской эпохе относятся курган № 20 (могила IV) с двумя «бронзовыми треугольными наконечниками стрел» и курган № 22 (VI), из которого происходит «половина крупной стеклянной бусы» [45, л. 104—109; 43, табл. IX: 14; 60, таб. XXII: 14]. Амфору из этого кургана сам Д. Я. Самоквасов причислил к вещам, «совершенно сходным с предметами из могил скифской эпохи» [45, л. 97; 42, с. 206]. Труднее датировать курганы № 19 и 21, в которых найдены лишь «черепки разбитого глиняного сосуда» и «разбитая глиняная мисочка» [41, с. 133].— эта керамика отсутствует и в описи

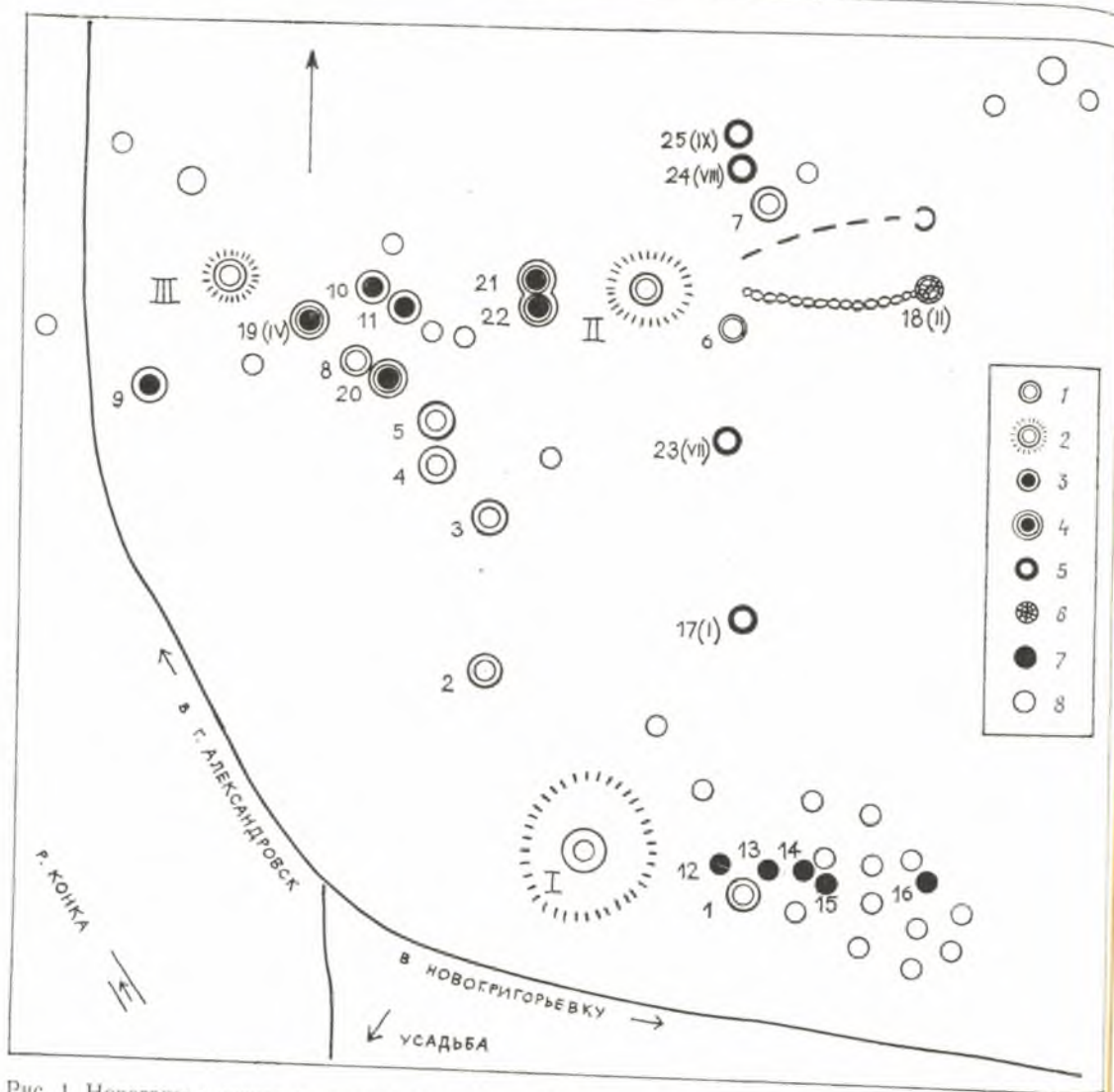

Рис. 1. Новогригорьевское курганное поле. План. По материалам Д. Я. Самоквасова (Архив ЛОИА, ДАК № 20, 1882 г., л. 100, 101)

1, 2 — насыпи с погребениями эпохи бронзы; 3 — насыпи с погребениями скифского времени; 4 — скифские курганы, ошибочно отнесенные Д. Я. Самоквасовым к числу «особого вида могил»; 6 — ритуальная площадка на конце «уса»; 7 — курганы поздних кочевников; 8 — нераскопанные насыпи

Д. Я. Самоквасова, и в коллекции Эрмитажа *. Положением на могильнике эти объекты связываются с его скифской частью (рис. 1) и, вероятно, являются остатками распаханных насыпей скифского времени, содержащих камни [ср.: 41, с. 121].

Остальные четыре кургана с инвентарем образуют меридионально ориентированную цепочку, располагаясь попарно относительно каменной конструкции, связанной с «курганом»

* Приношу благодарность хранителям И. П. Засецкой и А. Ю. Алексеену за любезное содействие знакомству со средневековой и соответственно скифской частями коллекции ГЭ.

№ 18. Устройство этой конструкции исключает лишенный инвентаря «курган» № 18 из погребальных сооружений. Этот объект является каменной площадкой, завершающей с востока идущий от большого кургана II «уса». Вопреки Д. Я. Самоквасову, конструкция в целом отличается от других «особого вида могил»: «Под каменным слоем 45 аршин в окружности не было найдено никаких предметов за исключением угля и жженой кости. С западной стороны его на глубине двух четвертей от поверхности земли обнаружена каменная полукруглая стенка в 2 аршина ширины и две четверти толщины, сложенная из булыжника и битого камня, значение которой

определить трудно, т. к. при откапывании ее до материка никаких предметов не найдено» [45, л. 92; 41, с. 133]. Тем более трудно было определить «значение» памятника читателям — публикации не сопровождались чертежами и полными размерами. Представленный здесь план (рис. 1) изображает типичный для кочевнических могильников Азии курган с «усами». Отсутствие в материалах Д. Я. Самоквасова второго «уса», предположительно восстановленного мной на плане, может иметь два объяснения: 1) его могло и не быть — известны курганы с одним; 2) камни выкладки второго «уса» могли находиться глубже в почве и остались незамеченными. На единственном аналоге в Европе (группа «Три Брата» в Калмыкии) два «уса» при кургане были открыты в интервале в несколько лет [40, с. 115; 50, с. 158, рис. 23].

К сожалению, новогригорьевские «усы» не могут быть узко датированы. Курган, от которого они идут, возник над погребением эпохи бронзы. Подобные сооружения Центральной Азии и Казахстана возведены возле разновременных курганов — от бронзового века до средневековья. Последние особенно интересны для нашей темы как содержащие захоронения, сопоставимые с новогригорьевскими в культурном отношении [6, с. 128; 17, с. 179—186]. Выявляемая планиграфия могильника имеет важное значение для исторической оценки раннесредневековых комплексов Новогригорьевки. Предпринятое А. К. Амброзом «омоложение» хронологии вызвало по большому числу памятников скептицизм коллег, в ряде случаев оправданный. Новая дата для кургана № 23 (могила VII) — VII в. н. э. [5, с. 115] разрушает представления о культурном и хронологическом единстве раннесредневековой части некрополя [ср.: 15, с. 89; 59, с. 84], но «омоложение» комплекса находит подтверждение и в его отдаленности на могильнике от наиболее ранних могил VIII и IX (рис. 1), и в его близости к кургану № 17 (могила I), относительно поздняя дата которого не вызывает сомнения (рис. 2).

Курган № 17 помогает устранить недоразумения, возникшие в интерпретации раннесредневековых памятников Новогригорьевки. Он был раскопан первым из девяти «особого вида могил», и Д. Я. Самоквасов недостаточно критично перенес на остальные объекты его усредненные характеристики (не всегда им свойственные). Другой причиной долго существовавших заблуждений являлась утрата информации о важных находках. Эти обстоятельства делают необходимым воспроизведение рукописного отчета по кургану № 17: «Особый вид могил, в первый раз

встретившийся в моей практике, представляют собой 9 могил, не имевших курганных насыпей... Эти могилы представляют собой круглые, ровные пятна от 15 до 40 аршин в диаметре, помещающиеся на распаханных полях, но обходимые плугами пахарей, а потому поросшие дикими растениями... На всем пространстве этого пятна (курган № 17. — А. С.), за исключением центральной его части, имевшей около 8 аршин в диаметре, при посредстве стального щупа обнаружен слой камня на глубине двух четвертей от поверхности... Я очистил каменный слой от покрывавшей его земли, вынул камень на всем пространстве пятна и всю землю под ним до глинистого материка, лежащего на глубине пяти четвертей от поверхности пятна. При расчистке в центральной части пятна, не имевшей камня, найдены железное стремя оригинальной формы, железное кольцо со стержнем, глиняный продырявленный шарик и несколько обломков тонких золотых бляшек. Под слоем камня, имевшим около двух четвертей толщины, состоящим из булыжника и колотых кусков, попадались уголь, обугленные кости человека и лошади, в восточной стороне пятна найдены хорошо сохранившиеся наконечник копыта и две квадратные бронзовые узорчатые бляшки. Ясно было, что в исследованном пункте помещалась могила с остатками трупосожжения, главное содержание которой было вынута в давнее время посредством раскопки центральной части могилы» [45, л. 91].

Присутствие восьмеркообразного стремени (рис. 2: 4) открывало возможность уточнения даты позднейшей из «могил», но упоминание предмета было утеряно в переизданиях текста рукописи [42; 45]. Из кургана № 17 была опубликована лишь одна из двух, штампованных с одной матрицы, бронзовых позолоченных бляшек [43, табл. IX: 13; 60, таб. XXII: 13], но без точного паспорта, к тому же в те времена еще не были известны наиболее близкие аналоги этим бляшкам из восточноевропейских степей — Келеген [54, рис. 1: 2] и Романовская [48, с. 96, рис. 6].

Из кургана № 17 в Эрмитаж не поступили только уголь и кости. Из остальных предметов, указанных находчиком, не идентифицированы в коллекции «обломки тонких золотых бляшек». Вероятно, они смешаны с материалом могил VII—IX. Все прочие вещи (рис. 2) сохранили указание принадлежности кургану № 17. Для нашей темы принципиальное значение имеет установленное даже предварительной широкой датой комплекса: 2-я половина VII в. — возможно, рубеж VII—VIII вв. Новая дата имеет значение для переосмысления не только рассматриваемого памятника.

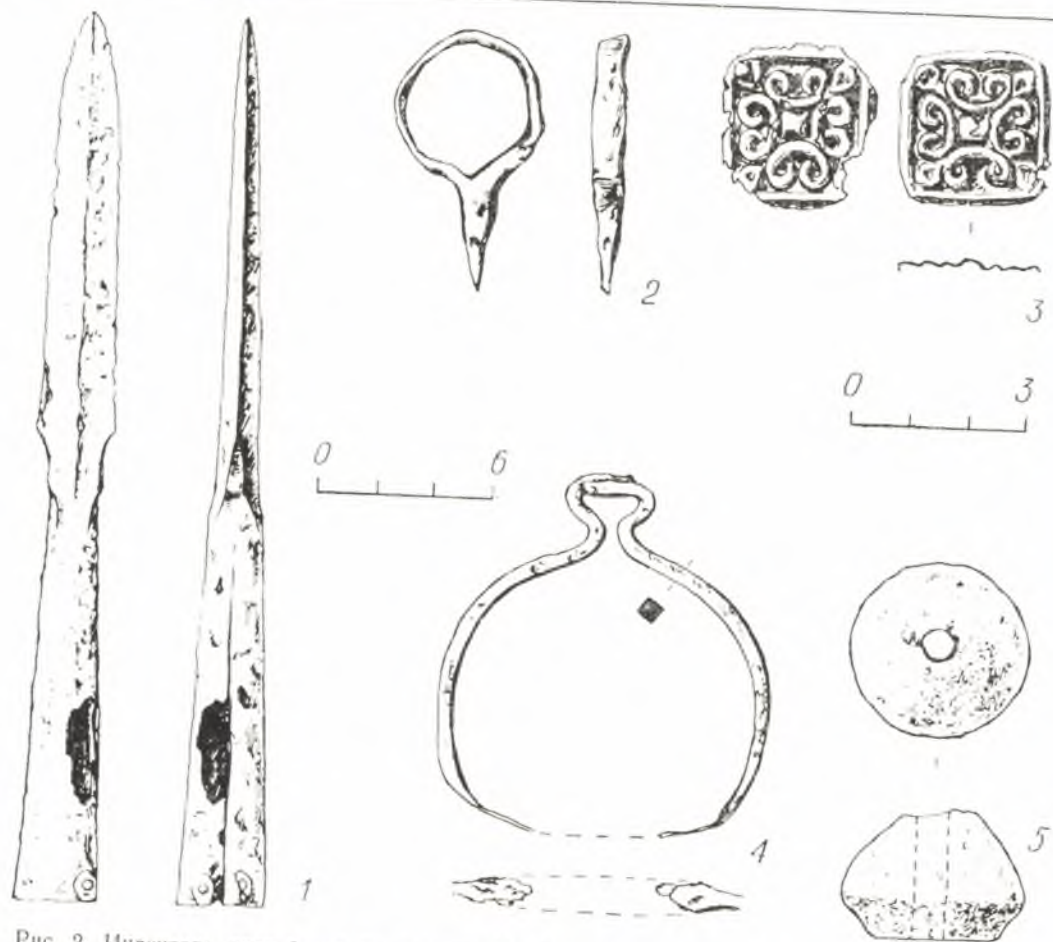

Рис. 2. Инвентарь погребения из кургана № 17 («могила I») на Новогригорьевском поле
1 — железное копье; 2 — «кольцо с шилом»; 3 — тисненые бронзовые позолоченные пластины; 4 — фрагмент
железного стремени; 5 — керамическое пряслице

Она подтверждает, между прочим, интуитивный вывод С. А. Плетневой — единственного исследователя, коснувшегося новогригорьевских материалов непосредственно в контексте хазарской археологии, точнее салтово-маяцкой культуры. С. А. Плетнева еще до знакомства с планом могильника связала его с тюркоязычным компонентом в составе населения Хазарии [36, с. 102]. Вывод о намечающемся в днепровском Надпорожье в VIII в. «центре оседлости» — вознесенско-новогригорьевском районе в настоящее время (при наличии на могильнике всего четырех раннесредневековых комплексов, разделенных к тому же приблизительно двухсотлетним интервалом) можно считать более корректным предположением о неслучайной приуроченности одновременных раннесредневековых сожжений к кургану с явно «азиатской», по существующим представлениям, чертой — с «усами». В этом отношении интересно присутствие погребения хазарского времени и на могильнике «Три Брата» в Калмыкии, где неподалеку от насыпи

с «усами» встречались и «круглые кладки» без каких-либо признаков могил [40, с. 115].

По-видимому, с помощью центральноазиатской аналогии может быть объяснена еще одна редкая по ситуации находка на новогригорьевском курганном поле, где «возле Безчастной Могилы (большой курган I на рис. 1. — А. С.) был выкопан большой гранитный камень, под которым найдена бронзовая ваза, подаренная графом А. Е. Канкриным в Музей Одесского общества Истории и Древностей [45, л. 82; ср.: 20, с. 50].

Вознесенка. Сопоставление новогригорьевских сожжений с Вознесенкой стало традицией [12, с. 17; 36, с. 102]. Теперь, когда два комплекса с р. Конка так значительно приблизились к днепровскому памятнику во времени, некоторые черты обряда и инвентаря Вознесенки кажутся особенно значимыми. Очень важна находка обломка человеческого позвонка, не отмечавшаяся до сих пор в литературе. Поясничный позвонок (определение проф. М. П. Акимова) отсутствует в коллек-

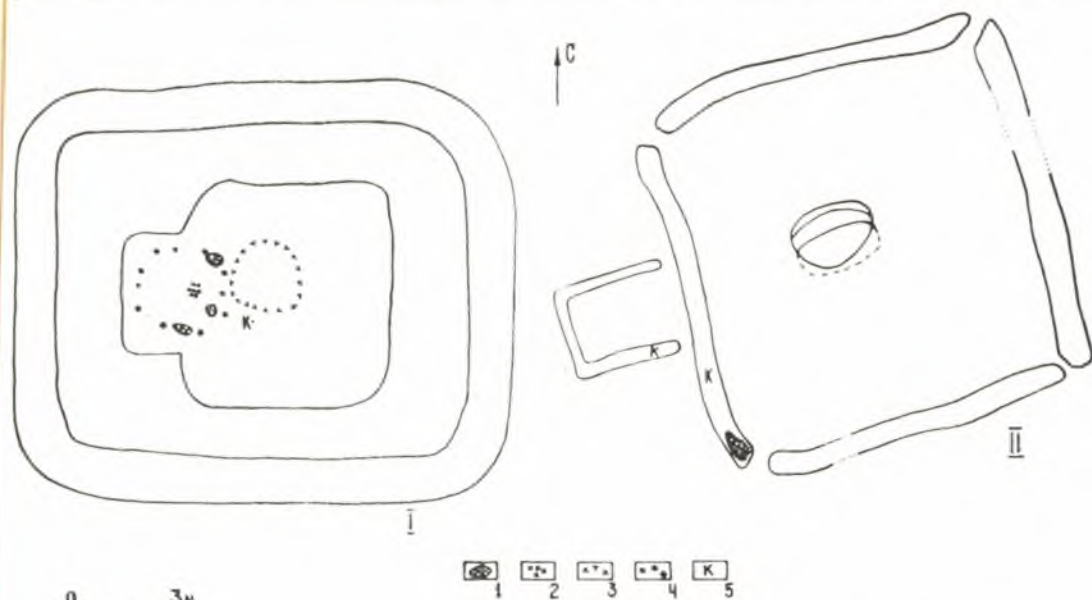

Рис. 3. Совпадение планировочных принципов центральноазиатских и донских памятников

I. Поминальный курган у с. Сарыг-Булуи в Туве (по Л. Р. Кызласову)

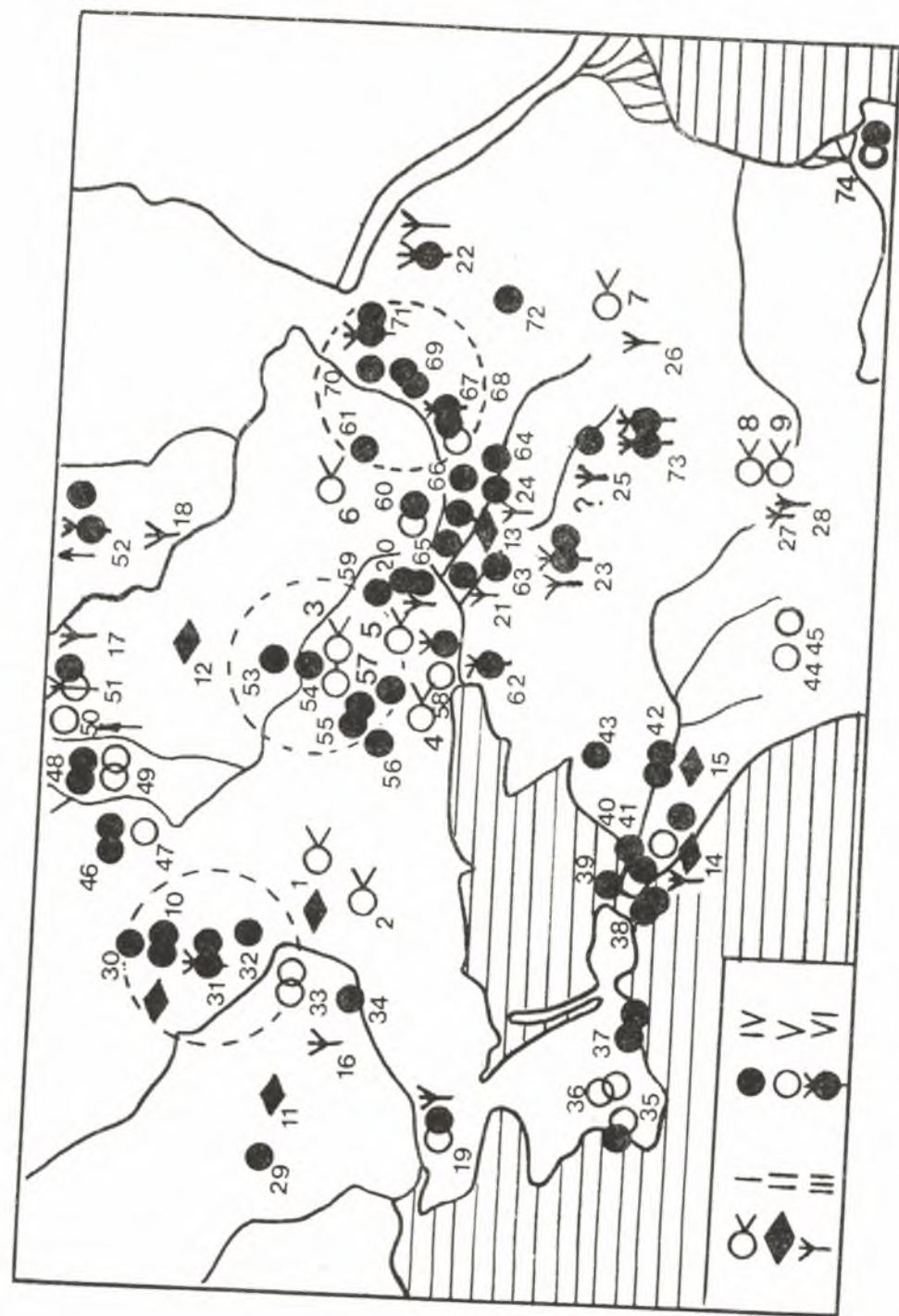
II. Курган № 11 у Соколовской балки под Новочеркасском

1 — кострище; 2 — кости животных; 3 — грабительская воронка; 4 — следы столбов «юрты»; 5 — фрагменты керамики

ции Днепропетровского музея, но в архиве Л. А. Мацулевича есть рисунок фрагмента [29, л. 49]. В. А. Грищенко считал, что позвонок вместе с бляшкой в форме шапочки найдены в норе, но не случайным представляется, что глубина находки совпадает с глубиной, на которую были воткнуты в дно ямы палаша — 0,12 м [12, с. 8—10; 10, № 2119]. Независимо от того, кому принадлежал позвонок, — самому «кагану» или одной из жертв, присутствие среди вещей со следами пребывания в огне человеческих костей сближает Вознесенку с Глодосами и Новогригорьевкой. Сходство с последней усиливает другая черта, на этот раз в архитектурном оформлении. Уже высказывалось мнение о возможном существовании к востоку от вала Вознесенки ряда балбалов по образцу аналогичных поминальных комплексов Центральной Азии [62, с. 43], но принципиальные в этом отношении сведения М. А. Миллера не нашли отражения в реконструкциях последних лет. По М. А. Миллеру, площадка А, на которой располагался Вознесенский могильник, ограничивалась с севера и юга впадавшими в Днепр балками — Московской и Цокуровой. Их вершины соединялись глубоким ровом, перерезывавшим водораздел и укреплявшим возвышенность со стороны степи. Во рву «обнаруживались огромные каменные плиты, назначение которых не ясно, и комья обожженной земли» [30, с. 69]. «По самому ребру водораз-

дела, от восточной стороны вала были обнаружены остатки какого-то сооружения в виде каменной мостовой, которая тянулась до точки пересечения водораздела рвом. Эта полоса, замощенная камнем, была разобрана местными жителями на постройки, и ко времени обследования экспедицией сохранились лишь ничтожные участки, главным образом в средней части, между городищем и рвом» [30, с. 71].

Ров с каменными плитами и протянувшаяся к нему на сотни метров «каменная мостовая» делают еще более грандиозным Вознесенский поминально-погребальный комплекс в целом, но для его интерпретации сейчас особое значение приобретает география аналогий. Вывод о центральноазиатском характере всего комплекса в целом (каменные конструкции над ямой, вал, вымостка) впервые был сделан мною в докладе на Донской археологической конференции в апреле 1976 г. Он основывался на совпадении общих планировочных принципов древнетюркских каменных оградок и более сложных поминально-погребальных сооружений древнетюркской знати с приемами внешнего оформления курганов хазарского времени на Дону (рис. 3). В середине 70-х гг. донские курганы с ровиками подквадратных очертаний были единичны, хотя среди них уже выделялись погребения, связанные с социальными верхами Хазарии [47, с. 182]. К настоящему времени число курганов этого типа заметно

выросло. Представления об их единичности и разбросанности по степи [38, с. 45; ср.: 2; 3, с. 20] оказываются в лучшем случае неточными, причем увеличилось и количество курганов с выразительными аналогиями памятникам Центральной Азии и Вознесенки. Больше стало на Дону курганов с П-образными в плане пристройками, аналогичными планировке дополнительных конструкций древнетюркских оградок; умножились насыпи с квадратными ровиками, лишенные погребений; на могильниках с курганами, опоясанными рвами подпрямоугольных очертаний, открыты синхронные им памятники с каменными конструкциями. На Саловском могильнике исследован комплекс, сопоставимый с Вознесенкой ориентировкой и размерами. Этот курган, с двумя богатыми захоронениями, датированный солидом Льва III, был опоясан рвом подпрямоугольной формы, выходившим далеко за пределы насыпи и расширявшимся в восточной части [19, с. 8, рис. 21]. Сооружение ориентировано большой осью в широтном направлении, размеры рва по главным осям 60×22 м. Близкий по размерам и устройству рва неисследованный курган расположен приблизительно в 20 км к северу от Саловки, в окрестностях ст-цы Романовская — в районе концентрации наиболее богатых комплексов с квадратными рвами

(рис. 4: 7) [48, с. 97]. С Саловкой и Вознесенкой его сближают не только большие размеры рва, но и его вышуклая восточная сторона. Неподалеку находилась и самая большая насыпь хазарского времени на Дону (выс. 3,7 м) — курган из Большой Орловки, не сохранивший сведений об обряде, но отнесенный по облику вещей к трупосождениям [32, с. 109, рис. 1, № 92]. Наличием двух ям, одна из которых перекрывалась плотной каменной вымосткой, сопоставим с Вознесенкой курган № 9 Кашеевского могильника. Комплекс не содержал инвентаря и костей человека, но в одной яме обнаружены кости овцы, а в заполненной квадратного рва и на уровне древнего горизонта находились кости минимум шести особой лошади и одной особи верблюда [25, с. 37—42; 26, с. 123].

Саловский курган дал Вознесенке и редкую для своего времени аналогию технологического приема — первый для хазарского периода Дона случай золотой насечки по железу (клинок ножа) [19, с. 18]. Наличие такого редкого по технике предмета в донском кургане с подпрямоугольным рвом, к тому же особенно близком по размерам и планировке Вознесенке, кажется очень важным для понимания всего круга рассматриваемых здесь памятников с центральноазиатскими элемен-

Рис. 4. Памятники с центральноазиатскими элементами в контексте раннесредневековых кочевнических древностей Юга Восточной Европы

I — курганы с «усами», могилы и поминальные с каменными конструкциями;

II — памятники с инкрустациями;

III — рунические надписи и руноподобные знаки; IV — монеты; V — подражания монетам;

VI — монеты со знаками

- I. 1 — Вознесенка, 2 — Новогригорьевка, 3 — Астахово, курган 4, 4 — Голодаевка, 5 — Соколовская балка, 6 — Кашеевский, курган 9, 7 — Три Брата, 8 — Мокрая балка, 9 — Директорская горка
 II. 1 — Вознесенка, 10 — Малая Перещепина, 11 — Глудосы, 12 — Алексеевка, 13 — Саловский, курган 1, 14 — Дюрсо, 15 — Молдованка
 III. 14 — Дюрсо, 16 — Кривой Рог, 17 — Маяцкое городище, 18 — Казанская, 19 — Келеген, 20 — Кривянская, 21 — Карповка, 22 — Ординский Бугор, 23 — Житков, 24 — Кирово-IV, курган 2, 25 — Великокняжеская, 26 — Кермен-Толга, 27 — Хумара, 28 — Каракент
 IV, V, VI. 3 — Астахово, индикация солида Константина IV (681—685 гг.); 5 — Соколовская балка, курган 11, Лев III (725—732 гг.); 10 — Малая Перещепина — от Маврикия (582—602 гг.) до Констанса II (641—646 гг.); 13 — Саловский, курган 1, Лев III (720—741 гг.); 14 — Дюрсо, подражание, с оригинала Льва III (726—732 гг.); 19 — Келеген, от Юстиниана I (527—565 гг.) до Констанса II (641—646 гг.); 20 — Кривянская, клад, младш. 605/06 г.; 21 — Карповка, курган 5, анонимный дирхем VIII в.; 22 — Ординский Бугор, курган 4, динар 760/61 г.; 23 — Житков-II, курган 4, солид Льва III (717—720 гг.), дирхем 715/16 г.; 24 — Кирово-IV, курган 2, погребение 13, дирхем халифа Махад (777/78 г.); 25 — Великокняжеская, дирхем 764—786 г.; 29 — Печеная, Иракий (613—631 гг.); 30 — Макуховка, Иракий (637/38 г.); 31 — Новые Сенжары, от Фоки (607—610 гг.) до Констанса II (641—646 гг.); 32 — Носифовка, Иракий (613—625 гг.); 33 — Днепровская обл., подражание, с оригинала Констанса II (641—647 гг.), 72 экз.; 34 — Майстров, Иракий (630—639 гг.), из клада; 35 — Чуфут-Кале, Константин V (757—775 гг.), подражание, с оригинала Константина V (741—751 гг.); 36 — Чамбу-Бурунский клад, 7 экз., подражание, с оригинала Льва III (720—741 гг.); 37 — Планерское, солид Константина V (741—775 гг.) с динаром времени халифа Мансура (755/56 г.); 39 — Таманская, Константин V (741—775 гг.); 40 — Джигинское, Юстин I (527 г.); 41 — Джигинское, Лев III (717—741 гг.); 42 — Крымская, клад, Юстиниан II (705—711 гг.); Лев III (717—741 гг.); 43 — Староджерельская, Фока (602—610 гг.); 44, 45 — Каменистая, Мошевая балка, подражания монетам иконоборцев; 46 — Верхнее Салтово, дирхемы (762—814 гг.); 47 — Старый Салтов, подражание, Константин V (741—775 гг.); 48 — Столбыще, Феодосий III (715—717 гг.), Лев III (717—720 гг.); 49 — Дмитриевское, подражание византийским монетам; Лев IV (775—780 гг.); 51 — Левинский клад, младш. 837/38 г.; 52 — Сельное, погребение 1892 г. Иракий (638/39 г.), Константин IV (668—673, 674—681 гг.); 53 — Лимаревка, Юстин I (518—527 гг.); 54 — Луганск, Юстиниан I (527—565 гг.); 55 — Белояровка, Юстиниан I (527—565 гг.); 56 — Тимиревское, Константин V (751—757 гг.); 57 — Миллерово, Феодосий III (715—717 гг.); 58 — Владовый-I, курган 31, погребение 2, подражание, с оригинала Льва III (720—741 гг.); 59 — Крымский, арабский дирхем; 60 — Правобережное Цимлянское, клад, младш. 509 г.; 61 — Чернышковский, Юстиниан I (527—565 гг.); 62 — Азовский музей, Константин V (757—775 гг.); 63 — Козинский-I, курган 18, тремисис Юстиниана II (692—695 гг.); 64 — Большая Орловка, Тиберий III (698—705 гг.); 65 — Потайковский-I, курган 4, Тиберий III (698—705 гг.); 66 — Романовский-I, курган 1, Лев III (720—741 гг.); 67 — Романовская (1884 г.), Константин IV (681—685 гг.), Леонтий (685—698 гг.); 68 — Романовская (1987 г.), курган 3, Констанс II (661—663 гг.); 69 — Подгоренский-IV, курган 14, Констанс II (661—663, 661—663 гг.); 70 — Назавский-II, курган 3, Лев III (737—741 гг.); 71 — Дорофеевский, курган 13, Фока (607—610 гг.), Иракий (613—625 гг.); 72 — Джангар, курган 11, дирхем 721 г.; 73 — Салово, Лев III (737—741 гг.), Константин V (741—751 гг.); 74 — Верхний Цирюрт, солиды Маврикия (582—602) с оригиналом Иракия (613—625 гг.)

тами. Вознесенка содержит наиболее полную серию вещей с золотой инкрустацией: три стремена, несколько кинжалов, удила [29, д. 49]. Поражает конструктивное сходство стремян с насечкой Вознесенки со стременем на Уструшанской фреске с изображением богини на льве [33, с. 183, 193, рис. 8]. Уникальное изображение Уструшаны повторяет не только форму предмета редкого типа, но и специфический орнаментальный мотив, инкрустированный на дужках стремян Вознесенки (рис. 5: 5—7)*. Та же богиня на соседней фреске держит в руках инсигнии с изображениями льва и орла, близкие реалиям, открытым в Вознесенке [33, с. 185 сл.]. Еще более удаленные на восток аналогии находят вознесенский коленчатый кинжал характерной для раннего средневековья Центральной Азии формы, известной и по древнетюркским изваяниям (рис. 6: 5—7). В коллекциях Харьковского и Днепропетровского музеев этот фрагмент найти не удалось, но не исключено, что и он был инкрустирован золотом также, как и другие клинки Вознесенки с оригинальной односторонней заточкой лезвия. Подтверждением может служить тождественная по тех-

нике и узору насечка на фрагментах реставрированного коленчатого кинжала из Глодос, считавшихся прежде обломками клинка сабли [51, с. 24, рис. 19]*.

Существенным обстоятельством кажется совпадение орнаментальных схем инкрустации вознесенских стремян и перекрестия одного из двух однолезвийных клинков Перещепина (рис. 5: 8). Мнение А. И. Айбабина об обкладке его перекрестия золотой пластиной и представление о двухлезвийности клинка [2, с. 191] ошибочны. Близкое сходство орнаментов этих двух предметов, а также более позднего, по-видимому, узора стремена с серебряной инкрустацией из Алексеевки [24, с. 74, рис. 8] позволяет связать с этими памятниками решение важных вопросов. Для днепровских комплексов с инкрустацией уже высказывалось мнение об их связи с тюркоязычным населением [9, с. 128; ср.: 2; 4]. Обращают на себя внимание обилие инкрустированных изделий в близких по времени кремациях Дюрсо, также связываемых с пришельцами из Центральной Азии [13, с. 56], и близость инкрустированного узора удила из трупосожжения в Молдованке орнаменту насечки на вознесенских и алексеевских стременах. находка инкрустированного клинка, подобного позам

* Приношу благодарность В. Г. Бородулину за любезное содействие моим поискам стремена в фондах ХИМ и фотосъемке. Стремена реставрированы в 1935 г. в ГАИМК Н. А. Чернышевым (Архив ЛОИА, П 60495—60500).

* Приношу благодарность А. Т. Смиленко за любезную помощь в знакомстве с кинжалом из Глодос.

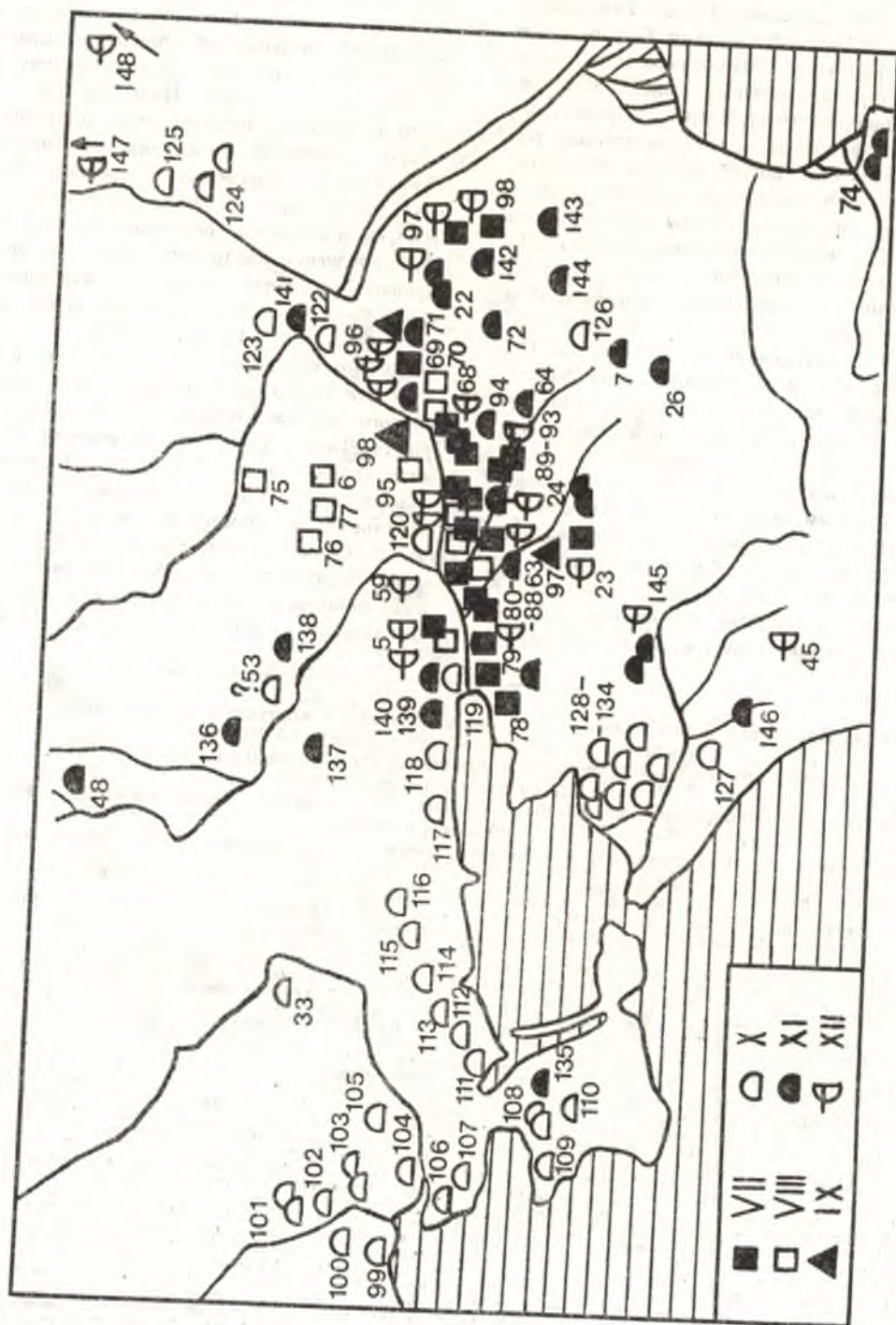

Рис. 4а. Памятники с центральноазиатскими элементами в контексте раннесредневековых кочевнических древностей Юга Восточной Европы. Продолжение

VII — могильники с ровиками подквадратной формы;
VIII — кенотафы с ровиками; IX — отдельные находки раннего средневековья в курганах;
X — впускные погребения болгарского круга; XI — курганные погребения хазарского периода;
XII — луки с обкладками хазарского (центральноазиатского) типа.
Пунктиром показаны районы концентрации солидов VI—VII вв.

VII, VIII, 5 — Соколовская балка, 6 — Кашевская, 13 — Саловский, 21 — Карновка, 24 — Житков-II, 65 — Потаповский-I, 66 — Романовский-I, 67 — Романовский-III, 68 — Романовская (1987 г.), курган 3, 69 — Подгоренский-IV, 70 — Нагаевский-II, 71 — Дорофеевский, 75 — Ясеновский, 76 — Надежковский-I, 77 — Журавский-I, 78 — Новоалександровский, 79 — Высочино-VII, 80 — совхоз «Советская Россия», курган 6, 81 — Алитуб, курган 9, 82 — Четыре Брата, 83 — Кузнецовский-I, 84 — Балабинский-III, 85 — Веселый, 86 — Центральный-IV, 87 — Центральный-V, 88 — Центральный-VII, 89 — Кировский-V, 90 — Новосадковский, 91 — Морозов-III, 92 — Терновский-I, Терновский-II, 93 — Ясырев-I, Ясырев-III, 94 — Столетовский, 95 — Цимлянск, курган 24, 96 — Новоаксайский, 97 — Кривая Лука-XXVII, 98 — Кривая Лука-IX

IX, 96 — Новоаксайская («уродец»), 97 — Княжой (античная бронзовая скульптура с византийскими клеймами VII в.), 99 — Хорошевская (святые амфоры с зонами рифления)

X, 33 — Днепропетровская обл.; 53 — Лимаревка; 99 — Яблоня; 100 — Ковалевка; 101 — Новая Одесса; 102 — Дымовка; 103 — Христофоровка; 104 — Белозерка; 105 — Костогрызово; 106 — Черноморское; 107 — Бехтеры; 108 — Рисовое; 109 — Портово; 110 — колхоз им. Калинин; 111 — Сивашовка; 112 — Сивашовка; 113 — Родионовка; 114 — Малая Терновка; 115 — Ак-Кермен; 116 — Большой Токмак; 117 — Октябрьское; 118 — завод Скараманги; 119 — Танаис, курган 23; 120 — Константиновск (экспозиция Ростовского пединститута); 122 — Жириковское; 123 — Авидов; 124 — Бережновка-I, Бережновка-II; 125 — Иловатка; 126 — Заханата, курган 9; 127 — Бугундарь-V, курган 1, погребение 4; 128—134 — Чебурголь, хутор Крупской, Павлоград, хутор Ленина, Старожишестеблиевская, Понурская система (1985 г.), курган 6

XI, 7 — Три Брата; 22 — Ордынский Бугор, курган 4, 13; 23 — Житков-I, курган 2, Житков-II, курган 2; 24 — Кирово-IV, курган 2, погребения 11, 13; 26 — Кермен-Толга; 48 — Столбище; 58 — Валовый-I, курган 31, погребение 2; 63 — Козника-I, курган 18; 64 — Большая Орловка; 67 — Романовская (1884 г.); 71 — Дорофеевский; 72 — Джангар, курган 11; 74 — Верхний Чирюрт; 121 — Кагальник, курган 2; 135 — Ак-Таш; 136 — Горшково; 137 — Родаково; 138 — Баранниково; 139 — Покровское (1909 г.); 140 — Горьковский, курган 4, погребение 5; 141 — Вертячий; курган 1; 142 — Кривая Лука-XXII, курган 4, погребение 4; 143 — Купцын-Толга, курган 14; 144 — Гува, курган 8; 145 — Темнижбекская, курганы 3 и 5; 146 — Тульская

XII, 5 — Соколовская балка, курган 2 (1963 г.), курган 11; 22 — Ордынский Бугор, курган 4; 23 — Житков-II, курган 4; 24 — Кирово-IV, курган 2, погребение 13; 45 — Мощевая балка; 59 — Крымский, погребение 34; 66 — Романовский-I, курган 1; 69 — Подгоренский-IV, курган 14; 70 — Нагаевский-II, курган 3; 80 — совхоз «Советская Россия», курган 6; 83 — Кузнецовский-I, курган 2; 85 — Веселый, курган 6; 86 — Центральный-VI, курган 15; 89 — Кировский-V, курган 3; 90 — Новосадковский, курган 8; 92 — Терновский-II, курган 12; 96 — Новоаксайская, курганы 13, 25, 27; 97 — Кривая Лука-XXVII, курган 5; 98 — Кривая Лука-IX, курган 12; 145 — Темнижбекская, курган 5; 147 — Воскресенка; 148 — Тамар-Уткуль, курган 10

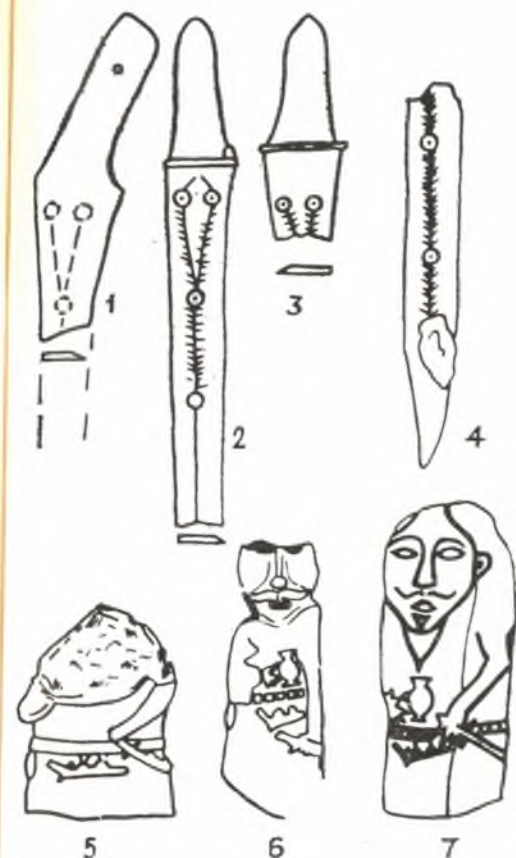

Рис. 6. Ножи из Вознесеньки и их аналоги в изображениях из Центральной Азии

1—4. Железные ножи из Вознесеньки с односторонней заточкой (по Л. А. Мацулевичу). 5—7. Изваяния из Центральной Азии с кинжалами «уйбатовского» типа: 5 — котловина Деспен, Тува (по Л. А. Евтюховой); 6 — Туру-Алты, Алтай (по В. Л. Кубареву); 7 — р. Ак-Чааты, урочище Чилангыг (по Л. Р. Кыласову)

из Дюрсо, в кургане на Дону возвращает к вопросу об этнической природе погребений с ровиками подпрямоугольных очертаний.

В настоящее время на смену представлениям об отсутствии насыпей над захоронениями салтово-маяцкой культуры [47, с. 181] распространилось убеждение, что курганы с ровиками оставлены собственно хазарами [37, с. 72; 39, с. 33; 55, с. 59], причем мне приписан приоритет в этой атрибуции [18, с. 232]. Я действительно связал наиболее богатые захоронения этого типа с социальными верхами Хазарии [47, с. 182], но считаю, что до окончательного выделения в Европе памятников тюркотов хазарская атрибуция будет носить условный характер [49, с. 77—79; ср.: 18,

с. 158]. Предметы с инкрустацией известны и в погребениях древнетюркского времени Алтая [21, с. 216], но это обстоятельство еще не дает ответа на вопрос об этнической принадлежности рассматриваемых памятников Восточной Европы.

Распространение инкрустации в восточно-европейских комплексах поднимает самостоятельные вопросы. Свидетельствует ли наличие на путалище вознесенских стремян «растрепанной» пальметты (рис. 5: 1—4), аналогичной орнаментации предметов степной группы перещепинского «клада» [27, с. 52], об однокультурности Перещепины и Вознесеньки или только об общем источнике (долговременно существовавшей мастерской?), обеспе-

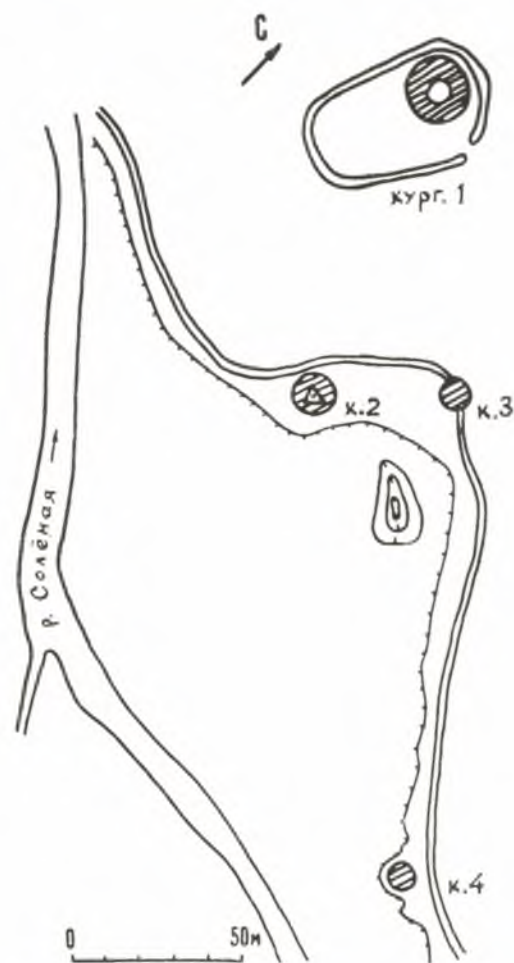

Рис. 7. Курганы у ст-цы Романовская (по съемке В. Г. Бадаева и В. И. Лезина, 1985 г.)

Рис. 5. Раннесредневековые железные изделия с золотой инкрустацией

1. Орнамент лицевой стороны путалища стремени из Вознесеньки. 2—4. Прорисовки орнамента на путалище стремени из Вознесеньки. 5—7. Детали инкрустации Вознесенского стремени (ХИМ). 8. Перекрестие однолезвийного меча из Малой Перещепины. 9. Изображение инкрустированного стремени на росписи из Шахристана — дворца афшинов Уструшана

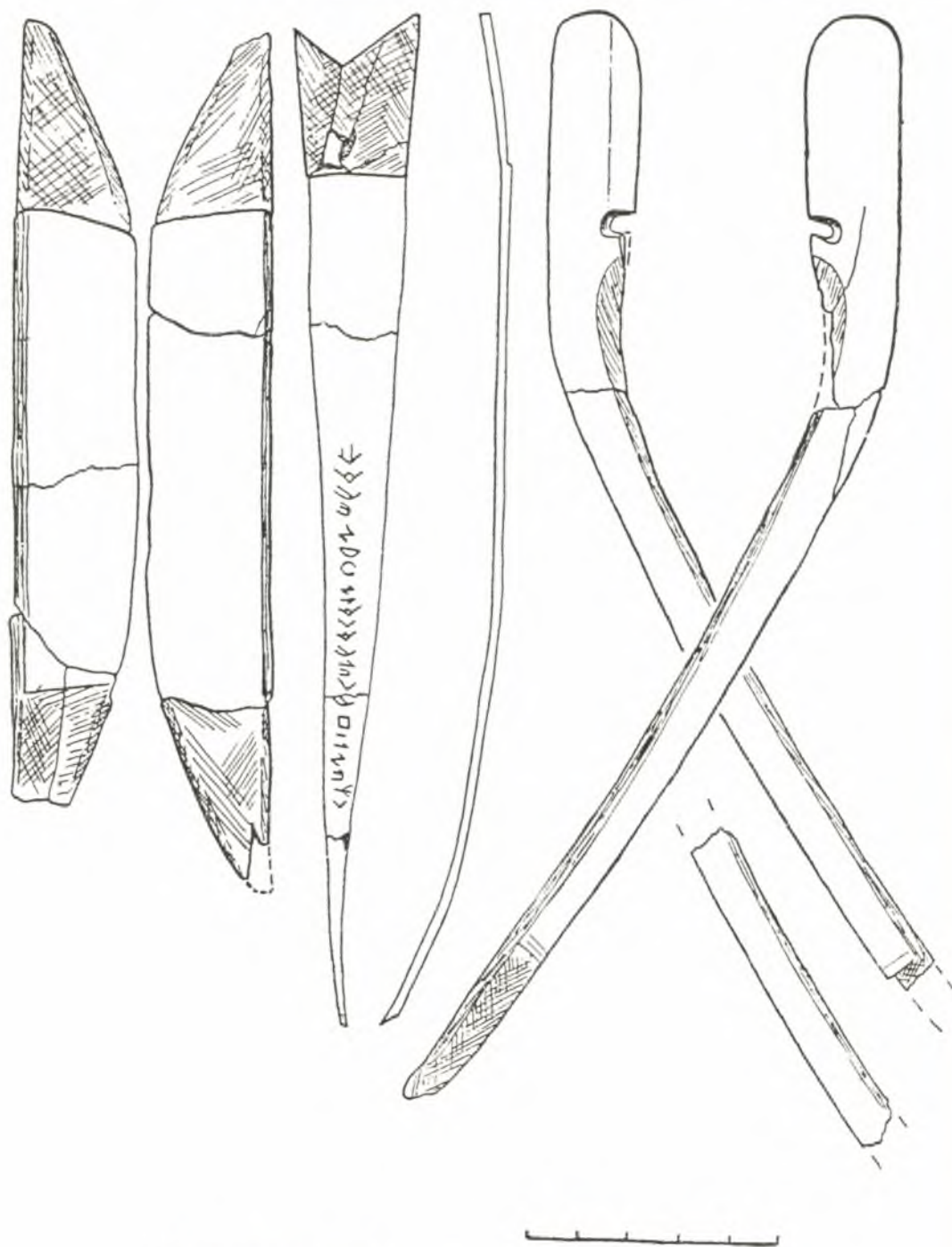

Рис. 8. Обкладки лука хазарского (центральноазиатского) типа (Житков-II, курган 4, погребение 1, раскопки Е. И. Беспалого)

чинившем изделиями с инкрустацией кочевых предводителей независимо от их этноса? Позиция Т. И. Макаровой и С. А. Плетневой как будто предполагает хорошее знакомство создателя алексеевских удил с религиозными воззрениями хазар [24, с. 74], но ответ на воп-

рос о возможности распространения хазарской атрибуции на днепровские памятники перещепинского круга не могут пока окончательно дать ни известные находки инкрустированных вещей, ни обряд захоронения в курганах с «квадратными» рвами.

Многообразие погребальных обрядов захоронений, связываемых с пришельцами из Центральной Азии [1; 3; 9; 22; 35, с. 52; 58, с. 206; 61, с. 72], не позволяет пока предложить для восточноевропейских памятников список критериев, достаточный для их бесспорной тюркютской атрибуции. Однако специфические черты в архитектурном оформлении большинства таких захоронений (курганы с «усами», каменные вымостки и оградки на могильниках хазарского времени, рвы подпрямоугольной формы, опоясывающие насыпь, и др.) подводят все же к одному чисто практическому решению — к необходимости полевой проверки возможности открытия такого рода памятников по визуальным признакам. Основой полевых поисков могут стать многочисленные (главным образом дореволюционные) описания объектов интересующего нас облика. Например, городищ незначительных размеров — таких, как указывались у пос. Каминский или у слободы Алексеевка Млусского округа. Первое — размером 10×12 сажень, а второе — «четырёхугольной формы, размером 16×16 сажень, выложенное в основании камнем в виде фундамента» [46, с. 343; ср.: 53, с. 243]. Сохранившийся до наших дней на Дону (в окрестностях ст-цы Романовская) курган, описанный подпрямоугольным рвом грандиозных размеров, дает надежду на успех полевых поисков объектов «центральноазиатского» вида на не распаханых еще землях в южнорусских степях (рис. 7).

После сдачи рукописи сборника в издательство раскопками были выявлены новые важные для рассматриваемой темы материалы, из которых здесь могут быть упомянуты лишь наиболее примечательные.

1. Осенью 1986 г. при камеральной обработке находок из кургана № 4 могильника Житков-II на р. Маныч (раскопки отряда Азовского музея под руководством Е. И. Беспалого) мною была открыта и расшифрована реставрируемая обкладка лука руническая надпись в 24 знака (рис. 8). Это — один из первых рунических текстов из хорошо датированного погребального комплекса с яркими деталями обряда. В захоронении встретились 2 монеты, происходящие из разных центров, но очень близкие по времени выпуска: дирхем Нахр-Тиры 98 г. х. (определение И. Г. Добровольского) и ранний солид Льва III (717—720 гг.) константинопольской чеканки (определение мое. — А. С.). Несколько знаков, отличающихся от знаков на обкладке лука, процарапаны и на обеих сторонах византийской монеты.

2. Раскопками экспедиции Волгоградского педагогического института в 1987 г. (начальник Е. П. Мыськов) на Нагавском-II могильнике (южное побережье Цимлянского водохранилища) среди курганов с квадратными рвами открыт один (№ 9), восточная сторона квадрата рва которого оказалась разорвана таким образом, что две ее составные части были обращены на восток подобно каменным выкладкам курганов с «усами». Курган № 9, как и соседний с ним № 6, не содержал погребения; оба датируются хазарским временем по фрагментам красноглиняных «салтовских» амфор, найденных во рву (устное сообщение Е. П. Мыськова от 5 августа 1987 г.).

3. Летом 1987 г. при планировке территории садоводства «Луч» (г. Волгодонск) были разрушены три кургана у ст-цы Романовская. Доследованием кургана № 1 установлено, что центральное погребение полностью уничтожено, а в северо-восточной части рва обнаружены фрагменты круговой сероглиняной и красноглиняной амфорной керамики. Захоронение кургана № 3 датировано солидом Констанса II (661—663 гг.). Погребение принадлежало женщине и сопровождалось чучелами лошади и овцы. В инвентаре — золотая серьга с жемчужиной, глиняное пряслице, лепной горшок, железный нож, удила, стремени и серебряный уздечный набор. В юго-восточной части кургана прослежен участок рва подквадратных очертаний. В насыпи открыт череп собаки.

1. Абрамова М. П. Новые материалы раннесредневековых могильников Северного Кавказа. — СА, 1982, № 2.

2. Айбабин А. И. Погребение хазарского воина. — СА, 1985, № 3.

3. Амброз А. К. Кочевнические древности Восточной Европы и Средней Азии V—VIII вв. — В кн.: Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981 (сер. «Археология СССР»).

4. Амброз А. К. О Вознесенском комплексе на Днепре: вопрос интерпретации. — В кн.: Древности эпохи великого переселения народов V—VIII вв. Сов.-венг. сб. М., 1982.

5. Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. II. — СА, 1971, № 3.

6. Арсланова Ф. Х. Курганы с «усами» Восточного Казахстана. — В кн.: Древности Казахстана. [Сб. ст.] Аляма-Ата, 1975.

7. Артамонов М. И. Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья. — ДОКГО, этнография, 1970, вып. 15.

8. Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.

9. Артамонов М. И. Славяне и болгары в Поднепровье. — ВIKSA-II. Berlin (DDR), 1970, Bd 1.

10. *Гринченко В. А.* Опись находок (рукоп.).— Архив ИААН УССР, ф. 18, № 69.
11. *Гринченко В. А.* Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі.— Археологія, 1950, т. 3.
12. *Гринченко В. А.* Щоденник розкопів в 1930 р. (рукоп.).— Архив ИААН УССР, ф. 18, № 69.
13. *Дмитрица А. В.* Могильник эпохи переселения народов на р. Дюрсо.— В кн.: Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья. М., 1979 (КСИА, вып. 158).
14. *Евтюхова Л. А.* Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии.— В кн.: Материалы и исследования по археологии Сибири. М., 1952 (МИА, № 24).
15. *Засецкая И. П.* Некоторые итоги изучения хронологии памятников гуниской эпохи в южнорусских степях.— АСГЭ, 1986, [вып.] 27.
16. *Засецкая И. П.* Особенности погребального обряда гуниской эпохи на территории степей Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья.— АСГЭ, 1971, [вып.] 13.
17. *Кадырбаев М. К.* Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана.— ТИИАЭЖ, 1959, т. 7.
18. *Каменецкий И. С.* Код для описания погребального обряда.— В кн.: Древности Дона. Материалы работ Дон. экспедиции. М., 1983.
19. *Копылов В. П.* Отчет о работе Донского отряда в 1981 г. (рукоп.).— Архив ИААН, № 8607.
20. *Кубарев В. Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984.
21. *Кубарев В. Д.* Исследования на Алтае.— АО 1983 г. М., 1984.
22. *Кузнецов В. А.* Поминальный комплекс VIII в. в окрестностях Кисловодска.— СА, 1985, № 3.
23. *Ляпушкин И. И.* Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам.— В кн.: Этногенез восточных славян. М.; Л., 1941 (МИА, № 6).
24. *Макарова Т. И., Плетнева С. А.* Пояс знатного воина из Саркела.— СА, 1984, № 4.
25. *Максименко В. Е., Безуглов С. И., Захаров А. В.* Отчет о раскопках курганов в Тацнском районе.— Фонды РОМК, 1983 г.
26. *Максименко В. Е., Безуглов С. И., Захаров А. В.* Раскопки курганных могильников на р. Быстрая.— АО 1983 г. М., 1984.
27. *Маршак Б. И.* Согдийское серебро. Очерки по вост. торевтике. М., 1971.
28. *Мацулевич Л. А.* Войсковой знак V в.— ВВ, 1959, т. 16.
29. *Мацулевич Л. А.* [Дневник поездки в Днепрпетровск 30 июля—4 авг. 1930 г.] (рукоп.).— ЛОААН, ф. 991, оп. 1, д. 152, книжка 44.
30. *Миллер М. А.* Материалы к истории Поднепровья (рукоп.).— Архив ЛОИА, ф. 24 (А. А. Миллера), л. 161.
31. *Мишасва Т. М.* Погребения с сожжением близ гор. Покровска.— УЗ СГУ, 1927, т. 6, вып. 3.
32. *Михеев В. К.* Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
33. *Негматов Н. Н.* О живописи дворца афшинов Уструшаны.— СА, 1973, № 3.
34. *Орлов Р. С.* Культура кочевников IV—VIII вв.— В кн.: Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тысячелетии н. э. Киев, 1985 (сер. «Археология»).
35. *Писларий Н. А., Филатов А. П.* Тайны степных курганов. Ист.-краевед. очерк. Донецк, 1972.
36. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967 (МИА, № 142).
37. *Плетнева С. А.* Салтово-маяцкая культура.— В кн.: Стены Евразии в эпоху средневековья...
38. *Плетнева С. А.* Хазары. 2-е изд. М., 1986 (СИНР).
39. *Плетнева С. А.* Древните българи в Източна Европа.— ИБИД, 1980, кн. 33.
40. *Рыков П. С.* Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг.— СА, 1936, № 1.
41. *Самоквасов Д. Я.* Могилы русской земли. Описание археол. раскопок и собрания древностей. М., 1908.
42. *Самоквасов Д. Я.* Могильные древности Александровского уезда Екатеринославской губернии.— ТАС-VI (1884 г.). М., 1886, т. 1.
43. *Самоквасов Д. Я.* Основания хронологической классификации, описание и каталог коллекции древностей. Варшава, 1892.
44. *Самоквасов Д. Я.* Отчет.— ОАК за 1882—1888 гг. Спб., 1891.
45. *Самоквасов Д. Я.* Отчет 1884 г. (рукоп.).— Архив ЛОИА, ДАК 1882/20.
46. Сведения 1873 г. о городищах и курганах.— ТОСИРА, 1899, кн. 4 (ЗРАО, нов. сер., т. 11, вып. 1—2).
47. *Семенов А. И.* Византийские монеты из погребений хазарского времени на Дону.— ПА, 1978, [вып.] 2.
48. *Семенов А. И.* Художественный металл Романовского погребения на Дону.— В кн.: Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Сб. ст. [посвящ. памяти Я. И. Смирнова]. М., 1985.
49. *Семенов А. И.* Центральноазиатские параллели погребальному обряду населения Хазарского каганата.— Конф. по археологии Сев. Кавказа. XII Крупновские чтения. Тез. докл. М., 1982.
50. *Синицын И. В.* Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья.— СА, 1948, [г.] 10.
51. *Сміленко А. Т.* Глодоські скарби. Київ, 1965.
52. *Сміленко А. Т.* Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II—XIII ст.). Київ, 1975.
53. *Фабрициус И. В.* Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. вып. 2. 1955 г. (рукоп.).— Архив ИААН УССР, 1А/пр, 150.
54. *Фабрициус И. В.* Літопис музею. Херсон, 1927, вып. 8: Червоні роки 1917—27.
55. *Федоров-Давыдов Г. А.* В древней дельте Волги.— В кн.: Путешествия в древность. [Сб. ст.] М., 1983.
56. *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археол. памятники. М., 1966.
57. *Федоров-Давыдов Г. А., Дворниченко В. В., Малиновская Н. В., Паромов Я. М.*

- Отчет о раскопках курганов в Черноярском и Енотаевском районах Астраханской области в 1978 г. (рукоп.).— Архив ИААН, № 8538.
58. *Шоцов М. Л.* Половецкие святилища.— СА, 1979, № 1.
59. *Шелов Д. Б.* Волго-Донские степи в гуниское время.— В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. [Сб. ст.] М., 1978.

60. *Alföldi A.* Archaeologische Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung.— AHg, 1932, Bd. 9.
61. *Arendt W. W.* Das Levedien der Ungarn.— AHg, 1935, Bd. 16.
62. *Erdélyi I.* An avarszög és kelet á régészeti feltárások tükrében. Budapest, 1982.
63. *Werner J.* Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956, Bd. 1.

О. И. ДАВИДАН

СКАРАБЕИ ИЗ СТАРОЙ ЛАДОГИ

При разведочных работах Староладожской экспедиции 1952 г. на левом берегу Ладожки в 25 м вверх от моста в траншее № 1 на третьем штыке была найдена «резная поделка из сердолика» (рис. 1: 1). Поделка изготовлена из красного сердолика с более темными включениями и представляет собой подвеску подтреугольной формы с округлым основанием. Верхний край утрачен, поверхность с одной стороны в значительной части сколота. Высота сохранившейся части 34 мм, наибольшая ширина 25 мм, толщина 8 мм. На поверхности с двух сторон орнамент, отличающийся в деталях. На одной стороне вырезаны две пары дуговидных линий, идущих вниз под углом друг к другу. Под дугами вырезаны овалы углубления. Верхняя пара соединяется в середине подвески, нижняя сближается на расстоянии до 4 мм и посередине соединена двумя бороздками. Верхняя часть снабжена четырьмя надрезами (по два с каждой стороны), соединенными двумя бороздками. На другой стороне орнамент в нижней половине повторяется, а в верхней сохранилась часть дуги, идущая вверх под углом к нижней, и соответственно ориентированные овалы углубления, расположенные под углом по отношению к нижним. По форме, материалу и орнаменту ладожская подвеска может быть сопоставлена с четырьмя подвесками в виде стилизованных скарабеев, обнаруженными на далеком расстоянии друг от друга — в Швеции (3 экз.) [14, с. 67, рис. 33: a, b, c] и в Дагестане (1 экз.) [4, с. 65, рис. 1: 19].

Шведские находки происходят из поселения Бирки (Schwarze Erde, или «Черная земля») IX—X вв. и из Кёнинг, провинция Вестманланд (рис. 1: 2—4). Все три скарабея имеют овалы очертания с выделенной головкой и обозначенной шейкой. Крылья сло-

жены по отношению к продольной оси или под углом (в двух случаях), или параллельно. Средняя часть крыльев углублена, пространство между крыльями украшено поперечными бороздками. На одном экземпляре хвостовая часть ограничена глубокими зарезами. Размеры скарабеев 2,5—3×2 см.

Скарабей из Дагестана (рис. 1: 5) происходит из погребения X—XI вв. в могильнике Агач-Кала, где он находился в составе ожерелья из сердоликовых, алмазидиновых и хрустальных бус. Форма овальная с выделенной шейкой, обозначенной двумя поперечными бороздками. На шейке имеется отверстие для подвешивания. Размер 2,5×1,6 см, толщина 9 мм. Скарабей отличается тщательностью работы [4, с. 65]. По форме этот экземпляр ближе всего к новой находке из поселения Бирки (рис. 1: 2). Подвески из Швеции и Дагестана являются синхронными и близки стилистически. Ладожская подвеска более условна: основной абрис ее не овал, а треугольник с закругленным основанием; вместо одной пары крыльев на ней изображены две пары.

Находки сердоликовых скарабеев крайне редки в памятниках IX—XI вв., и их изучением специально никто не занимался. Привлеченные нами экземпляры рассматривались в публикациях вместе с другими изделиями из сердолика, представленными в основном бусами.

При публикации материалов Агачкалинского могильника К. Ф. Смирнов отнес все резные камни к импорту из южных стран [10, с. 118]. В исследованиях В. Б. Ковалевской (Деоник), посвященных украшениям и бусам Северного Кавказа, сделан вывод, что сердоликовые бусы и подвески по качеству сырья и совершенству обработки можно разде-

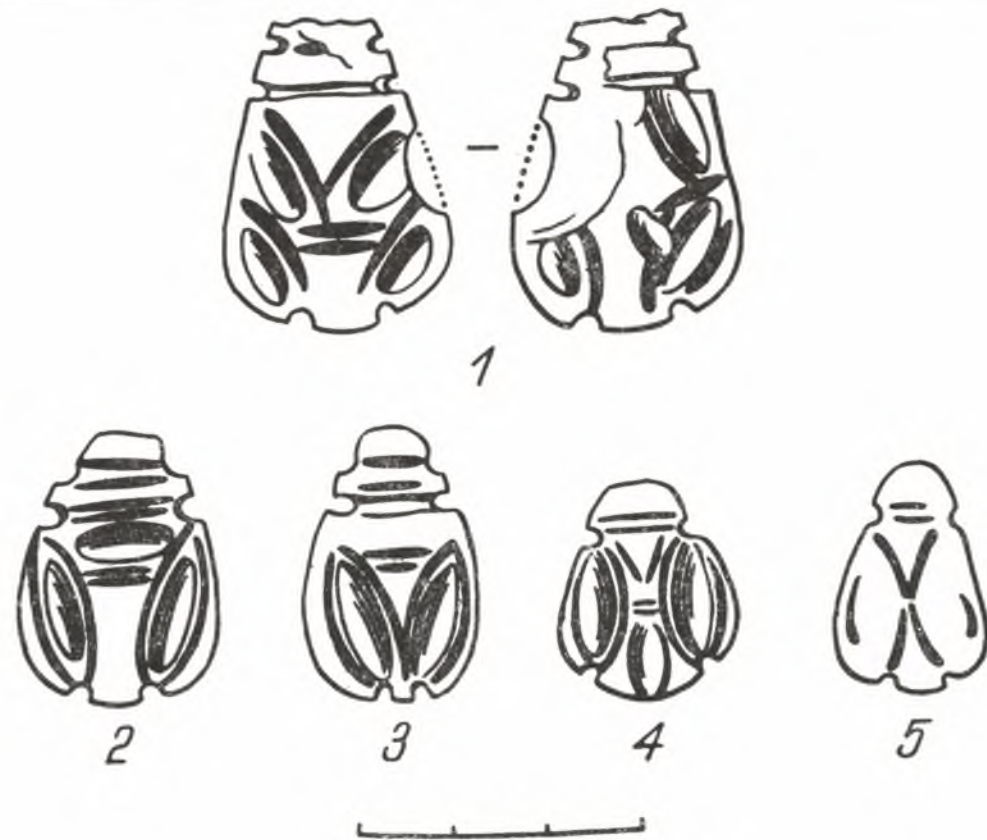

Рис. 1. Сердоликовые скарабеи (IX—XI вв.)

1 — Старая Ладога; 2, 4 — Бирка, поселение; 3 — Кёнинг; 5 — Агач-Кала

лить на три вида: 1) изделия из красного, иногда с прожилками, так называемого «индийского» сердолика, отличающегося высокой техникой обработки; 2) изделия из темно-розового гладкого сердолика с тщательной полировкой; 3) бусы из светло-розового плохого качества, трещиноватого сердолика небрежной обработки. Изделия первого и второго вида исследователь отнесла к привозным из Индии или Ирана, а бусы третьего вида — к местному производству. Далее отмечалось, что изделий из «индийского» сердолика особенно много в Агачкалинском могильнике, где наряду с бусами назван и скарабей [6, с. 135, 146, 147; 4, с. 62—79].

По заключению шведских и норвежских исследователей, сердоликовые изделия в скандинавских памятниках эпохи викингов — предметы восточного импорта. Находки сердоликовых скарабеев в Агач-Кале и синхронных памятниках в Швеции, а также идентичный набор сердоликовых бус в этих памятниках приводятся как доказательство того, что сердоликовые изделия поступили в Швецию с Кавказа или через Кавказ [14, с. 70; 15, с. 154, 155].

Ладожская находка сердоликового скарабея позволяет наметить путь движения сердолика с Кавказа на Север Европы по Волжскому пути и через Ладогу. Подтверждение этому — и то, что сердоликовые бусы из нижнего слоя Ладоги (горизонты E и D, датированные серединой VIII—X в.) по форме и качеству сердолика аналогичны, с одной стороны, бусам из скандинавских памятников, с другой — из памятников Северного Кавказа.

В горизонтах E и D Староладожского поселения обнаружено 194 сердоликовых бус*. Из них 161 экз. найден в слое X в. (горизонт D). В слоях VIII—IX вв. (горизонт E) находки сердолика немногочисленны — 33 экз. К основным формам бус относятся шаровидные, четырнадцатигранные, призматические, круглые плоские, которые по количественному показателю занимают соответственно первые пять мест. В горизонте E₃ (750—830 гг.) встречены только шаровидные бусы, в горизонте E₂

* Благодарю Е. А. Рябинина за сведения о находках сердоликовых бус в раскопках последних лет.

Таблица
Встречаемость сердоликовых бус в Старой Ладоге (раскопки В. И. Равдоникаса и Е. А. Рябинина) и Бирке

Наименование	Формы бус						Всего
	○	⊠	▭	⊞	●	◊	
Ладoga							
Горизонт E ₃	12						12
Горизонт E ₂	5		1				7
Горизонт E ₁	11	2	1				14
Горизонт D	67	44	13	12	21	4	161
Всего	98	46	15	21	12	5	194
Бирка/могилинка	152	193	111	59	17		532

(840–850 гг.) — шаровидные, призматическая и эллипсоидная; в горизонте E₁ (860–890 гг.) — шаровидные, четырнадцатигранные и призматическая [9, с. 168–171].

Как видно из описания, наиболее ранней формой бус в Ладогe является шаровидная, с середины IX в. появляются призматические и эллипсоидные и немного позднее — четырнадцатигранные.

В Скандинавии для периода 820–860 гг. отмечены только шаровидные бусы. В 860–890 гг. на первые места выступают четырнадцатигранные и призматические. Далее идут шаровидные граненые и шаровидные гладкие [13, с. 225]. Для сравнения очень показательны данные по могильнику Бирки — одного из важных торговых центров Швеции IX–X вв. [12]. По публикации Х. Арбмана, в могильнике обнаружено 532 экз. сердоликовых бус в 82 погребениях: 193 четырнадцатигранных, 152 шаровидных, 111 призматических, 59 шаровидных граненых и 17 круглых плоских, т. е. здесь наблюдается та же ситуация, что и в Ладогe: первые места занимают шаровидные и четырнадцатигранные бусы, а последующие — призматические и шаровидные граненые; круглых плоских значительно меньше.

При раскопках поселения Бирки («Черная земля») в 1970–1971 гг. отмечено, что в слое IX в. найдена одна шаровидная и одна призматическая бусины, в слое X в. — преимущественно четырнадцатигранные и шаровидные [14, с. 10].

Интересно отметить, что основной приток сердоликовых бус в Скандинавию падает (по Кальмеру) на период 860–885 гг. и на период 915–950 гг. [13, с. 225].

Сердоликовые бусы в VIII–XI вв. были широко распространены в Юго-Восточной Европе и, в частности, на территории Северного Кавказа. Так, в могильнике Агач-Кала обнаружено 10003 бусины, в Беште — 610, в Чи-

рюрте — 1620 бусин. В средневековых памятниках Дагестана известны все формы, характерные для Старой Ладогe и Скандинавии, и появляются они здесь раньше: шарообразные и четырнадцатигранные — с VI–VII вв., призматические — с VIII–IX вв. [4, с. 75–79].

В свете изложенного можно заключить, что сердоликовые изделия (очевидно, вместе с арабским серебром) шли на Север Европы и далее в Скандинавию не только из Средней Азии, но и с Кавказа.

В поисках аналогий средневековым скарабеем мы обратили внимание на подвески из лазурита у кочевников X–XI вв. Наиболее полная сводка этих находок опубликована в статье Т. И. Макаровой [6]. Подвески имеют треугольную или ромбическую форму и атрибутируются автором как антропоморфные амулеты: треугольные изображают женскую фигуру, ромбические — мужскую. Это определение, принятое и другими исследователями [2, с. 92], представляется нам не очень убедительным. Вероятнее предположить, что некоторые лазуритовые подвески овальной, треугольной и ромбической форм являются сильно схематизированными изображениями скарабеев, принимая условность этого термина.

Как справедливо отметил Г. Г. Леммлейн, средневековые подвески, изображающие животного, схематизировались до простых геометрических форм, и только привлечение большого сравнительного материала позволяет установить исходные формы [5, с. 163]. Попытаемся с этих позиций рассмотреть лазуритовые подвески.

На некоторых подвесках отчетливо улавливаются общие очертания жука: крылья намечены двумя дуговидными или прямыми бороздками, внизу имеется вырез, обозначающий хвостовую часть (рис. 2: 1–3) [6, рис. 2: 60, 63, 64]. Эта же схема остается и на сильно геометризированных подвесках, превращенных

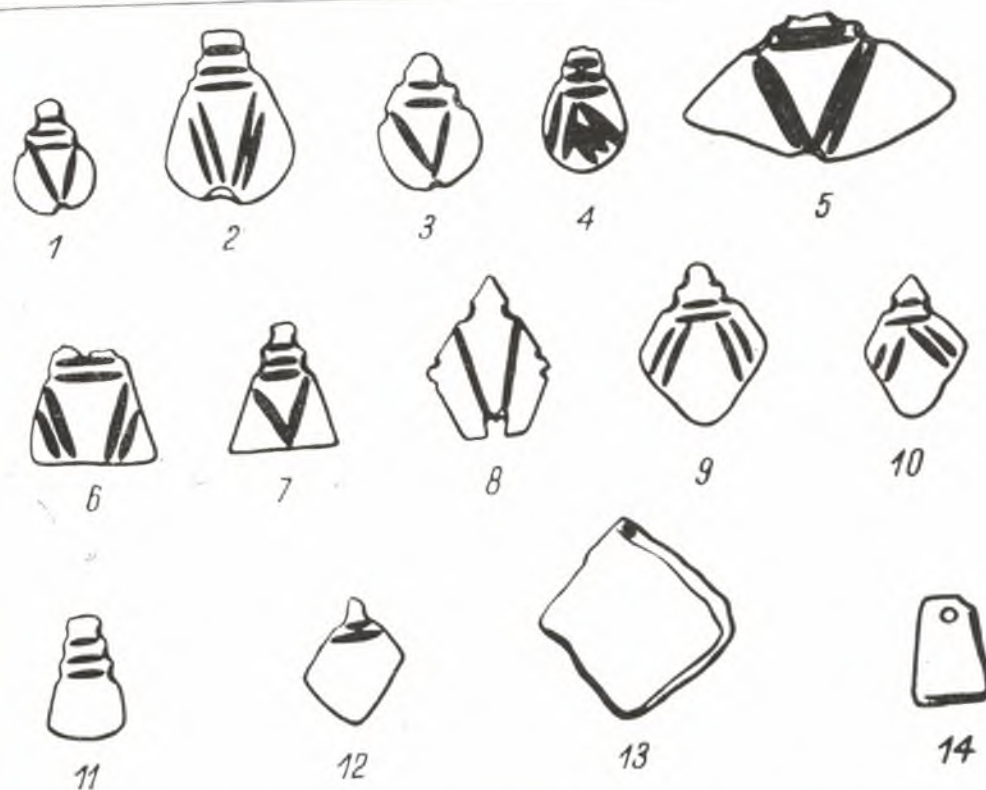

Рис. 2. Лазуритовые подвески кочевников южнорусских степей (X–XI вв.)
1–3, 8, 11, 12, 14 — Саркел — Белая Вежа, могильник, погребения 32, 108, 130, 215, 227 (ГЭ 234/241, 245, 366, 441); 4–7 — Саркел — Белая Вежа, городище (ГЭ 279/102, 417, 962); 9, 10, 143, 15 — Зеленики (Киевская обл. УССР), курганы 297, 317, и Краснополянский курган, погребение 270 (ГЭ 913/65, 916/5, 77)

в треугольные с округлым или прямым основанием (рис. 2: 4–7) [6, рис. 2: 19, 23, 24, 25, 27, 35–39, 62]. На ромбических подвесках двойные бороздки, обозначающие крылья, расположены иначе: они идут от «шейки» вдоль боков (рис. 2: 9–10) [6, рис. 2: 8, 18, 55, 77, 79, 86–89]. На некоторых ромбических и треугольных подвесках сохранились только поперечные линии в верхней части (рис. 2: 11, 12) [6, рис. 2: 16, 20–22, 26, 54, 57, 61, 63, 85, 91, 94, 95, 99]. Отдельную группу составляют подвески без орнамента (рис. 2: 13–14) [6, рис. 2: 1–7, 11–15, 32, 33, 51, 52, 71–76, 78, 82–84, 90, 92, 98].

На мысль о связи лазуритовых подвесок со скарабеем наводит и голубой цвет этих изделий, традиционный для скарабеев, распространившихся в разные страны Востока и Запада. На территории нашей страны скарабей из так называемого «египетского» фаянса появляются в VIII–VII вв. до н. э., доживая до IV в. [1, с. 25; 8, с. 20–27].

Лазурит и сердолик — два камня, связанные с сине-голубым небом и Солнцем [6, с. 133; 7]. — придавали, по-видимому, в сознании людей особую силу фигурке священного

жука-скарабея, который в Древнем Египте считался символом вечного движения Солнца по небу [11, с. 216].

1. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1978 (САИ, [вып.] Г1-12).
2. Артамонова О. А. Могильник Саркел — Белой Вежи. — ТВДАЭ, 1963, т. 3 (МИА, № 109).
3. Деоник В. Б. Классификация и хронология аланских украшений VI–IX вв. — ТСКЭ, 1963, т. 2: Средневековые памятники Сев. Осетии (МИА, № 114).
4. Ковалевская В. Б. Производство и импорт средневековых бус Дагестана. — МАД, 1973, т. 3.
5. Леммлейн Г. Г. Опыт классификации каменных бус. — КСИИМК, 1950, вып. 32.
6. Макарова Т. И. Украшения и амулеты у кочевников X–XI вв. — АСГЭ, 1962, [вып.] 4.
7. Марковин В. И. Сердолик — «камень счастья». — В кн.: Новое в советской археологии. [Сб. ст.] памяти С. В. Киселева. М., 1965 (МИА, № 130).
8. Пиотровский Б. Б. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза. — СА, 1958, № 1.
9. Рябинин Е. А. Бусы Старой Ладогe. — В кн.: Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Межвуз. сб. Л., 1982.

10. Смирнов К. Ф. Агацкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана. — КСИИМК, 1951, вып. 38.

11. Ходжаи С. И. Скарабен. — ВИ, 1972, № 3.

12. Arbman H. Birka I. Gräber. Uppsala, 1940 (Tafeln); 1943 (Text).

13. Callmer J. Trade beads and blad trade

in Skandinavia ca 800—1000 A. D. — AAL, 1977, N 11.

14. Danielsson K. Glas och halvädelsstenar. — In: Birka, Svarta jordens. Hamnstadens arkeologisk undersökning 1970—1971. Stockholm, 1973 (RAR, [t.] 101).

15. Heyerdahl-Larsen B. Import av halvädelsstenar til Kaupang. — In: Universitete Oldsamlings 150 år. Oslo, 1979.

Д. А. МАЧИНСКИЙ

НЕКОТОРЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СЕВЕРНОРУССКОГО ПРОТОГОСУДАРСТВА

В свое время А. А. Шахматов высказывал мысль о существовании в IX в. трех русских государств (точнее, протогосударств): севернорусского 1-й половины IX в. с центром в Русе (ныне — г. Старая Русса Новгородской обл.), южнорусского — Киевского, возникшего около 840 г., и севернорусского — Новгородского 2-й половины IX в., превратившегося на рубеже IX—X вв. после овладения Киевом, в общерусское государство [37, с. 53—64].

Идею о нескольких протогосударствах, слившихся затем в единое целое, можно развить. Речь может идти о четырех таких протогосударствах: первом севернорусском с центром в Ладоге, втором севернорусском с центром в Новгороде, а также о южнорусском 850—880-х гг. с центром в Киеве и, возможно, о среднерусском с центром в Смоленске. В настоящей статье внимание сосредоточено лишь на предыстории севернорусских протогосударств. Вопрос о роли южнорусского и среднерусского протогосударств в сложении единой Руси следует обсудить отдельно, в специальной работе.

Под Северной Русью подразумевается (для периода VIII—XI вв.) северная часть Древнерусского государства, ограниченная на карте линией, соединяющей южные побережья Белого и Ладожского озер и Финского залива, проходящей далее по р. Нарова (Нарва), через Чудское озеро, по западной окраине бассейна р. Великая, затем на восток, чуть севернее Западной Двины и Оки до Муромы и, наконец, по Оке и Волге до Ярославля и Белоозера. Эта об-

ласть с конца IX в. входит в состав Русского государства с центром в Киеве, а в X—середине XII в. здесь слагаются два субгосударства — Новгородская земля и Ростовская земля (позднее — Владимиро-Суздальское княжество). Однако, как явствует из письменных источников [28; 30; 34, с. 35], эта область, лежащая на водных путях из Балтики через Ладожское озеро на Волгу и Дон, начинает политически объединяться в еще более раннее время (830—870-е гг.) в рамках этносоциальных организмов, которые мы условно обозначаем как первое и второе севернорусские протогосударства. Древнейшие центры этих протогосударств — Ладога и Новгород — лежат на северо-западе Руси. Археологические исследования последних лет убеждают, что первое протогосударство сложилось не позднее 810—820-х гг. и что все социально-экономические предпосылки к его сложению появляются на Нижнем Волхове уже в 750—770-х гг. [4, с. 101—106; 11, с. 3—24; 21, с. 14—18; 24, с. 3—29; 32, с. 48—75]. Поразительно, что сложение ядра русской государственности начинается на крайнем севере будущей территории Древней Руси, еще в пределах таежной зоны, совсем неподалеку от дельты Невы, где тысячелетием позже возникнет Петербург.

Настоящая статья посвящена определению того места, которое занимала территория Северной Руси в системе природных и социально-экономических соотношений Евразии периода становления европейской культурно-политической общности (VIII в. до н. э. — XI в. н. э.), и тех конкретных обстоятельств, которые в VIII—IX вв. привели

к возникновению севернорусского протогосударства.

Общепринято, что территория Северной Руси лежит в Восточной Европе; однако и со строго географической, и с историко-культурной точек зрения возможно и иное определение ее местоположения. Как известно, еще в VII—V вв. до н. э. эллины отчетливо осознали географическую отделенность Европы от Азии (в которую первоначально включали и Ливию, т. е. Северную Африку) просторами Средиземного и Черного морей. Культурно-политическое своеобразие этих континентов было воплощено в противостоянии системы греческих государств и Персидской деспотии. Однако освоение греками северных берегов Понта и Меотиды осложнило складывающуюся географическую схему: оказывалось, что два континента, столь четко разделенные на юге, на севере сливаются в неразрывное целое и область их слияния заселена особыми «скифскими» этносами, наиболее мощные из которых ведут поражающий эллинов кочевой образ жизни. Всё же, дабы сохранить сложившуюся «удобную» картину мира, вновь открытые земли были «поделены» эллинами между Европой и Азией, причем границей, после некоторых колебаний, был избран Танаис (Геродот, IV).

Но параллельно с таким решением в античной традиции постоянно присутствовала возможность и иного решения этой культурно-географической ситуации. Эта возможность брезжит в том неопределенном образе гигантской «Скифии», населенной «скифскими народами», который намечается в сохранившихся отрывках «Землеописания» Гекатея Милетского (рубеж VI—V вв. до н. э.). Эта «Скифия», занимающая, по Гекатею, восточную часть Европы и северную часть Азии, расположена восточнее «Кельтики» и севернее Понта, Кавказа, Персии и Индии, достигая, видимо, на севере Мирового океана [8, с. 54—68; 15, с. 1—3]. Гекатея Скифия во много раз превосходит по размерам и включает в себя Скифию Геродота (ок. 440 г. до н. э.), находящуюся целиком в Европе между Танаисом и Истром (Дунаем). В пределах огромной евразийской Скифии Гекатея более поздние античные авторы отличают «скифов европейских» от «скифов азиатских». Эта же традиция отчасти отражена у географа IV в. до н. э. Эфора, который считает, что за пределами центральной средиземноморской (греко-персидской) части эйкумены запад (Европу) населяют кельты, юг (Ливию, будущую Африку) — эфиопы, восток (Азию) — инды, а север

(Восточная Европа и Северная Азия) — скифы [15, с. 362—363]. Ясно, что геродотовая Скифия (Геродот, IV) представляет собой лишь Скифию Европейскую, малую часть гекатеевой (и эфоровой) Скифии Евразийской, явно претендующей на роль самостоятельной части суши, территориальная и этнокультурная целостность которой громко протестует против условного расчленения ее на две части по Танаису [8, с. 36—102; 9].

Гекатей проводил северную границу континентов то по Фасису (под которым он, видимо, подразумевал Кубань), то по Танаису. Условность границы по Танаису — Дону сознавал уже Геродот. Еще дальше идет в этом отношении знаменитый географ Эратосфен (III в. до н. э.), который утверждает, что греки без достаточных оснований перенесли членение заселенной ими части эйкумены на малоизвестные им области. Поэтому он, наряду с традиционным, принимает деление суши на две части — северную и южную. Линия разделения идет от Гибралтара через Средиземное море, а далее продолжается по «диафрагме» — условной линии, проведенной по горным хребтам, составляющим продолжение малоазийского Тавра — по Гиндукушу и Гималаям. При этом в южной части остается вся Ливия и южная часть Азии, а в северной — вся Европа и северная, малоизвестная часть Азии. При этом вся область, расположенная к северу от Понта, Кавказа и Яксарта (Сырдарьи), носит общее название *Скифия*. Не останавливает Эратосфена даже то, что в представлениях его времени Каспийское море мыслилось не в виде замкнутого водоема (как считал Геродот), а как залив северной части Мирового океана, соединенный с ним морским проливом (Страбон, География, I, 3, 22; I, 4, 2; I, 4, 7; I, 4, 9; II, 1, 2; II, 1, 22; II, 1, 31). Даже такая «естественная граница» не смогла поколебать убежденность Эратосфена в этногеографическом единстве «Скифии» [8, с. 134—144].

Миграция на запад кочевников-сарматов приводит, начиная с III в. до н. э., к серьезным изменениям в реальной этногеографии Скифии [20]. Название *Скифия* для областей западнее Каспия и Волги иногда заменяется названием *Сарматия*, что наиболее отчетливо выражено в знаменитой «Географии» Клавдия Птолемея (II в. н. э.). Однако представление об известной целостности всей области, лежащей как западнее, так и восточнее Танаиса, этим не нарушается: от Вислы до Дона между Черным и Балтийским морями у Птолемея простирается *Сарматия Европейская*, а восточнее Дона до

Волги и Каспия — *Сарматия Азиатская* [19, с. 122—132; 27]. Известны Птолемею как западные, так и восточные, приуральские истоки Волги. Еще далее к востоку на его карте простирается традиционная «Скифия». Территориальная и этнографическая целостность этой «Сармато-Скифии» также несомненна (Клавдий Птолемей, Географическое руководство, I—VII).

Представления греческих писателей о границах и внутреннем членении интересующей нас территории находят основательное подтверждение в реальной географии. Достаточно непредвзятого взгляда на карту, чтобы увидеть: Европа и Азия не являются отдельными континентами, так как не отделены друг от друга океанами или морями, подобно истинным континентам (Америке, Австралии, Африке, Антарктиде). Принятая в европейской географии лишь с XVIII в. граница по невысокому Уралу более чем условно разделяет на две части единый континент — Евразию. На самом же деле Евразия гораздо отчетливее делится природными границами на три части — три субконтинента.

Ядром субконтинента «Европа» является гигантский (и как будто «не замеченный» географами) Европейский полуостров, омываемый Черным и Средиземным морями, Атлантикой и Балтикой, а на востоке ограниченный линией, соединяющей Балтику и Черное море в месте их наибольшего сближения — между устьями Вислы (или Немана) на севере и Днестра на юге, т. е. примерно той же линией, по которой Птолемей проводил западную границу Сарматии и вблизи которой издревле проходил ряд климатических, ботанических и этнических рубежей. Именно по восточной границе «Европейского полуострова» проходит граница распространения нескольких видов деревьев и кустарников (в частности, бука), названия которых играют важную роль в определении западной границы славянской прародины на рубеже эр. Названия растений, распространенных западнее этой границы, являются в славянских языках заимствованными, а распространенных восточнее ее — исконными, что говорит в пользу того, что основная территория обитания праславян [26, 38] в пределах последней единой климатической эпохи (с середины I тысячелетия до н. э.) лежала восточнее отмеченной границы [41, с. 47].

В средней части отмеченной границы (северо-восточнее Карпат) простиралась в I в. н. э. та «область взаимного страха» между германцами и сарматами, где впервые фик-

сируются активные военные выступления славян-венетов [26, с. 68—72]. Вдоль этой же кратчайшей линии, соединяющей Балтику и Черное море, продвигались с СЗ на ЮВ готы и гепиды во II—III вв. [39, с. 79—91].

Балканский п-ов, где в VII—V вв. до н. э. зародилось представление о Европе как отдельной части суши, представляет собою — наряду с Апеннинским, Пиренейским и Ютландским п-овами — лишь часть огромного Европейского п-ова. К Европе относятся прилегающие острова, а также южная часть Скандинавского п-ова, географически, климатически и исторически тесно связанного с Европейским.

Иррегулярность береговой линии, взаимопроникновение моря и суши, стимулирующие с начала эпохи железа морские экспедиции, походы, переселения и столь много определившие в сложении активного психологического типа европейцев, характерны для Европы в целом; но особенно ярко Европа, эта, по точному выражению поэта М. А. Волошина, «земля морей и полуостровов», демонстрирует свои особенности на юге Балканского полуострова (Греция) и в области сближения Ютландского и Скандинавского п-овов (Скандинавия), — т. е. в местах, где начинался (VIII в. до н. э.) и заканчивался (XI в. н. э.) процесс сложения Европы как историко-культурного целого, в местах, где оформились две наиболее яркие системы европейской мифологии.

Этот субконтинент можно было бы назвать Европой в узком и точном смысле, но, чтобы не нарушать уже сложившуюся географическую номенклатуру, назовем его, учитывая терминологию древних греков, *Греко-Кельтикой* (рис. 1).

Вторая отчетливо выделяющаяся природная и историко-культурная зона Евразии охватывает ту ее южную часть, которая впервые была осознана греками как собственно «Азия» (а также прилегающие к ней с востока области). Эта зона занимает омываемую теплыми морями южную часть Евразии (нигде не заходящую севернее 42° с. ш.), ограниченную с С Черным морем, Кавказом, Каспием, пустынями Средней Азии и горами «диафрагмы» (по Эратосфену) — Гиндукушем и Гималаями с Тибетом; отчетливая природная граница отсутствует лишь на Дальнем Востоке, однако здесь этот недостаток природы был восполнен начавшимся с конца IV в. до н. э. строительством Великой Китайской стены. Это — наряду с долиной Нилла — зона сложения великих древних цивилизаций, область зарожде-

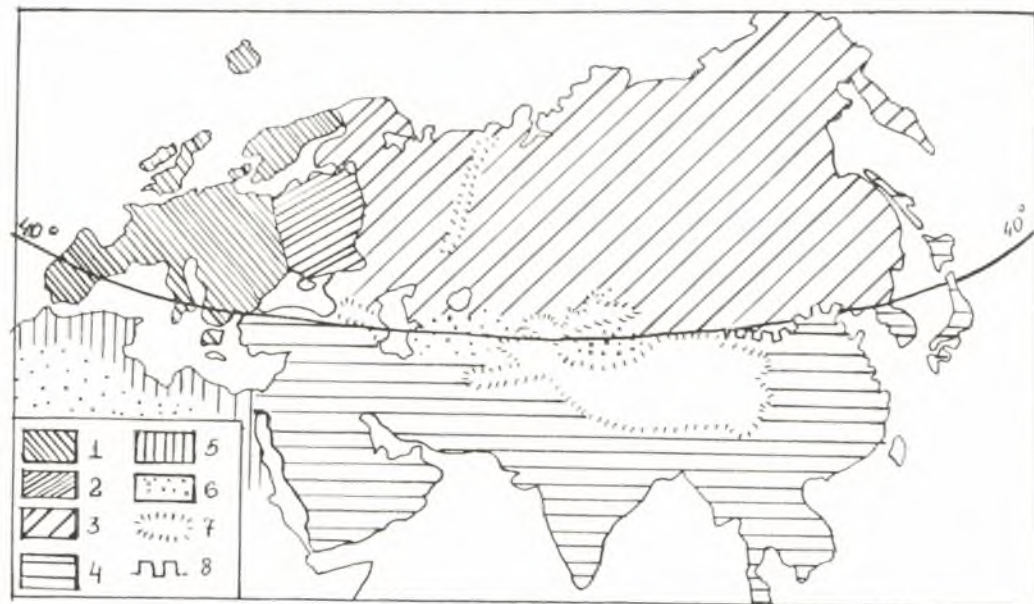

Рис. 1. Членение Евразии на основные географические и историко-культурные зоны
1 — Греко-Кельтика (Европа), 2 — Европейская Скифия, 3 — Азиатская Скифия, 4 — Персо-Индия (Азия),
5 — Ливия (Сев. Африка), 6 — пустыни, 7 — горы, 8 — Великая Китайская стена

ния большинства идеологических систем древности, приобретших впоследствии мировое значение. Географически эта зона не отличается такой цельностью, как Греко-Кельтика, и лишь условно может расцениваться как *субконтинент Азия*, или (отдавая дань греческой терминологии) *субконтинент Персо-Индия*. Субконтинент этот отчетливо делится (культурно-исторически и географически) на Переднюю Азию, тесно связанную со Средиземноморьем и Северной Африкой, на п-ов Индостан и Дальневосточный регион (рис. 1).

К востоку от Греко-Кельтики (Европы) и к северу от Персо-Индии (Азии) лежит занимающая большую часть Евразии гигантская область, которой, следуя древним, следует присвоить имя *Скифия*. Она отличается монолитностью территории, континентальностью и суровостью климата, широтным расположением природных зон, из коих некоторые присущи (в пределах Евразии) почти исключительно только ей: тундра, тайга, черноземная степь и лесостепь. Суровый климат субконтинента долгое время замедлял развитие населявших его этносов, однако его природная целостность как бы требовала своего социального эквивалента, каковым в XVII—XIX вв. в большой мере и стало Российское государство, возникшее в VIII—XI вв. в той части Скифии, которая лежит западнее Дона и соседствует с Европейским полуостровом («Греко-Кельтикой»)

и которую мы будем в дальнейшем именовать *Европейской Скифией* [21, с. 5; 18, с. 120—122].

Древнегреческие географы оказались правы в обоих отношениях: и обозначая именем *Скифия* весь субконтинент вместе с его западной частью, и причисляя эту западную часть к Европе. Действительно, если исходить из размеров, климата и природной зональности, то область между Карпатами и Доном явно относится к Скифии. Но вот очертания прилегающих к Европейской Скифии морей и направление течения рек связывают ее в природном, а через это — и в культурно-историческом отношении с европейской Греко-Кельтикой. Хотя Балтика и Черное море лишь частично омывают берега Греко-Кельтики, однако склонность населяющих ее европейцев к морским торговым и колонизационным предприятиям делала эти моря как бы щупальцами Европы, охватывающими западную часть Скифии. В этой части Скифии все крупные реки от Дона и западнее (за исключением Волги и Оки) имеют сток в эти «европейские» моря, а некоторые из рек, сбегаясь в верховьях, образуют прекрасные водные пути, соединяющие Балтику и Причерноморье (рис. 1, 2). История Европейской Скифии характеризуется сменяющимися периодами, когда эта область (или наиболее развитая ее часть) то становилась в культурно-политическом отношении более «европейской», то вновь

обретала свою «скифскую» самобытность.

Предложенная географическая и историко-культурная картина намечает различные, заложенные в географии, возможности развития историко-социального сознания на Руси. Наряду с дилеммой — «быть Европой или Азией» и компромиссным решением «быть тем и другим» (т. е. чем-то связующим или промежуточным), — закономерным представляется и четвертый вариант осмысления своего исторического пути: быть «самой собой» — Скифией, Сарматией или Россией [18; 27] — отдельным субконтинентом, население которого развивает своеобразные формы социальности, которые не просто осмыслить в системах европейских или азиатских понятий (рис. 1).

Условной хронологической точкой отчета той принципиально новой эпохи в развитии этносоциальных систем Евразии, когда начинает активно «работать» обрисованное выше природное членение континента, может считаться рубеж IX—VIII вв. до н. э. К этому времени железо, впервые освоенное в Передней Азии, начинает широко использоваться для создания орудий производства и оружия в Европе и Причерноморской Скифии. В эпоху первичного освоения железа складывается Ассирийская держава — первая «мировая» империя, к VIII в. до н. э. объединившая значительную часть Передней Азии (и на короткое время подчинившая даже Египет), и развивается финикийская колонизация, создающая первую достоверно известную — морскую по природе и переднеазиатскую по происхождению — средиземноморскую культурно-экономическую общность.

В VIII в. до н. э. начинается чудо эллинской цивилизации. Греки Эгеиды, европейцы по происхождению, талантливо перерабатывая импульсы, полученные из Передней Азии, в короткий срок развивают социально-экономическую систему полиса, заимствуют у финикийцев и перерабатывают алфавитную систему письменности, создают первые в мире литературу и философию, начинают перехватывать у финикийцев инициативу в освоении Средиземноморья.

В это же время в южной части Евразии начинается период возникновения качественно новых социально-экономических и идеологических систем. При этом в VIII—VII вв. возникновение принципиально нового сопровождается ломкой, освоением, обобщением и переработкой наследия предшествующей эпохи, а в VI—IV вв. происходит кристаллизация новых структур. Достаточно напомнить, что в VIII—IV вв. до н. э. дооформились олимпийская религия и брахманизм,

возникли греческая философия, зороастризм, буддизм, даосизм и конфуцианство, сложилась основная часть библейского канона.

В VIII—V вв. до н. э. возникает панэллиническое и «европейское» сознание у греков юга Балканского полуострова и закладывающиеся предпосылки европейской культурной общности — цепочка греческих полисов от Иберии до Понта, образующих первую европейскую — средиземноморскую культурную общность. Передняя Азия (и, частично, Передняя Азия) находит полное политическое выражение в Персидской державе (VI—IV вв. до н. э.).

К VIII в. до н. э. в степной полосе Евразии (в пределах складывающейся Скифии) происходит оформление кошевой системы скотоводческого хозяйства, сопровождающееся сложением качественно новых этносоциумов, определяемых ассирийцами и греками как «скифские». Западным аванпостом этой евразийской кошевой и полукочевой Скифии является описанное Геродотом Скифское царство, возникшее после первой миграции кочевников из-за Каспия на запад на рубеже VIII—VII вв. до н. э. и последующих их походов в Переднюю Азию. Фиксируемые археологами проявления материальной и духовной культуры в степной и лесостепной Скифии — от Дуная до Енисея — с середины VIII по рубеж IV—III вв. до н. э. по своей яркости и грандиозности не имеют себе равных на этой территории вплоть до начала II тысячелетия н. э. [9].

Важно отметить, что если в Средиземноморье и Европейской Скифии очерченные кардинальные изменения VIII—V вв. до н. э. происходят в условиях широкого распространения с X в. до н. э. железных орудий и оружия, то в Закаспийской Скифии и Китае они начинаются еще в эпоху доминирования бронзы, поскольку широкое внедрение железа в сферы производства и вооружения начинается здесь позднее (в Китае — ок. 300 г. до н. э.).

Существенные изменения происходят в это же время и в лесной зоне Скифии: в VIII—VI вв. до н. э. здесь возникают культурные общности (дыяковская, штрихованной керамики, днепр-двинская и др.), стабильно существующие вплоть до II—V, а некоторые — до VII—IX вв. н. э. Сложение этих лесных культур сопровождается возникновением укрепленных пунктов, социально-экономические функции которых еще не вполне ясны. Видимо, качественно новые социально-экономические и этногенетические процессы охватывают и лесную зону, в пре-

делах которой с конца I тысячелетия до н. э. находится «прародина славян» [26, с. 59—94; 38], а много позднее возникает севернорусское протогосударство.

Через глубинные области Скифии прокладываются в это время пути, связывающие их с возникающей средиземноморской Европой. Один путь — из лесного Зауралья, через степи, морем в Синоп, а оттуда в Эгиду — фиксируется уже для VII в. до н. э. Другой, ведущий в V в. из Причерноморья на С вдоль Танаиса и далее по лесам на В в лесостепное Приуралье к «священному народу аринпеев», подробно описан Геродотом [20, с. 33—36].

Глубинные причины кардинальных изменений в эту поворотную эпоху в социальной и духовной жизни этносоциумов Евразии (VIII—V вв. до н. э.) изучены еще недостаточно. Представляется достойным внимания хронологическое совпадение эпохи великих перемен (800—400 гг. до н. э.) и эпохи существенного похолодания и природных катаклизмов (900—300 гг. до н. э.), охватившей всю территорию Евразии.

В конце IV — начале III в. до н. э. под ударами кочевников-сарматов гибнет Причерноморская Скифия, а на Дальнем Востоке начинается строительство Великой стены, защищавшей Китай от кочевников. В это же время Александр Македонский сокрушает Персию и на базе его огромной, но недолговечной державы возникает система эллинистических государств, образующих восточносредиземноморское культурное единство.

Деятельность Александра и его преемников была выражением глубинных возможностей и потребностей, заложенных в самой природе, очертаниях и размерах Средиземноморья и выявленных социально-экономическим развитием этносов, населявших его берега. Средиземное море, разделяя собой Европу и Азию (в которую до VI в. до н. э. включалась и Ливия), одновременно и объединяло их. Нигде на Земле в зонах умеренного и теплого климата нет ничего подобного Средиземному морю (в это понятие мы включаем и Черное море с Азовским, представляющие собой северо-восточные заливы Средиземного). Почти замкнутое, соединенное с океаном лишь узким Гибралтаром и хорошо защищенное от океанских бурь, невероятно глубоко врезанное в «тело» Старого Света, изобилующее островами и полуостровами, оно представляло собой как бы естественный домашний бассейн, где хозяева суши — люди — могли отретировать навыки дальних передвижений по морям, сыгравших

в дальнейшем такую роль в установлении разнородных глобальных связей.

Северное (европейское) побережье Средиземноморья более изрезано, чем южное и восточное (афроазиатское), более богато лесами, вилотную подходящими к морю, что в итоге должно было дать европейцам преимущество в развитии мореплавания. Однако первичные экономические и культурные импульсы исходили с Переднего Востока, и его политические и сакральные центры еще долго обладали для европейцев непреодолимой притягательностью. Выражением этой тяги и была деятельность Александра, приведшая к возникновению эллинистической цивилизации.

Следующий этап в создании целостной и замкнутой Средиземноморской политико-культурной общности — это сложение Римской империи, политические центры которой (Рим и Константинополь) находятся в Европе, а идеологическое обновление (в лице зародившегося в ее недрах христианства) приходит из Передней Азии.

Однако с III в. внутренние противоречия и столкновения с варварским миром неизбежно вели к краху Римской империи. В сокрушении ее сыграли свою роль и этносоциумы Скифии. Роль известного катализатора в процессе разрушения империи сыграли гунны, ядро которых, сложившись в Центральной Азии, продвинулось на запад по извечной дороге кочевников, вовлекая в свое движение различные этносы, и в конце IV — середине V в. обрушилось на границы империи. Прodelав эту работу, ядро гуннского этносоциума бесповоротно растворилось в массе подчиненных этносов, утратив свой, до сих пор таинственный, язык и оставив в наследство лишь несколько слов, из коих важнейшим для истории Скифии является слово *каган* (или его вариант *хан*), обозначающее суверенного государя.

Последовавший в V в. крах Западной Римской империи, казалось бы, перечеркнул европоцентрические тенденции в развитии Средиземноморья. Однако уже с конца V в. в самом центре Европейского полуострова начинает слагаться франкское королевство Меровингов. С 687 г. это королевство управляется майордами из рода Пипинидов (Каролингов), один из которых — Карл Мартелл — в 732 г. сумел нанести поражение вторгшимся из Испании арабам, приостановив этим исламскую экспансию в Европе. В 751 г. Пипин Короткий провозглашается с согласия папы королем, а в 756 г. при его поддержке возникает папское светское государство. Взаимодействие богатой романской

культурно-политической традиции с социальными потенциями еще сохраняющих общинный уклад германцев приводят к сложению в центре Европы мощного королевства, которое в 800 г., после того, как папа увенчал Карла Великого императорской короной, приобретает статус франкской Римской империи.

Центры этой первой чисто европейской империи (которую вынуждена была признать в 812 г. и Восточная Римская империя, т. е. Византия) находятся уже не на средиземноморском побережье, а в глубине Европы, ближе к северным морям. Это недолго существовавшая империя, занимавшая территорию будущих Франции и Германии, а частично — Италии, Испании и Австрии, стала ядром растущего организма Европы как социально-экономического и культурно-идеологического единства. Возникновение и рост в это же время (VII—VIII вв.) исламского Арабского халифата обособляет южную, афро-азиатскую часть Средиземноморья от северной. С этого времени существуют две средиземноморские социально-культурные общности — северная европейская — христианская и южная афроазиатская — исламская. Совпадение границ географических и культурно-политических нарушается лишь на стыках двух систем — в Испании, захваченной арабами, и в Малой Азии, принадлежащей Византии. Впрочем, и это несоответствие к XII в. сглаживается успехами Реконквисты в Испании и турок-сельджуков в Малой Азии.

Едва успев возникнуть, раннефеодалная Европа начинает с конца VIII в. «испытываться на прочность» морскими набегами норманнов. Формально выступавшие как враги империи (и ее политических наследниц — Франции и Германии), норманны одновременно способствовали укреплению ее обороноспособности. Будучи ближайшими соседями империи, близкими по языку и этнопсихологическому складу к ее населению, скандинавы были «обречены» на включение в «систему Европы». Уже в эпоху викингов, наряду с набегами и переселениями, развиваются интенсивные торговые связи по Северному и Балтийскому морям от низовий Рейна на западе до низовий Волхова на востоке и складываются культурно-экономическая общность «северного Средиземноморья» [22], которая позднее станет ареной деятельности ганзейских городов и Новгорода.

Скандинавы с давних времен (походы кимбров и готов) были ориентированы на приобщение (в тех или других формах) к богатствам Средиземноморья. Естественно,

что и в эпоху своей наивысшей экспансии — в IX—X вв. они вновь устремляются туда. Морской путь вел вокруг Европы через Гибралтар и был сопряжен с необходимостью преодолевать океанские бури и сопротивление прибрежных жителей империи и халифата. Более безопасными, пролегающими через земли менее развитых и сильных этносоциумов, представлялись пути по рекам, соединяющим между собой Балтийское и Черное море [14; 20, с. 5—25]. Однако, как это ни странно на первый взгляд, наиболее используемой дорогой на юг становятся не более знакомые, естественные и близкие пути по Висле, Неману или Западной Двине, а наиболее северный путь — через Ладожское озеро и впадающие в него реки (рис. 2).

К концу VIII в. вся область между восточными окраинами северного и южного Средиземноморья — от Волхова до низовий Дуная и Днепра — была занята широко расселившимися группировками восточных славян, находившимися социально на грани вызревания государственных структур [26, с. 87—91, рис. 7; 21, с. 5—25; 24, с. 3—29].

Как показывают археологические и письменные источники, первые раннегосударственные образования возникают в начале IX в. на Волхове и, чуть позднее, в середине IX в. в Днепро-Двинском междуречье (Смоленск) и в Среднем Поднепровье (Киев). Позднее (конец XI — начало XII в.) славянский летописец, уже знакомый с греческой историко-географической терминологией, обозначил все население этой огромной территории термином *Великая Скуфь* [24, с. 23—24]. И именно через эту «Великую Скуфь» (или Европийскую Скифию по нашей терминологии) в середине VIII—IX вв. прокладываются торговые, переселенческие, культурные, дипломатические и военные пути. Они связывают страны и этносы балтийско-северноморской Европы, с одной стороны, с Византией (как бы замыкая этим круг складывающегося европейского культурно-экономического единства), а с другой — с Арабским халифатом (создавая путь преимущественно мирных контактов между двумя наследниками Средиземноморской общности). По этим путям и проникают в Скифию (и далее в Византию и в страны халифата) разноэтничные выходцы с побережий Северного и Балтийского морей, вступающие в разнообразные контакты с местным населением.

Знакомство жителей Скандинавии с побережьем Финского залива и Приладожьем относится (по письменным источникам) к I—IV вв. н. э. [1, с. 255; 21, с. 9—11; 24,

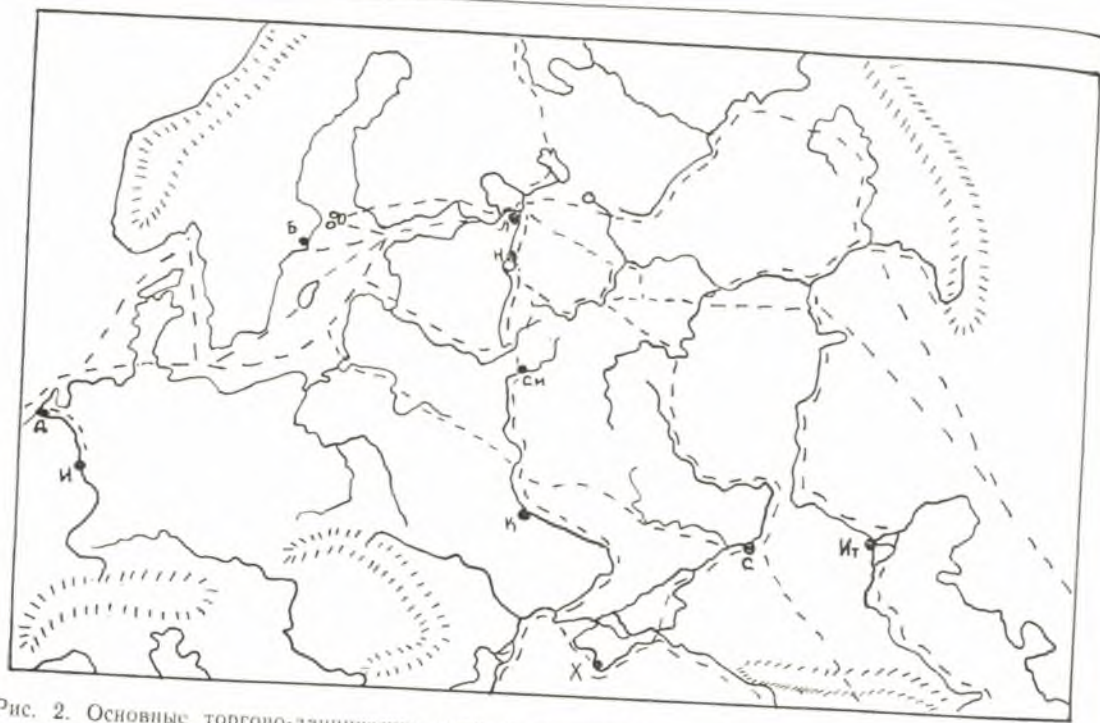

Рис. 2. Основные торгово-данныческие пути, стимулировавшие сложение древнерусского протогосударства

● — города и протогорода IX в.: Б — Бирка, Д — Доррестад, И — Ингельгейм, Ит — Итзау, К — Киев, Л — Ладога, Н — Новгород, С — Саркел, См — Смоленск, Х — Херсонес

с. 4—5]. Какую-то часть Европейской Скифии, видимо, обозначали термином *Golthescytha* (Иордан, Гетика, 116). В эпоху средневековья скандинавы обозначали области к В от Прибалтики терминами «Скифия» или «Холодная Скифия», а также «Великая Свитьод» (т. е. «Великая Швеция») или «Холодная Свитьод». Под этими названиями в «Круге Земном» (ок. 1230 г.) выступает область, граничащая на Ю с Черным морем и охватывающая на С «пустынные из-за мороза» районы (тундра?); на В, отделяя «Холодную Свитьод» от других стран, тянется большой горный хребет с северо-востока на юго-запад (Урал). По этой стране в Черное море (включающее в себя в данном случае и Азовское) течет река Танаис, разделяющая Европу и Азию [36, с. 11—12]. В данном описании «Холодная Свитьод» соответствует Восточноевропейской равнине.

Уникально для древней географии хорошее знакомство с Уральским хребтом, общее направление которого — с ССВ на ЮЮЗ — довольно верно определено в «Круге земном». Несомненно, скандинавы достигали Урала в раннем средневековье (скорее всего, в конце VIII—X вв., в эпоху своей максимальной активности). Среди письменных источников, оспешающих историю древнейшей Руси, выделяются два.

Первый — это записанное во 2-й половине IX в. Ибн-Хордадбеком и отражающее реальность середины IX в. сообщение о русах, которые представляют собой «вид славян» и вывозят меха и мечи «из самых отдаленных [частей] Страны Славян к Румскому морю», а также «отправляются по... реке славян» (Дону?) и затем «проезжают проливом столицы хазар» (Нижняя Волга) в Каспий [28, с. 372—387].

«Самой отдаленной» от «Румского (Черного) моря» и Каспия частью страны восточных славян являлось Поволжье и Приильменье. О том, что в столь раннее время мусульманский мир имел представление о Северной Руси, говорит написанное около 840 г. сочинение ал-Хорезми, где упоминается гора *Рус*, с которой течет река *Др. ус* (Данапрос — Днепр?) [28, с. 373—374].

Второй источник — это сообщение Бертинских annalов под 839 г. о прибытии на Рейн в Ингельгейм с послами византийского императора к франкскому императору Людовику Благодетельному «неких [людей], которые говорили, что их, то есть их народ, зовут Рос» и которых «царь их по имени хаган отправил» к императору «ради дружбы». Византийский император просил франкского, чтобы тот «дал им возможность воротиться... так как пути, коими они прибыли...

в Константинополь, шли среди варваров, весьма бесчеловечных и диких». Расследование показало, что «они принадлежат к народности шведов (*eos gentis esse Sueonum*)». Людовик, «считая их скорее разведчиками по тому царству (Византии) и нашему», решил задержать послов хагана народа Рос для проверки их благонадежности [34, с. 35].

Два приведенных сообщения, кроме имени *ros/rus*, имеют и еще две неясные точки соприкосновения. Упоминаемые в первом из них мечи, являющиеся предметом торговли (и, следовательно, высококачественные), могут быть, как показывают иные письменные источники и археологические данные, лишь франкскими мечами, основные центры производства которых находились на Рейне [10, с. 18—49]. Контакт жителей Балтики с Нижним Рейном, причем не всегда мирный, подтверждается той настроенностью, с которой франки отнеслись к шведскому происхождению «послов-разведчиков»: выявляется этот контакт и археологически. Кроме того, возвращение послов на родину через Нижний Рейн предполагает, что она находилась не в Киеве, а на севере. В низовьях Рейна находился город Доррестад, который в правах вассала императора держал Рорик Фрисландский; тождество его с Рюриком, упоминаемым в ПВЛ под 862—879 гг. (или, по Б. А. Рыбакову, под 870—887 гг.), весьма вероятно [14, с. 43—73; 16, с. 214; 24, с. 26—29; 31, с. 162—173; 32, с. 229]. Итак, из сопоставления двух источников вытекает следующая картина: в 830—850-х гг. на северной окраине восточнославянских земель существует социальный организм, население которого состоит из коренных жителей Европейской Скифии — *саклиба*, в том числе и собственно славян; однако в составе его имеются и выходцы из Скандинавии, играющие особую роль в качестве «землепроходцев» (послов, разведчиков, а также, вероятно, купцов и собирателей дани). Население этого протогосударства (вероятно, в основном, его верхние слои) ведет торговлю франкскими мечами, сделанными в основном на Рейне, и мехами, добытыми в лесной зоне Скифии. Протогосударство вступает в контакты с крупнейшими государствами Европы и Передней Азии, а правитель его именуется не *князь* или *конунг*, а *хаган*, что говорит о его политической и экономической ориентации на хазарский каганат, а также об его суверенности и высокой политической амбиции.

Обрисованная картина является как бы логическим итогом прослеженного в настоя-

щей работе процесса постепенного расширения зон европейской и средиземноморской историко-культурных общностей. Поиск конкретного центра складывающегося севернорусского протогосударства с неуклонностью приводят исследователей в Старую Ладогу, где раскопками обнаружены яркие следы протогородского поселения, возникшего в середине VIII в. [19, с. 326; 33, с. 27—75], поблизости от которого расположены грандиозные погребальные сооружения (сопки), древнейшие из коих относятся к VIII в. [29, с. 143].

Не вполне объяснимым представляется лишь чрезвычайно северное расположение центра протогосударства. Ведь более южные пути — по Неману и Западной Двине — обеспечивали более удобный и короткий контакт Балтики и с Византией, и с Передним Востоком. Суммируя данные письменных источников и археологических исследований, можно наметить следующие географические, экономические, политические и культурные причины возникновения центра русского протогосударства именно в Приладожье.

1. Как явствует из описания Ладожского озера и Невы, данного в ПВЛ, и аналогичного описания некоего огромного озера, соединенного рекой с морем восточнее Скандинавии, у Иордана, Ладожское озеро представлялось скандинавам как бы прямым продолжением пресноводной Балтики, соединенным с ней широким устьем [21, с. 9—11]. Иными словами, Ладожское озеро было как бы восточным заливом «северного Средиземноморья», его неотъемлемой частью, куда корабли жителей Прибалтики под действием господствующих в этих местах западных ветров проникали, так сказать, «естественным путем». Другой путь с запада в Ладогу проходил по озерно-речной системе Саймы—Вуоксы. Некоторое потепление климата в конце I тысячелетия н. э. также стимулировало освоение новых земель.

2. Устремляясь на ЮВ по Висле, Неману и Двине, торгово-военные экспедиции в VIII—IX вв. вынуждены были преодолевать упорное сопротивление этносов, уже находящихся на грани вызревания государственных систем (западные и восточные славяне, пруссы, кривичи). В то же время путь через Ладожское озеро на Верхнюю Волгу (или в бассейн Северной Двины) проходил по слабо заселенной южной кромке тайги, где жило менее развитое в социальном отношении население (например, бродячие охотники *самы*).

3. Чрезвычайно важно то, что большой притягательностью для мореходов Прибал-

тики обладали не только богатые страны Юго-Восточной Европы и Передней Азии, но и глубинные районы Скифии. Археологические данные и письменные источники убеждают, что совершенно особые, интенсивные контакты устанавливаются с VIII в. между побережьем Балтики и Камским Приуральем. Сакрально-торговые пути уже в VI—V вв. до н. э. связывали античное Причерноморье и степную Скифию с Приуральем (правда, с несколько более южными его областями по притоку Камы, реке Белой, где жил «священный народ аргипеев»). Сопоставление сведений Иордана о Приладожье и Верхнем Поволжье с картой Птолемея, на которой помечены западный и восточный (Кама или Белая—Кама) истоки Волги [21, с. 9, 10], позволяет предположить, что путь от Финского залива в Прикамье был уже известен в I—IV вв. В VIII в. движение по этому пути, пролежавшему через Приладожье и Верхнюю Волгу (а возможно, и по Сухоие), заметно интенсифицируется и становится уловимым археологически. Вероятно, основным предметом экспорта из этих областей был особо ценившийся в Европе мех таежного соболя, название которого было заимствовано в VIII в. из русского в западноевропейские языки; могли вызывать интерес и рудные богатства Урала (югорские «серебро и соболи» и таинственное «закамское серебро» повгородской летописи). Археологически этот путь улавливается по распространению из Прикамья через Поволжье и Приладожье в юго-западную Финляндию особого типа наборных поясов конца VII—VIII в. н. э. [35, с. 27], некоторых типов кресел середины IX—X в. [17, с. 88—90, рис. 6], а также по распространению из Прибалтики через Ладогу на Каму сюжета «Один (?) и два бобра», изображенного на разных предметах VIII—X вв. [12, с. 135—140; 33, с. 60—62]. Также с 3 на В (но лишь до района у слияния Камы и Волги) распространяются «франкские» мечи (VIII—X вв.) и до Нерли Клязьминской — имевшие магическое значение глиняные бобровые лапы (VIII—X вв.), ранее всего зафиксированные на Аландах [7, с. 20—28]. Характер распространявшихся вдоль Балто-Камского пути предметов и сюжетов позволяет ставить вопрос не только об экономическом, но и о сакральном аспекте связей, соединявших в VIII—IX вв. языческое население Скандинавии, Приладожья и Прикамья. Напомним, что «сакральные пути» связали Приуралье и Зауралье с Восточным Средиземноморьем и Северным Причерноморьем еще в VIII—V вв. до н. э. [20, с. 33—36, рис. 1].

4. Важно отметить, что Прикамье в VII—IX вв. привлекало не только североевропейцев. Остается в силе предположение В. Л. Янина, что высокий процент сасанидских монет в кладах 1-й трети IX в. на берегах Верхней Волги, Ладоги и Финского залива (Угличский, Княщинский и Петергофский клады) говорит о связях с Прикамьем, куда сасанидские монеты попадали в заметном количестве еще в VI—VII вв. [40, с. 84—85]. Притягательность Прикамья для жителей Прибалтики и Приладожья усиливалась тем, что Прикамье было связано с VI в. с государствами Азии водным торговым путем по Волге и прямым караванным путем из Средней Азии. После гибели Сасанидского Ирана (ок. 650 г.) исламские государства отправляют по караванному пути на Каму большое количество сасанидского и постсасанидского художественного серебра, оседающего в Прикамье. Нигде более на территории Скифии нет такого скопления разнообразных импортных художественных вещей VI—IX вв., как в Прикамье. То, что многие из этих предметов покрыты изображениями местной камской работы, говорит об их культово-магическом употреблении [6, с. 7—166, 176—188].

5. Таким образом, экономический и культурный контакт Прибалтики и Приладожья с Прикамьем стимулировал и возможность прямых контактов со странами халифата. Однако бурная экспансия ислама, военные столкновения хазар и арабов в 707—737 гг. в районе Кавказа мешали развитию контактов в юго-восточном направлении. Временная победа халифата над Хазарским каганатом в 737 г. и установившийся в 738—762 гг. мир [28, с. 367—371] дали возможность проложить прямые пути между Балтикой и Передним Востоком, пролежавшие в начальной своей части через Приладожье, Западную Двину и Понеманье [13; 22, с. 160—163]. Путь, пролежавший через Приладожье, в дальнейшем шел через Волхов—Мсту (либо Полуд), Сясь или же Пашу в бассейн Верхней Волги. Оттуда пути на ЮВ вели (как явствует из письменных и археолого-нумизматических источников) либо от слияния Волги и Камы прямым караванным путем в Хорезм, либо вниз по Волге, либо от волоков между Окой и Доном по Дону, с дальнейшим выходом на Волгу или на кавказские проходы; с Немана и Западной Двины отдельный путь шел через Поднепровье на Северский Донец и Дон. Путь по Дону создавал возможность и для выхода в Черное море и торговли с Византией [2].

6. Между Западной Двиной и Приладожьем — начальными участками двух основных путей из Балтики на ЮВ — существовал естественный и короткий связующий меридиональный путь по течению Ловати и Волхова. Освоение этого пути создавало замкнутый водный торгово-данныческий маршрут по северо-западу Европейской Скифии. Кроме того, тот этносоциум, который смел бы утвердиться на этом пути, держал бы в руках оба пути на ЮВ [21, с. 12—18].

Но этот же путь был одним из основных направлений расселения на север балто-славянских этногрупп, наиболее развитые из которых несли с собой с юга, из Прикарпатья и Среднего Поднепровья новые формы земледельческого хозяйства и социальной организации. Кроме того, путь на ЮВ от Западной Двины с неизбежностью пересекал Днепр, текущий на Ю, в область сплошного славянского заселения, и обеспечивающий кратчайший путь из Приладожья в Константинополь. Поэтому любая из полиэтнических военно-торговых «дружин», пытающаяся закрепиться на ловатско-волховском пути, с неизбежностью вступала на путь «славянизации», взаимодействуя со славянскими этносоциальными организациями («княжения»).

На пересечении широтных путей на В с меридиональным (связующим и ведущим на Ю) и возникают два основных центра — Ладога (сер. VIII в.) и Смоленск. «Гнездовское поселение» (IX в.); между Ладожским Поволховьем и Днепро-Двинским (смоленским) междуречьем уже с 760-х гг. устанавливаются сложные отношения этнокультурных контактов, а позднее и политического соперничества [5, с. 57—58]. Видимо, именно общность к пушным богатствам таежного Севера дала преимущество ладожскому центру. Однако позднее центр севернорусского протогосударства (возникшего после событий 859—862 гг.) переносится на юг, в Новгород («Рюриково городище»), а затем, около 882 г. (или, по Б. А. Рыбакову, 890 г.), князь-поевода Олег, включив в свои владения Смоленск, переносит свою резиденцию в Киев, в глубь массива восточнославянских земель [21, с. 3—4], где с 860-х гг. (а возможно, и ранее) уже существовало южнорусское протогосударство во главе с Аскольдом.

Севернорусское протогосударство возникло на севере Европейской Скифии на пересечении путей, ведущих: а) из Европы (Греко-Кельтики) в глубь Скифии — через Финский залив и Приладожье в Прикамье, б) из Европы через Приладожье и Прионежье в Беломорье (в Биармию скандинав-

ских сар), в) из Северной Европы через Приладожье и Верхнее Поволжье, а затем по Дону или Волге или через заволжские степи — на Передний Восток, г) из Скифии через Приладожье, Балтику и Северное море в Скандинавию и Западную Европу, а затем далее вокруг Пиренейского п-ова в Средиземноморье, д) из Северной Европы и северной Европейской Скифии по Диспру или Дону — в Восточное Средиземноморье (предшественник пути «из варяг в греки»). Два последних пути образуют в сумме замкнутый путь, как бы окаймлявший всю Греко-Кельтику и большую часть Европейской Скифии и прочно включавший Русь в систему европейских государств (рис. 2).

В создании севернорусского протогосударства изначально принимали участие различные славяно-балтские и финские этногруппы, а также выходцы с побережий Балтики и Северного моря (из Фрисландии, со Скандинавского п-ова, Готланда и Аландов) [3, с. 17; 4, с. 101—118; 5, с. 57—58; 23, с. 3—33; 25; 33, с. 73—75].

Дальнейшая эволюция протогосударства характеризуется переориентацией торгово-политических связей на юг, в сторону Константинополя, переносом столицы в Киев, включением в среднеднепровский этносоциальный контекст и окончательной победой славяноязычного этнокомпонента. Отметим, что классический водный путь «из варяг в греки» стал в полной мере реальностью лишь с рубежа IX—X вв., что связано с подъемом уровня воды в Ильмене и Ловати в X в. В итоге в конце IX — середине XI в. складывается Древнерусское государство, окончательно и прочно соединившее область «зарождения Европы» (Восточное Средиземноморье) и область, где завершилось сложение европейского историко-культурного единства («северное Средиземноморье»). Одновременно Древняя Русь представляет собой зародыш того государственного организма, которому суждено было объединить почти всю территорию древней евразийской «Скифии». Каждый раз, когда единство Руси и самому ее существованию грозила опасность, спасение приходило с Севера, из глубин «лесной Руси». Таким образом, именно наличие русского «лесного тыла», постепенное освоение всей лесной Скифии превратило Русь в чрезвычайно устойчивое государство, выдержавшее такие исторические потрясения, подобные которым всегда оказывались губительными для более древних этносоциумов (скифское государство, готский и антский союзы племен), возникавших в степном или лесостепном Причерноморье и лишенных надежной, освоенной «лесной базы».

1. Браун Ф. А. Разыскания в области гото-славянских отношений. Саб., 1899, [т.] 1. Готы и их соседи до V в.
2. Булкин В. А., Мачинский Д. А. Русь конца VIII—начала X в. на балто-волжских и балто-донских путях.— В кн.: Финно-угры и славяне. (Пробл. ист.-культ. контактов). Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар, 1986.
3. Давидан О. И. Изделия из рога и кости Старой Ладogi как исторический источник. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Л., 1974.
4. Давидан О. И. Стратиграфия нижнего слоя Староладогского городища и вопросы датировки.— АСГЭ, 1976, [вып.] 17.
5. Давидан О. И., Мачинская А. Д., Мачинский Д. А. О роли балтов в формировании культуры Северной Руси VIII—X вв. (по дан. летописей и археологии).— В кн.: Проблемы этнической истории истории Рига, 1985.
6. Даркевич В. П. Художественный металл Востока. VIII—XIII вв. Произведения вост. торевтики на территории Европ. части СССР и Зауралья. М., 1976.
7. Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.
8. Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. М., 1961.
9. Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977.
10. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. М.; Л., 1966, вып. 1. Мечи и сабли IX—XIII вв. (САИ, [вып.] E1-36[2]1).
11. Кирпичников А. Н. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований).— В кн.: Средневековая Ладога. Новые археол. открытия и исслед. Л., 1985.
12. Корзухина Г. Ф. Об Одино и кресалах Прикамья.— В кн.: Средневековая Русь. М., 1976.
13. Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967.
14. Крузе Ф. О происхождении Рюрика.— ЖМНП, 1836, янв.
15. Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Спб., 1893, т. 1.
16. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Ист.-археол. очерки. Л., 1985.
17. Лехтосало-Хиландер П.-Л. Связи западных финнов с Восточной Европой в эпоху викингов.— В кн.: Финно-угры и славяне. Докл. I сов.-финлянд. симпоз. по вопр. археологии. 15—17 нояб. 1975 г., Ленинград. Л., 1979.
18. Мачинский Д. А. Возникновение Древней Руси в контексте истории Средиземноморья (VIII в. до н. э.—XI в. н. э.; основные контуры концепции).— В кн.: Балканы в контексте Средиземноморья. Пробл. реконструкции яз. и культуры. М., 1986.
19. Мачинский Д. А. Некоторые проблемы этногеографии восточно-европейских степей во II в. до н. э.—I в. н. э.—АСГЭ, 1974, [вып.] 16.
20. Мачинский Д. А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников.— АСГЭ, 1971, [вып.] 13.
21. Мачинский Д. А. О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности.— В кн.: Археологические исследования Новгородской земли. Межвуз. сб. Л., 1984.
22. Мачинский Д. А. [Рец. на кн.: Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.—СЭ, 1984, № 6.]
23. Мачинский Д. А. Ростово-Суздальская Русь в X в. и «три группы Руси» восточных авторов.— В кн.: Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока. Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар; Пермь, 1985.
24. Мачинский Д. А. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси.— В кн.: Русский Север. Пробл. этнокульт. истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986.
25. Мачинский Д. А., Кузьмин С. Л., Мачинская А. Д. Ранние скандинаво-славянские контакты по материалам Ладоги VIII—X вв.— В кн.: X Всесоюзная конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. М., 1986, ч. 1.
26. Мачинский Д. А., Тиханова М. А. О местах обитания и направлениях движений славян в I—VII вв. н. э.— ААС, 1976, т. 16.
27. Меховский, Матвей. Трактат о двух Сарматиях. Пер. с лат. М.; Л., 1936.
28. Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв.— В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
29. Петренко В. П. Классификация сопки Северного Поволжья.— В кн.: Средневековая Ладога... Л., 1985.
30. Повесть временных лет. М.; Л., 1950, ч. 1: Текст и перевод (ЛП).
31. Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. [М.], [1963].
32. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981.
33. Рябинин Е. А. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище в 1973—1975 гг.).— В кн.: Средневековая Ладога... Л., 1985.
34. Сборник документов по истории СССР. М., 1970, ч. 1. IX—XIII вв.
35. Седов В. В. Новгородские сопки. М., 1970 (САИ, [вып.] E1-8).
36. Снорри Стурлусон. Круг Земной-Heimskringla. [Пер. с исланд.]. М., 1980 (ЛП).
37. Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.
38. Щукин М. Б. О трех путях археологического поиска предков раннеисторических славян. Перспективы третьего пути.— АСГЭ, 1987, [вып.] 28.
39. Щукин М. Б. Современное состояние готской проблемы и черняховская культура.— АСГЭ, 1977, [вып.] 18.
40. Янин В. А. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956.
41. Miodowicz K. Współczesne koncepcje lokalizacji pierwotnych siedzib słowian. Dane językoznawcze.— ZNUJ PE, 1974, t. 782, z. 19.

Summaries

I. V. Kalinina, E. A. Ustinova

AN ATTEMPT OF THE UTILIZATION OF EXPERIMENTAL MODELS
FOR THE ANALYSIS OF POTTERY TECHNOLOGY
(BASED ON THE MATERIALS OF POLUDENKA I AND KHUTOR NEOLITHIC
SITES)

Comparison of the technological parameters of pottery from the Neolithic sites of Poludenka I (Trans-Urals) and Khutor (Kama Basin) has been carried out using the method of physical modelling of various stages of the technological process, with the aim of the verification of the parameters.

Nine types of the design of vessel edges have been differentiated; three of these are represented in both sites. The study has revealed differences in the two complexes, concerning the primary and secondary processing of vessel surfaces, and three groups of ornamentation, depending upon processing technology.

The comparison has also shown that the complexes rely on different traditions.

The method of physical modelling clarifies the natural interrelation of the parameters and the dependence of various stages of the process upon one another.

The materials studied give an idea of the possible ways and forms of borrowings, mutual influence of the complexes, and provide the basis for the evaluation of the technological process from the point of view of the modern experience, and for the elucidation of ancient technologies in general.

G. I. Smirnova, M. T. Kashuba

TWO LOCAL GROUPS OF THE LATE CHIorny LES CULTURE
OF THE MIDDLE DNIESTER

The discussion of the non-uniformity of the Middle Dniester late Chiorny Les culture, started in the early 1980s, is continued here using the Brainard-Robinson procedure.

Statistical and comparative studies of nine comprehensive collections of pottery (no less than 200 fragments each) have been carried out. Similar groups of items in all the nine inventories suggest that the collections belong to one and the same chronological level (see fig. 2). According to the statistics of two large collections (Dniestrovka settlement and Grigorovka site) given in Fig. 3, it is dishes that reveal the chief divergencies. The divergencies suggest that the finds belong to two different local groups here termed Dniestrovka-Lenkovtsy and Grigorovka.

The similarity indices calculated for each pair of collections endorse the existence of the two local groups (see Tables 1, 2). Table 2, which gives the results of the calculations, shows that some of the settlements (Bronnitsa, Yaruga-Patlayevskaya Odaya, Yaruga by the Cross, Matveyevka I) in the southern part of the Middle-Dniester Porechye are close to Grigorovka site, while others (Komarov, Nagorane-Pidmet) in the north of the region are nearer to Dniestrovka settlement (fig. 1).

The local non-uniformity seems to have resulted from the participation of the Hallstatt culture of the Carpathians (Gava-Goligrady) and Moldavia (Sakharna-Solonchény) in the formation of these groups.

R. B. Ismagilov

BURIAL OF THE GREAT GUMAROVO BARROW IN THE SOUTHERN URALS AND THE PROBLEM OF THE SCYTHIAN CULTURE ORIGIN

The paper is concerned with the publication of the materials from a burial of the seventh century B. C. of the Gumarovo barrow located in the central part of the great steppe belt, Southern Urals. The study of the complex has resulted in the separation, in Eastern Europe, of a small group of sites characterized by a constant inventory of finds of definite types. The hypothesis that Scythian culture was indigenous in the Northern Black Sea region has been re-examined, since the

sites of the Chernogorovka and Novocherkassk cultures are not related directly to those of the Gumarovo type, next in succession. The origin of the group in question may be accounted for by the earliest migrations, recorded in central Eurasia, of the nomadic tribal unions from the Central Asia, i. e. ancient Scythians who constitute the Gumarovo stage of Scythian culture (first half of the 7th c. B. C.) discussed in the paper.

R. M. Minasian

THE EFFECTS OF PRODUCTION TECHNIQUES ON SOME FEATURES OF SCYTHO-SIBERIAN ANIMAL STYLE

Two iconographic types of animals can be distinguished in Scythian art. In some cases — stone steles, bone engravings, relief wood carvings applications, and other techniques using background — the iconography is based on the principles of animalistic naturalism, which presupposes a faithful rendering of animals' postures and anatomy.

Depictions that have no background are less durable; therefore the iconography acquires conventionality, heads, antlers, tails, and legs being knotted into a single composition.

The two types of iconography can be ac-

counted for by production techniques. In Scytho-Siberian art the proportion of antler and wood artifacts is high. The properties of these materials determined the durability of three-dimensional depictions made of them. It was antler- and wood-carving that influenced the techniques which, together with the canonized animal-style iconography, were adopted by later masters working with metal. Scythian metal-working techniques, rather poor as compared to those of the Caucasus, Near East, and Greece, indicate that decorative metal working here is comparatively late.

E. F. Chezhina

SAUROMATIAN ANIMAL STYLE: HISTORY AND CONTEMPORARY STATE OF THE PROBLEM

The questions of the ethnocultural history of the Volga and Urals tribes in the early Iron Age, as well as those of the Scythian animal style, much discussed nowadays, require a solution of a more limited problem, viz. the definition of the Sauromatian animal style.

The chief dissimilarities and affinities in the style of two regions, Lower Volga Basin and Southern Urals, had been established, by the 1960s, by M. I. Rostovtsev, P. D. Rau, B. N. Grakov, K. F. Smirnov, and L. Ya. Malovitskaya. Generally, however, Sauromatian art tended to be regarded as a homogeneous, single-ethnic version of the Scytho-Siberian animal style.

DENDROCHRONOLOGY OF THE SAYAN AND ALTAI GREAT BARROWS OF THE FIRST MILLENIUM B. C.

The results of the dendrological studies carried out by I. M. Zamotorin and E. I. Zakhariyeva coincide only partially. In the present study forty one samples from six barrows of the Sayan and Altai Mountains have been

used. The overlapping dendrograms from different barrows have yielded a general scale covering 634 years (cf. I. M. Zamotorin, 383 years; E. I. Zakhariyeva, 547 years). The succession of the mounting of the Great Barrows

seems to be as follows. The Arzhan Barrow in Tuva was mounted 200±5 years before the 1st Tuetke Barrow in the Altai. The mounting of the barrows in the Pazyryk valley started 130 years after Tuetke 1 had been completed. First, the 2nd Pazyryk Barrow was moun-

ted, then in one or two years, the 1st Barrow, and then the 4th and 3rd Barrows. The last one was the 5th Barrow mounted 49 or 50 years after the 2nd Barrow. This dendrochronological scale has been correlated to archaeological and radiocarbon data (see Table 3, Fig. 3).

N. G. Gorbunova, T. G. Obolduyeva

ARAL-TEPE SETTLEMENT IN FERGANA

The paper is concerned with the publication of the materials of the 1967–68 expedition undertaken by the Hermitage and the Fergana Museum to Aral-tepe settlement in northeast Fergana. Aral-tepe is a construction of a castle type, 400 m² in area. Its central building has shooting galleries at the sides and four corner towers. The galleries and towers have arrow-shaped loop holes. The build-

ing is dated to late 2nd or 3rd c. A. D. Originally it was, probably, a fortification used, at times, as a shelter for warriors. After the building had been abandoned, it was reconstructed and then backfilled, so that only a part of the floor in the upper storey has come down to our day. The reconstruction dates from the same period or close to it.

A. I. Semionov

THE PROBLEM OF THE DIFFERENTIATION OF CENTRAL-ASIAN ELEMENTS IN THE EARLY-MEDIAEVAL NOMADIC CULTURE OF EASTERN EUROPE

The paper presents new data concerning the key points of early-Mediaeval archaeology. On the basis of collections and archival materials new reconstruction of the burial rite and the inventory of complexes has been suggested.

Novogrigoryevka burial. Of the nine graves of «particular type» excavated in 1884 by D. Ya. Samokvasov, four graves have turned out to be Scythian rather than Mediaeval. Another grave of this type is, in fact, a ritual ground which completes the stone construction going from the largest of the barrows (fig. 1). The other four early-Mediaeval complexes are arranged in pairs at the sides of the large barrow, forming a meridional chain. The complexes south of the barrow are the oldest. Owing to the presence of

an iron stirrup and a spear and bronze gilded plaques (fig. 2), the southern-most barrow (No 17=grave 1) can be dated anew to the 7th c. A. D.

Voznesenka. L. A. Matsulevich's drawing preserved in the archives shows a calcinized human vertebra found among scorched objects. The architecture of the complex adds a Central-Asian feature to this doubtless evidence of cremation: a stone paved strip, several hundred meters long, goes to the east from the wall of the main structure.

The architecture of the complexes under review suggests that field work in combination with older descriptions may reveal other synchronous complexes, in the steppes of Eastern Europe.

O. I. Davidan

SCARAB FROM STARAYA LADOGA

A cornelian pendant was found in Staraya Ladoga in 1952. In material, shape, and ornament it is similar to stylized scarabs from Daghestan (1) and Sweden (3) dated to the 9th–11th centuries.

In Old Rus' cornelian objects were products of oriental trade. In Staraya Ladoga they were found in E3 (mid-8th — early 9th c.) and later levels. A small number of finds belong to D level (10th c.).

The scarabs found in Daghestan, Sweden, and Staraya Ladoga, the identity of the Staraya Ladoga beads and the synchronous finds of Scandinavia, as well as the appearance of the beads in the Northern Caucasus at an

earlier time corroborate the conclusion of the import of cornelian objects to Scandinavia, at the Viking Age, from the Caucasus via Eastern Europe, Staraya Ladoga being an important intermediate point.

Nomadic lazurite pendants of the 10th and 11th centuries, usually believed to be antropomorphic amulets, may be, in fact, highly stylized scarabs. In shape, some of the pendants resemble beetles with outlined wings. The same design can be seen in geometric (triangular or rhombic) pendants. The blue colour, traditional for scarabs, suggests a possible connection of the scarabs and the lazurite pendants.

D. A. Machinsky

SOME GEOGRAPHIC AND HISTORICAL PREREQUISITES
OF THE APPEARANCE OF THE NORTHERN RUSSIAN PROTO-STATE

The development of the European historical and cultural entity started in the eighth century B. C. in the Mediterranean area was completed in the eleventh century A. D., when the Scandinavian countries entered the system of Mediaeval European states. At the same time, the Mediterranean historical and cultural entity, responsible for the formation of the nation of Europe, that been split, by the 8th—9th centuries, into two parts: Frankish Empire (and her political successors) and Byzantium, on the one hand, and the countries of Arabian caliphate, on the other. In this situation, Northern Russian proto-state was formed, in 750—870, in the northern part of «European Scythia» on the banks of the Volkhov, with

Ladoga and later on, Novgorod as its centre. It was situated on the crossroads of northern (partly, central) Europe, southern Mediterranean Europe (Byzantium), the Near East (Arabian Caliphate), and the farther regions of Scythia (the Kama Basin and Khazaria). In the late ninth century the trade and military leaders of the Northern Russian proto-state chose Kiev, which had been the centre of the southern Russian proto-state, for their seat. It was Northern Rus' that played a unifying role in the formation of the Old Russian state in the late 9th—early 11th centuries and provided for the political stability and national identity of Rus' thereafter.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	Археологические открытия (Москва)
АН	Археологічні пам'ятки УРСР (Київ)
АРТ	Археологические работы в Таджикистане (Душанбе)
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭБ	Археология и этнография Башкирии (Уфа)
БСЭ	Большая Советская Энциклопедия (Москва)
ВВ	Византийский вестник (Москва)
ВДИ	Вестник древней истории (Москва)
ВИ	Вопросы истории (Москва)
выс.	высота
ГАИМК	Государственная академия истории материальной культуры (Ленинград, Москва)
ГИМ	Государственный Исторический музей (Москва)
ГМИНВ	Государственный музей искусств народов Востока (Москва)
ГЭ	Государственный Эрмитаж
ДАК	Дела Археологической комиссии
диам.	диаметр
дл.	длина
ДОКГО	Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР (Ленинград)
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения (Петербург—Петроград)
ЗРАО	Записки Русского археологического общества (Петербург—Петроград)
ИААН	Институт археологии Академии наук СССР (Москва)
ИБИД	Известия на Българското историческо дружество (София)
ИВГО	Известия Всесоюзного географического общества (Ленинград)
КГПИ	Куйбышевский государственный педагогический институт им. В. В. Куйбышева
КИМ	Краснодарский исторический музей
КМВ	Казанский музейный вестник
КСИА	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР (Москва)
КСИИМК	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии наук СССР (Москва)
ЛОААН	Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР
ЛОИА	Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
ЛП	Литературные памятники (Москва, Ленинград)
МАД	Материалы по археологии Дагестана (Махачкала)
МАР	Материалы по археологии России (Петербург—Петроград)
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР (Москва, Ленинград)

МХЭ	Материалы Хорезмской экспедиции (Москва)
НАА	Народы Азии и Африки (Москва)
ОАК	Отчет Археологической комиссии (Петербург—Петроград)
ОИПК ГЭ	Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
ПА	Проблемы археологии (Ленинград)
ПВЛ	Повесть временных лет
ПГУ	Пермский государственный университет им. А. М. Горького
разм.	размер
РОМК	Ростовский областной музей краеведения (Ростов-на-Дону)
СА	Советская археология (Москва)
САН	Свод археологических источников (Москва, Ленинград)
СГУ	Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
сем.	семейство (биол. термин)
СИНР	Страницы истории нашей Родины (Москва, Ленинград)
СЭ	Советская этнография (Москва)
ТАС	Труды археологического съезда
ТВДАЭ	Труды Волго-Донской археологической экспедиции (Москва)
ТИМ	Труды Государственного Исторического музея (Москва)
ТГЭ	Труды Государственного Эрмитажа
ТИИА	Труды Института истории и археологии Академии наук УзССР (Ташкент)
ТИИАЭК	Труды Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова Академии наук КазССР (Алма-Ата)
ТИЭ	Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР (Москва, Ленинград)
ТОСИРА	Труды отделения славянской и русской археологии Русского археологического общества (Петербург)
ТСКЭ	Труды Северо-Кавказской экспедиции 1958—1960 гг. (Москва)
ТТАЭ	Труды Таджикской археологической экспедиции Института археологии Академии наук СССР и Института истории им. А. Дониша Академии наук ТаджССР (Москва, Ленинград)
ТХАЭЭ	Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (Москва)
УГУ	Уральский государственный университет им. А. М. Горького (Свердловск)
УЗ ИГПИ	Ученые записки Ивано-Франковского государственного педагогического института
УСА	Успехи среднеазиатской археологии (Ленинград)
ФОКМ	Ферганский областной краеведческий музей
ХИМ	Харьковский исторический музей
шир.	ширина
ЛАС	Acta archaeologica Carpathica (Kraków)
ЛАЛ	Acta archaeologica Lundensia (Malmö)
АНГ	Archaeologica Hungarica (Budapest)
ВКСА	Berichte über der Internationalen Kongress für Slawische Archäologie
ВММА	Bulletin of the Metropolitan Museum of Art (New York)
ЕСА	Eurasia Septentrionalis Antiqua (Helsinki)
МН	Massa Newsletter (Philadelphia)
МЗМ	Mitteilungen des Zentralmuseums der ASRR der Wolgadeutschen (Pskrowsk)
РАР	Riks-antikvarilämbetet rapport (Stockholm)
z.	zeszít
ЗНУЖ РЕ	Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagellońskiego. Prace etnograficzne (Warszawa — Kraków)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Выпуск 29

Зав. редакцией Г. К. Черлинка. Редактор В. Л. Афанасьев. Переводчик текстов резюме на английский язык Ю. А. Клейнер. Художественный редактор Г. Г. Ябкевич. Технический редактор Л. Н. Чешейко. Корректор В. О. Кондратьева

ИБ № 2786

Сдано в набор 02.06.88. Подписано в печать 03.11.88. Формат 70×108/16. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 11,90. Уч.-изд. л. 12,81. Усл. кр.-отт. 11,99. Изд. № 694. Тираж 2070. Заказ № 1324. Цена 2 р. 60 к. Издательство «Искусство», Ленинградское отделение, 191186, Ленинград, Невский пр., 28. Ленинградская типография № 4 ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгения Соколова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 191126, Ленинград, Социалистическая ул., 11

В Ленинградском отделении издательства
«ИСКУССТВО»

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

очередной — 30-й — выпуск

**«АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СБОРНИКА
ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА»**

Издание предполагается выпустить в III квартале 1989 г.
Ориентировочная цена 1 р. 80 к.

Выпуск посвящен 225-летию Эрмитажа и содержит статьи по широкому кругу вопросов истории и культуры народов, населявших в древнейшее время различные регионы нашей страны. Рассматриваются вопросы культуры племен Урала в эпоху неолита, проблемы скифского искусства, культурно-этнические контакты на Юго-Западе СССР на рубеже II и I тысячелетий до н. э., а также вопросы возникновения полихромного стиля эпохи Великого переселения народов и семантики искусства металлической пластики второй половины I тысячелетия до н. э.

Сборник иллюстрирован.

В приложении публикуется сводный указатель содержания «Археологических сборников Государственного Эрмитажа» за 1980—1989 гг. (выпуски 21—30).

